This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

DK1
M5824
v6:3

Retain cover when binding.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
MAR 7 1978

ДРЕВНОСТИ

ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

изданныя

подъ редакціею

В. Е. РУМЯНЦОВА,

секретаря общества

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

Съ 14 политипажами и 8 литографическими таблицами.

МОСКВА.
1876.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. **ИЗСЛѢДОВАНІЯ.**

Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ. Глава III. Д. чл. **К. К. Герца** . . . . . 150—192.

Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ. Д. чл. **В. Ѳ. Миллера** . . . . . 193—210.

Древняя архитектура Грузіи. Изслѣдованіе Д. чл. **Н. П. Кондакова** . . . . . 211—268.

Мегалитическіе памятники въ Россіи. Изслѣдованіе гр. **А. С. Уварова** . . . . . 269—290.

II. **АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.**

Замѣтка о Рогволодовомъ камнѣ 1171 года. Гр. **А. С. Уварова** . . . . . 291.

III. **ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.** № 104.

Отвѣтственное лицо гр. А. С. Уваровъ.

ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ VI.

ДРЕВНОСТИ

ТРУДЫ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ VI,

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ В. Е. Румянцова,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

Съ одною хромолитографическою и 2-мя литографическими картами, портретомъ Н. М. Потулова и 14-ю политипажами (въ текстѣ), 40 страницами нотъ и 6-ю литографическими таблицами.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.
1876.

ОГЛАВЛЕНІЕ

VI ТОМА.

стр.

I. **ИЗСЛѢДОВАНІЯ.**

Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ. Глава I. Д. чл. **К. К. Герца** . . . . . 1—40.

О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода. Д. чл. **В. Б. Антоновича** . . . . . 41—46.

Слѣды поселеній Мери, Чуди, Черемисы, Еми и другихъ инородцевъ въ предѣлахъ Костромской губерніи. Чл. кор. **В А. Самарянова** . . . . . 47—67.

Церковно-строительная дѣятельность въ Новгородѣ. Д. чл. **И. Д. Мансветова** . . . . . 68—85.

Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ. Глава II. Д. чл. **К. К. Герца** . . . . . 86—119.

Славянскій Краковъ. Д. чл. **С. М. Крыжановскаго**. 120—134.

Село Пречистая-Каменка, Новоторжскаго уѣзда. Д. чл. **А. К. Жизневскаго** . . . . . 135—139.

Николай Михайловичъ Потуловъ и его труды по разработкѣ дровнецерковнаго русскаго пѣнія (съ портретомъ Н. М. Потулова). Д. чл. **Д. В. Разумовскаго** . . . 140—149.

Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ. Глава III. Д. чл. **К. К. Герца** . . . . . 150—192.

Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ. Д. чл. **В. Ѳ. Миллера** . . . . . 193—210.

Древняя архитектура Грузіи. Изслѣдованіе Д. чл. **Н. П Кондакова** . . . . . 211—268.

Мегалитическіе памятники въ Россіи. Изслѣдованіе гр. **А. С. Уварова** . . . . . 269—290.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Археологическая находка въ Суздалѣ. Д. чл. **К. Н. Тихонравова**. . . . . 86.
Замѣтка о Рогволодовомъ камнѣ 1171 года. Гр. **А. С. Уварова**. . . . . 291.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Библіографическій указатель за 1874 годъ. . . . . 1—22.
Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 году близь Керчи и описанная Владиміромъ Стасовымъ. (Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1872 годъ, съ атласомъ. Спб. 1875 г., стр. 235—339; рисунки на табл. I—XVIII).
I. Обзоръ изслѣдованія о фрескахъ Керченской катакомбы. Д. чл. **А. А. Котляревскаго**. . . . . 23—26.
II. Объясненіе Керченскихъ фресокъ. **С. А. Усова**. . 27—34.
III. Нѣсколько замѣчаній о Керченскихъ фрескахъ. Д. чл. **Д. И. Иловайскаго**. . . . . 34—40.

IV. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ № 90—104. . . . . 1—44.

V. ПРИЛОЖЕНІЯ.

Инструкціи, составленныя коммиссіею назначенною 3-мъ Археологическимъ съѣздомъ въ Кіевѣ и утвержденныя въ общемъ засѣданіи съѣзда 21 августа 1874 года. I. Для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ; II. Для производства раскопки кургановъ. . . , ... 1—4.
О бумажныхъ оттискахъ съ древнихъ надписей и воспроизведеніи ихъ изъ гипса . . . . . 5—6.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ И ОТКРЫТІЙ

НА ТАМАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ

съ конца XVIII столѣтія до 1859 года.

ГЛАВА III.

Раскопки 1853 года.

1-го апрѣля 1853 года, рабочіе войсковаго старшины П. Д. Семеняки, добывая камень для домашнихъ построекъ, въ полверстѣ отъ хутора, на низменности, лежащей у подножія сплошныхъ насыпей, идущихъ по берегу Таманскаго залива, въ выкопанной ими квадратной ямѣ, случайно открыли три мраморныя плиты, довольно значительной величины. Первая изъ этихъ плитъ найдена была на глубинѣ $1^1/_2$ сажени, въ сѣверо-восточномъ углу вышеупомянутой ямы. По начертанной на ней греческой надписи видно, что она служила пьедесталомъ памятнику, воздвигнутому Кассаліею, дочерью Позія, въ честь Афродиты-Ураніи. Этотъ пьедесталъ, имѣющій $1^1/_2$ арш. въ длину и ширину и $^3/_4$ арш. въ толщину, сдѣланъ изъ бѣлаго паросскаго мрамора и съ трехъ сторонъ украшенъ карнизомъ. Надпись, какъ и самый пьедесталъ, на которомъ она вырѣзана, вообще весьма хорошо сохранились.—Вторая, обезображенная, плита служила базой для колонны;

она была сѣраго цвѣта и не имѣла никакихъ украшеній. Наконецъ третій кусокъ мрамора имѣлъ форму четырехъ-сторонняго столба, въ два аршина длиною и 6 вершковъ толщиною, и былъ нижнею частію гермеса неизвѣстнаго божества, котораго головы недоставало. На верхней оконечности гермеса была видна часть шеи и два локона волосъ, вьющихся по плечамъ. Гермесъ былъ изваянъ изъ бѣлаго мрамора и отличался чистотою и правильностію отдѣлки. Всѣ стороны его были полированы, но не имѣли никакихъ аттрибутовъ. Онъ найденъ былъ на глубинѣ одной сажени въ сѣверо-западномъ углу ямы, на разстояніи двухъ аршинъ отъ пьедестала памятника Кассаліи. Рабочіе тотчасъ донесли объ этой находкѣ своему хозяину, который, догадываясь о важномъ значеніи, которое можетъ имѣть новооткрытая древне-греческая надпись, письмомъ отъ 9-го іюня 1863 года увѣдомилъ объ этомъ открытіи К. Р. Бѣгичева, препровождая при письмѣ своемъ снимокъ съ надписи, сдѣланный въ натуральную величину и довольно вѣрно передающій характеръ буквъ, хотя въ изображеніи ихъ были нѣкоторыя погрѣшности. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, мраморы оставлены были на дворѣ хутора Семеняки, подъ личнымъ охраненіемъ хозяина.

Между тѣмъ, въ судьбахъ Керченскаго музея древностей и въ составѣ его лицъ въ это самое время произошли новыя перемѣны *). 8-го апрѣля 1853 года Высочайше утвержденъ былъ новый штатъ Керченскаго музея. Министръ Удѣловъ, графъ Л. А. Перовскій, должность директора музея возложилъ на А. Е. Люценко, а въ помощники ему назначилъ К. Р. Бѣгичева, за которымъ сверхъ того, въ видахъ экономіи, оставлены были прежде имъ исполняемыя обязанности рисовальщика и скульптора музея. Сверхъ того, по новому положенію, при музеѣ назначено было состоять еще двумъ чиновникамъ; на эти должности опредѣлены были Я. М. Лазаревскій и А. С. Линевичъ. 31 апрѣля новый директоръ прибылъ къ мѣсту своего назначенія и вступилъ въ должность **).

Въ лѣтніе мѣсяцы, въ тѣ времена, археологическія изслѣдованія, какъ въ окрестностяхъ Керчи, такъ и на Таманскомъ полуостровѣ обыкновенно пріостанавливались. Мѣстное народонаселеніе вообще было занято собственными своими полевыми работами; пришельцевъ изъ сѣверныхъ губерній не было. Иногда, для обширныхъ работъ, приходилось прибѣгать къ помощи гарнизонныхъ командъ. Въ послѣдствіи времени многое и въ этихъ отношеніяхъ измѣнилось. Кромѣ того, водяныя сообщенія Керчи съ Таманью были трудны и един-

*) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 37 (236); безъ обозначенія листа.
**) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 83.

ственный пароходъ, ходившій между обоими городами, иногда отправлялся далѣе. Этимъ промежуткомъ невольнаго бездѣйствія новый директоръ рѣшился воспользоваться для осмотра Таманскаго полуострова и находящихся на немъ замѣчательныхъ мѣстностей, кургановъ и насыпей. 2-го іюля, вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ и чиновникомъ Линевичемъ, директоръ музея переправился на лодкѣ черезъ проливъ, и въ теченіи пяти дней осмотрѣлъ почти всѣ мѣста бывшихъ и предполагаемыхъ разслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ, именно— въ Тамани, на Сѣнной, на Фонтанѣ, въ Ахтанизовкѣ, въ Титоровкѣ и въ Дубовомъ рынкѣ. Другія мѣстности Таманскаго полуострова, гдѣ производились раскопки въ 1852 году, напр. Тузлу, ему не удалось посѣтить, вслѣдствіе отказа на станціяхъ въ почтовыхъ лошадяхъ для поѣздокъ въ сторону. На хуторѣ Семеняки онъ имѣлъ случай изслѣдовать новоокрытую надпись Кассаліи, которая подала ему поводъ препроводить къ графу Л. А. Перовскому обстоятельную записку объ этомъ открытіи *), въ которой онъ указалъ на важное значеніе этого памятника для науки Босфорскихъ древностей. Министръ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ новому открытію: по его докладу, надпись Кассаліи была пріобрѣтена для Императорскаго Эрмитажа, гдѣ и нынѣ находится, и счастливый владѣлецъ награжденъ былъ отъ Государя Императора бриллiантовымъ перстнемъ. По перенесеніи этого памятника въ Петербургъ, ученые опредѣлили его значеніе **).

Личный обзоръ нѣкоторыхъ изъ главныхъ мѣстностей, преимущественно въ сопровожденіи лица, во многихъ изъ нихъ производившаго раскопки, привелъ А. Е. Люценко къ убѣжденію, что разслѣдованіе насыпей въ Тамани, на берегу пролива, гдѣ была старая турецкая крѣпость, слѣдуетъ считать совершенно оконченнымъ и не подающимъ никакихъ надеждъ на открытія. Подобное же мнѣніе имѣлъ и К. Р. Бѣгичевъ о разслѣдованіи кургановъ на Тузлѣ, близъ южнаго кордона. За то большія надежды возбудили въ немъ курганы, находящіеся въ окрестностяхъ станціи Сѣнной и видъ мѣстности, окружающей хуторъ Семеняки, на которой, по предположенію Дюбуа, лежала древняя Фанагорія. Находки, сдѣланныя за нѣсколько мѣсяцевъ на этихъ двухъ пунктахъ, поддерживали эти надежды. Правда, курганы Сѣнной

*) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 37 (236); безъ обозначенія листа.

**) См. Древности Босфора Киммерійскаго, изданіе Имп. Эрмитажа. Томъ II. Надпись VI. Uber eine Marmorbasis aus der Zeit des bosporischen Königs Paerisades I. Von H. Köhne. Sitzungsbe richte der philos. histor. Classe der Kais. Wissenchaft Academie. Wien. 1853. XI. B. S. 399 ff. Нѣкоторыя топографическія неточности этой статьи извинительны, потому что авторъ не посѣщалъ упоминаемыхъ имъ мѣстностей.

представляли несомнительные признаки старинныхъ раскопокъ, а другіе были уже раскопаны до основанія въ послѣднее время, но блестящая находка, сдѣланная 14 августа 1852 года, указывала, что въ нѣдрахъ ихъ могутъ скрываться еще многія сокровища, оставленныя древностію. Но въ особенности поразили его вниманіе «сплошныя насыпи» и самая мѣстность Фанагоріи. Находка памятника Кассаліи, базы колонны и Гермеса возбуждали предположеніе о достовѣрности догадокъ Дюбуа. Изслѣдованіе послѣднихъ пунктовъ тѣсно связано между собою и должно было подтвердить одно и то же предположеніе. Поэтому въ этомъ смыслѣ директоръ изложилъ въ особомъ письмѣ къ графу Л. А. Перовскому планъ раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ въ 1853 году *).

Утверждая предположенныя директоромъ работы на Таманскомъ полуостровѣ, графъ Л. А. Перовскій, въ письмѣ своемъ отъ 28 іюля 1853 г. **), замѣтилъ, что розысканія насыпей въ Тамани отнюдь нельзя считать совершенно оконченными и не подающими никакихъ надеждъ. «Никто, пишетъ онъ, не можетъ утвердительно сказать, что не встрѣтится никакой находки, если начать раскопки отступая нѣсколько шаговъ отъ изслѣдованныхъ уже пунктовъ». Поэтому, не произнося рѣшительнаго приговора относительно сказанныхъ мѣстностей, графъ Л. А. Перовскій думалъ, что разслѣдованіе ихъ слѣдуетъ только отложить до болѣе удобнаго времени. То же самое замѣчаніе, по его мнѣнію, относилось и къ нѣкоторымъ курганамъ близъ станціи Сѣнной. Не смотря на всѣ раскопки, «нельзя положительно сказать, пишетъ онъ, чтобы эти курганы были пусты, потому что весьма немногіе изъ нихъ окончательно изслѣдованы. По опыту дознано, что главная гробница нерѣдко бываетъ опущена довольно глубоко въ материкѣ и что, кромѣ этой главной, имѣются въ курганѣ еще нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ гробницъ.»

Получивъ утвержденіе плана раскопокъ на Таманскомъ полуостровѣ въ 1853 году, директоръ музея поручилъ производство ихъ своему помощнику К. Р. Бѣгичеву. Имѣя въ виду желаніе министра, чтобы раскопки производились систематически, директоръ музея изъявлялъ послѣднему желаніе, чтобы разслѣдованія были предпринимаемы въ возможно ограниченныхъ размѣрахъ, но были бы вполнѣ окончены. Всѣ раскопки 1853 года должны были сосредоточиться на трехъ пунктахъ: во первыхъ, изслѣдованіе одной изъ сплошныхъ насыпей въ окрестностяхъ станціи Сѣнной; во вторыхъ, въ мѣстности, тянущейся къ западу отъ хутора Семеняки и, въ третьихъ, въ нѣкоторыхъ курганахъ,

*) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 90. Отношеніе за № 7, отъ 9 іюля 1853.
**) То же дѣло, листъ 94. Отношеніе за № 1317.

окружающихъ хуторъ Семеняки и станцію Сѣнную. Дальнѣйшій ходъ этихъ раскопокъ долженъ былъ показать, слѣдуетъ ли ограничиться ими, или предпринять другія разслѣдованія, частію остающіяся не совершенно оконченными, частію же вовсе не начатыми. Къ такимъ работамъ принадлежали: 1) окончательное изслѣдованіе кургана въ селеніи Фонтанъ, 2) разрѣзъ Киммерійскаго вала близь хутора Артюхова и 3) изслѣдованіе двухъ кургановъ, называемыхъ Близнецами. Въ помощь для наблюденія за производствомъ археологическихъ работъ на Таманскомъ полуостровѣ къ К. Р. Бѣгичеву назначенъ былъ Я. М. Лазаревскій, которому мы обязаны чрезвычайно точнымъ журналомъ этихъ раскопокъ *).

5-го августа, въ 2 часа пополудни, К. Р. Бѣгичевъ и Я. М. Лазаревскій, съ 20 рабочими, нанятыми въ Керчи, на лодкѣ отправились на Таманскій полуостровъ, но по причинѣ противныхъ вѣтровъ, встрѣченныхъ ими въ проливѣ, съ большимъ трудомъ могли добраться къ ночи только до Тамани. На другой день, 6-го августа, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, рано утромъ снялись они изъ Тамани, по направленію къ Таманскому заливу, чтобы достигнуть водою станціи Сѣнной. Проходя возлѣ Маркитантской косы, около $6^1/_2$ часовъ утра, они были свидѣтелями изверженія одного изъ грязныхъ волкановъ Таманскаго полуострова, котораго описаніе мы передаемъ словами отчета **).

«На вершинѣ горы, называемой Карабетка, въ верстахъ 3—4 разстояніемъ отъ Тамани, показалось мгновенно вспыхнувшее пламя, быстро увеличившееся въ объемѣ, сопровождаемое густыми клубами чернаго дыма. Рабочіе, увидѣвъ пламя, вскричали: «Сѣно вспыхнуло! Сѣно горитъ». Но въ то же время огромныя массы земли, взорванныя на воздухъ вмѣстѣ съ дымомъ, прорвавшимся по разнымъ направленіямъ, представили намъ полное изверженіе волкана. Дѣйствительно, то было изверженіе волкана, пробудившагося на этомъ самомъ мѣстѣ черезъ 35 лѣтъ. Первымъ нашимъ движеніемъ было—приказать держаться къ берегу, чтобы отправиться поближе къ волкану. Между тѣмъ мы принялись внимательно слѣдить за ходомъ изверженія, бывшаго передъ нашими глазами, хотя и въ дальнемъ отъ насъ разстояніи (6—7 верстъ), записывая всѣ подробности въ такомъ порядкѣ дѣйствія и времени, въ какомъ они совершались.

Дѣйствіе волкана обнаружилось въ 6 часовъ и 36 минутъ утра,

*) Дѣло по археологическимъ розысканіямъ на Таманскомъ полуостровѣ 1853 г., хранящееся въ архивѣ Керченскаго музея древностей, листъ 19.

**) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 106. Письмо К. Р. Бѣгичева къ министру отъ 12 августа 1853 г.

при весьма спокойномъ состояніи атмосферы, безоблачномъ небѣ и безъ всякихъ ощутительныхъ для насъ признаковъ.

Первоначально выброшенное пламя, сопровождаемое клубами дыма и, вслѣдъ за тѣмъ, изверженіями земли, въ нѣсколько секундъ достигло высоты отъ 15 до 20 сажень надъ поверхностью горы и оставалось въ такомъ положеніи 5—6 минутъ; потомъ, быстро измѣняясь въ объемѣ, изчезло. Черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ второй и третій подобные же взрывы, но уже съ меньшею противъ прежняго силой и съ бо̀льшими промежутками одинъ послѣ другаго. Изверженіе земли, съ небольшими промежутками, видимо было въ теченіи 26 минутъ, хотя дѣйствіе его было неравномѣрно: за болѣе сильнымъ изверженіемъ слѣдовалъ большій промежутокъ времени и наоборотъ; слабое дѣйствіе волкана повторялось одно за другимъ почти непрерывно. Черезъ 12 минутъ, въ продолженіи которыхъ поверхность горы оставалась совершенно спокойною, показалось слабое изверженіе или, вѣрнѣе, изліяніе какой-то жидкой массы, продолжавшееся около 3 минутъ и казавшееся какъ бы послѣднимъ усиліемъ волкана.

Въ это время лодка наша причалила къ берегу; мы вышли въ сопровожденіи одного изъ расторопнѣйшихъ нашихъ рабочихъ и тотчасъ отправились къ волкану, казавшемуся намъ уже совершенно потухшимъ и не представляющимъ никакой опасности. Дѣйствительно, черезъ 8 минутъ, на вершинѣ горы показались три человѣческія фигуры, стоящія не въ дальнемъ разстояніи отъ волкана, въ самомъ спокойномъ созерцаніи. Но послѣ этого черезъ двадцать минутъ дѣйствіе волкана обнаружилось снова довольно сильнымъ изверженіемъ земли, продолжавшимся болѣе 3 минутъ. Мы осторожно слѣдили за вершиною горы, скрывавшеюся подъ горизонтъ по мѣрѣ нашего приближенія къ ней, но не замѣтили болѣе никакого на ней дѣйствія.

Въ исходѣ девятаго часа мы взошли на гору. Изумленнымъ глазамъ нашимъ представилась обширна̀я сплошная масса густой, черной грязи, покрывающая поверхность горы около 700 шаговъ въ окружности, мѣстами на сажень, мѣстами болѣе въ толщину. По срединѣ этой массы замѣтно было еще небольшое колебаніе, продолжавшееся около часу, въ теченіи коего, въ присутствіи нашемъ, послѣдовали три легкіе взрыва газовъ, сопровождаемые изверженіями грязи и глухими подземными ударами. Изнутри кратера слышался постоянный ревъ, на подобіе паровъ, выпускаемыхъ пароходомъ, усиливавшійся иногда до того, что мы невольно отбѣгали прочь. Къ сторонѣ сѣвера, откуда мы взошли, масса грязи была болѣе въ жидкомъ состояніи, нежели со стороны противуположной, гдѣ, по видимому, она была выброшена прежде и успѣла засохнуть.

Внѣ пространства, занимаемаго этою массой, на поверхности горы, въ особенности съ южной стороны кратера, замѣтны были сильные всплески жидкой грязи, по направленію отъ центра къ окружности, и камни, выброшенные изъ кратера. Поверхность горы, также болѣе съ южной стороны кратера, была изрыта глубокими трещинами, бѣжавшими по разнымъ направленіямъ, то отъ центра къ окружности, то параллельно окружности, на протяженіи 200—300 шаговъ. Съ этой же стороны цѣлыя глыбы земли были взорваны на поверхность, и самая поверхность мѣстами казалась значительно приподнятою, мѣстами провалившеюся. По окраинамъ трещинъ, почти на всемъ ихъ протяженіи, трава была обожжена и находившійся тутъ коровій пометъ горѣлъ еще при насъ въ многихъ мѣстахъ. Въ воздухѣ былъ чувствуемъ запахъ нефти, но слегка, и то по направленію вѣтра.

Очевидно, что первоначальный и самый сильный взрывъ газовъ дѣйствовалъ по направленію отъ сѣвера къ югу, какъ это можно заключить по глыбамъ взорванной по тому направленію земли, по полету брошенныхъ изъ кратера камней, оставившихъ на поверхности грязи широкія борозды, видимыя отъ средины массы до окраинъ, гдѣ они остановились увядшими и, наконецъ, по положенію самыхъ трещинъ, имѣющихъ чисто облическое положеніе.

Всѣ описанныя дѣйствія происходили при весьма спокойномъ состояніи воздуха. Замѣчательно однако, что передъ началомъ изверженія, быть можетъ, за четверть часа, бывшій до того свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ вдругъ затихъ, такъ что наши лодочники должны была взяться за весла.

Здѣшніе жители разсказываютъ, что наканунѣ изверженія, 5 августа, во весь день былъ слышенъ громъ по направленію отъ горы, и что нѣкоторые изъ нихъ, проѣзжая по дорогѣ мимо этой горы, приходили въ изумленіе, не видя на небѣ громовыхъ тучъ, и даже никакихъ тучъ.

Видимое дѣйствіе волкана продолжалось всего около трехъ часовъ».

Раскопки въ окрестностяхъ станціи Сѣнной начаты были 7 августа и окончены 30 октября. Здѣсь разрыто было болѣе 20 насыпей, изъ которыхъ нѣкоторыя оказались натуральными возвышенностями, и сдѣлано до 60 разрѣзовъ, составляющихъ кубическое содержаніе до 620 саженей.

Раскопки въ сплошныхъ насыпяхъ около станціи Сѣнной.

Соображаясь съ мнѣніемъ директора музея, К. Р. Бѣгичевъ сперва началъ разрѣзъ сплошной насыпи, имѣющей до 8 сажень высоты и лежащей по правую сторону спуска къ хутору Семеняки, и именно,

на сѣверной ея покатости и почти у самой вершины.—Разслѣдованіе этой, по видимому огромной, насыпи было окончено въ тотъ же день, потому что собственной насыпи, т. е. чернозема, смѣшаннаго съ черепками битыхъ сосудовъ, мусора и т. д., въ ней оказалось не больше четверти и до 1 аршина высоты. Такимъ же образомъ разслѣдована была и вторая насыпь, лежащая по лѣвую сторону вышесказаннаго спуска и почти одинаковой высоты съ первой. Въ этой насыпи сдѣланы были два разрѣза: одинъ вверху, другой внизу. Въ обоихъ показался вскорѣ материкъ, съ тою только разницею, что во второй насыпи онъ открытъ на глубинѣ болѣе значительной,—отъ полуторы до двухъ сажень. При этихъ разрытіяхъ, кромѣ большаго числа черепковъ битой посуды, найдено было до 20 мелкихъ мѣдныхъ, сильно окисшихъ монетъ и разныя незначительныя вещи, напр. оселокъ для точенія оружія и сосуды, какъ то, лампочки черной глины, грубой работы.

Изслѣдованіе материка, столь близко лежащаго отъ поверхности земли, убѣдило К. Р. Бѣгичева, что эти насыпи суть натуральныя возвышенности. Материкъ состоялъ изъ чистаго бѣлаго песку, глины и хряща, параллельно перемежающихся между собою и идущихъ наклонно внизъ, подъ угломъ въ 50°. Слои эти доказываютъ, что эти натуральныя возвышенности до тѣхъ поръ ошибочно принимались за сплошныя насыпи. Они покрыты только болѣе или менѣе толстымъ слоемъ земли, образовавшимся, вѣроятно, случайно, вслѣдствіе заселенія этихъ мѣстъ.

Такимъ образомъ, можно было бы предположить, что на этихъ природныхъ возвышенностяхъ, которыхъ цѣпь такъ ясно рисуется глазу путешественника, находилось, судя по множеству черепковъ битой посуды, древнее греческое поселеніе. Но это оказывается сомнительнымъ, потому что въ материкѣ этихъ «сплошныхъ насыпей» найдены были К. Р. Бѣгичевымъ гробницы. Такъ въ первой насыпи, на глубинѣ двухъ аршинъ, оказалась разоренная земляная гробница, вырытая просто въ материкѣ, по направленію отъ юга къ сѣверу, въ которой, кромѣ слезницы, уцѣлѣвшей возлѣ костей отъ ногъ покойника, ничего не открыто.

На второй насыпи хозяиномъ близлежащаго хутора была прорыта канава, для ограды находящагося здѣсь мѣста складки хлѣба. При рытіи канавы имъ тоже замѣчено было большое количество черепковъ глиняной древней посуды и вырыто нѣсколько штукъ пиленаго строеваго камня. Трудно рѣшить, происходитъ ли этотъ камень отъ древняго зданія, или отъ гробничной, разоренной, постройки. Кромѣ того, эта вторая насыпь, кромѣ находокъ, общихъ ей съ первою, исчисленныхъ

выше, представила находки, заслуживающія особаго упоминанія. По углубленіи на сажень, были найдены: большая агатовая мониста, желѣзный мечъ, торчавшій въ насыпи вертикально, но поломанный на нѣсколько частей, и глиняная статуэтка, хорошаго стиля, изображавшая мужскую фигуру, безъ головы, опирающуюся на колонну. 18 августа на всѣхъ пунктахъ разрѣза этой насыпи дошли до материка, который лежалъ на самой большой глубинѣ—на 2 саж. $^3/_4$ арш., и работы были прекращены въ этой насыпи.

Наибольшій интересъ представило разслѣдованіе третьей сплошной насыпи, лежащей къ западу отъ предыдущихъ, возлѣ дороги, служившей, по видимому, главнымъ сообщеніемъ города Фанагоріи съ портомъ. Эта третья насыпь, находящаяся на растояніи 200 саж. отъ хутора Семеняки, имѣетъ обширную возвышенность съ сѣверовосточной стороны и до 7 саж. высоты. У подошвы этой насыпи, къ сторонѣ Босфорскаго залива и въ 75 саж. разстоянія отъ него, найдены были три мраморныя плиты, изъ которыхъ одна—съ надписью Кассаліи. Эта находка возбудила тогда же мнѣніе, что вблизи этого мѣста въ древности находился храмъ или какое либо другое сооруженіе, можетъ быть—въ честь Діаны Агротеры. Это мнѣніе, по словамъ К. Р. Бѣгичева, подтверждалось также многими мраморными обломками различнаго свойства и остатками древней штукатурки, находимыми на этомъ мѣстѣ въ большомъ количествѣ, при добываніи камня здѣшними жителями для своихъ построекъ.

Основываясь на этихъ указаніяхъ, К. Р. Бѣгичевъ счелъ необходимымъ разслѣдовать эту насыпь въ обширныхъ размѣрахъ. Разслѣдованіе представило большой и загадочный интересъ, по свойству самой насыпи. Вся она, отъ вершины до основанія, которое, по первоначальному предположенію изслѣдователя, могло лежать даже ниже уровня моря, состояла изъ наносной земли, перемѣшанной со множествомъ черепковъ битыхъ амфоръ и всякаго рода греческихъ сосудовъ, простыхъ и расписанныхъ, иногда идущихъ почти сплошною массою или слоемъ, также обломковъ черепицы, мрамора и камня, песка и золы,—несомнѣнныхъ признаковъ, что здѣсь въ древности существовали обширныя постройки.

Въ этой насыпи сдѣлано было три главныхъ разрѣза: первый—со стороны дороги, у подошвы насыпи, на восточной ея покатости, постоянно называемый въ журналѣ боковымъ; второй—со стороны Босфорскаго залива, почти на ровномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ были найдены мраморы рабочими П. Д. Семеняки, по направленію отъ мѣста находки къ подошвѣ насыпи, и третій—по тому же направленію, на сѣверной покатости насыпи, сверху. По мѣрѣ открытія материка въ этихъ

разрѣзахъ, дѣлались къ нимъ новыя пріемки, такъ что описаніе этихъ работъ въ журналѣ К. Р. Бѣгичева составляетъ истинный лабиринтъ, въ которомъ долженъ заблудиться каждый археологъ, вслѣдствіе отсутствія плана раскопокъ, который долженъ былъ бы сопровождать журналъ. Тѣмъ не менѣе, мы постараемся дать сколь возможно ясное описаніе результатовъ этихъ раскопокъ, съ сожалѣнію, не доведенныхъ къ концу.

Всѣхъ менѣе интереса представило разслѣдованіе перваго или боковаго разрѣза. Здѣсь, кромѣ черепковъ и множества крѣпкаго и мелкаго камня, открыты были обломки древней черепицы, розоваго въ изломѣ цвѣта, необыкновенно крѣпкой, и незамѣчательный мѣдный перстень, слабо окисшій. На глубинѣ 2 саж. и 2 аршинъ отрытъ былъ материкъ, состоящій изъ сухаго, желтаго, разсыпчатаго песку.

Гораздо интереснѣе были открытія, сдѣланныя во второмъ разрѣзѣ, по направленію отъ мѣста находки памятника Кассаліи къ подошвѣ насыпи. Эта раскопка состояла собственно изъ четырехъ смежныхъ разрѣзовъ, но, для большей ясности, опуская мелкія находки мѣдныхъ окисшихъ монетъ, острій стрѣлъ, или обломка бронзовой ручки, открытія, сдѣланныя въ этихъ смежныхъ размѣрахъ, мы соединимъ въ одно описаніе.

При расширеніи небольшой ямы, гдѣ рабочими П. Д. Семяняки открыты были три мраморныя плиты, на глубинѣ двухъ аршинъ ниже поверхности земли, отрытъ былъ огромный колодецъ, изсѣченный въ песчано-каменистомъ грунтѣ. Онъ имѣлъ до 4 кв. аршинъ плоскости и засыпанъ былъ до верху землею, камнемъ и золою. На этомъ слоѣ изъ золы и найденъ былъ памятникъ Кассаліи. Глубина колодца была изслѣдована только на два аршина; пущенный въ немъ щупъ до дна, по видимому, не досталъ. Въ колодцѣ этомъ открыто множество камня особеннаго свойства, краснаго въ изломѣ цвѣта (кремнистый мергель?), который до тѣхъ поръ не встрѣчался на Таманскомъ полуостровѣ. Стѣнки колодца были выложены этимъ камнемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнокъ онъ вываливался самъ собою. Вблизи колодца найдены были стѣны, въ аршинъ толщиною, сложенныя на материкѣ изъ этого же камня, одна ниже другой, безъ всякаго порядка или цѣли.

Въ другомъ мѣстѣ втораго разрѣза найдено было, на каменистомъ пласту, углубленіе, простиравшееся въ длину почти на сажень. По предположенію К. Р. Бѣгичева, оно составляло родъ печи, служившей для выжиганія глиняной посуды и черепицы, обломки которыхъ тамъ находились во множествѣ. Въ числѣ обломковъ черепицъ, открытыхъ въ этомъ разрѣзѣ лежащими то отдѣльно, то вмѣстѣ—большимъ количествомъ, найдено было нѣсколько весьма замѣчательныхъ, на

которыхъ были видны остатки слѣдующихъ греческихъ буквъ: СНО, АР, ФАРІ, (NAKOY?) ОСО. Буквы, исполненныя рельефно, по формѣ своей, представляли совершенно особый стиль, не встрѣчавшійся на прочихъ греческихъ сосудахъ *). Множество мраморныхъ плитъ, различной величины, которыя могли составлять только часть построекъ, свидѣтельствовали о зданіяхъ, здѣсь существовавшихъ. Справедливость этого предположенія доказывается также остатками штукатурки, густо покрытыми красною краскою, и наконецъ—многочисленными фрагментами архитектурныхъ частей какого-то зданія, о которыхъ мы имѣемъ подробное свѣдѣніе. Три отломка мраморной колонны, найденныя лежащими въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, составили одну цѣльную колонну, въ одиннадцать четвертей высотою и шириною, въ діаметрѣ—5 вершк. вверху и внизу. Низъ этой колонны украшенъ былъ одною рельефною полоскою. Возлѣ колонны найдена была база какой-то колонны изъ известняка, $4^1/_2$ вершка высоты и въ діаметрѣ 7 верш., на верху имѣющая, для вставки колонны, впадину, въ которой видѣнъ вбитый гвоздь и остатки извести. База была украшена 20 углубленіями, въ видѣ ложекъ. Нѣсколько влѣво отъ базы найдена была поврежденная акротерія, изъ известняка, сдѣланная на подобіе пальметки. Ширина ея $^3/_4$, высота 10 вершк. Вправо же отъ обломковъ колонны найдена была капитель колонны изъ известняка, шириною въ 11 вершк., высотою въ четверть, толщиною въ 7 вершковъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ нея лежала другая мраморная капитель, длиною 9 вершк., шир. $7^1/_2$, выс. $4^1/_2$, простой отдѣлки, греческаго стиля. Капители принадлежали колоннамъ орденовъ коринѳскаго и іоническаго. Въ другомъ мѣстѣ этого разрѣза, на самомъ материкѣ, найденъ былъ обломокъ колонны изъ зеленаго мрамора, длиною 1 арш. 3 вершк., и шириною въ діаметрѣ 5 вершк., какъ сверху, такъ и снизу. На противуположной сторонѣ разрѣза открытъ былъ обломокъ мраморнаго пьедестала, украшеннаго карнизомъ, имѣвшій высоты полъаршина и 2 верш. Наконецъ, ближе къ горѣ найденъ былъ еще одинъ обломокъ мраморной колонны, длиною три четверти арш. и 2 верш., шириною, въ діаметрѣ, въ верхнемъ концѣ, украшенномъ карнизомъ, $4^1/_4$ вершк., въ нижнемъ, гдѣ видѣнъ изломъ, 4 вершк., и мраморный обломокъ отъ какой-то постройки, съ тремя углубленіями. Кромѣ того въ верхней части разрѣза, ближе къ горѣ, найдено было много кусковъ мрамора. Все это свидѣтельствуетъ, что близь этого мѣста была въ древности постройка, судя по величинѣ колоннъ, небольшихъ размѣровъ. Наконецъ, весьма важною находкою въ этомъ разрѣзѣ, въ мѣстѣ, прие-

*) Я. М. Лазаревскій называетъ почеркъ ихъ древнимъ; но едва ли это справедливо. Сверхъ того, два черепка имѣли слѣдующее рельефное изображеніе: ЛЪ.

гающемъ къ подошвѣ «сплошной насыпи» или горы, гдѣ были отрыты бо̀льшая часть архитектурныхъ украшеній и черепицы съ надписями, была найдена мраморная плита, величиною съ полъаршина, грубо отесанная, на которой находилась слѣдующая, легко начертанная, греческая надпись *), христіанскихъ временъ:

C
ΥΕΒΟΕΘΗΤΟΝ
ΔΟΥΛΟΝCΟΥΚΥΡΗΑ
ΚΟΝΝΑΥΚΛΕΟ ΚΑΙ
ΟΝΝΑΥΤΟΜΩΛΟΜ·Ι·
ΓΕΩΡΓ·ΗΕΥ·ΥΤΟΛΑ
P

χύριε βοήθει τὸν
δοῦλόν σου χυριαχὸν
τὸν ναυχληρὸν χαὶ τὸν
ναύτην....

Материкъ, тоже состоявшій изъ песка, шелъ уступами, понижаясь къ сторонѣ моря. Ближе къ насыпи, онъ отрытъ былъ по углубленіи на $2^1/_2$ арш., но, по видимому, на всемъ пространствѣ разрѣза, равно какъ и въ боковомъ разрѣзѣ, обнаруженъ не былъ.

Наконецъ, послѣдній разрѣзъ въ третьей насыпи былъ сдѣланъ со стороны моря, по направленію втораго разрѣза, но только на самой вершинѣ насыпи. Едва рабочіе углубились на $1^1/_2$ арш., какъ они встрѣтили, на протяженіи одной сажени, рядъ тесаныхъ камней, шириною въ $7^1/_2$ вершк. и длиною около 1 арш., съ выдѣланнымъ на нихъ сверху углубленіемъ. Камни эти, вѣроятно, составляли водосточный жолобокъ, имѣющій легкое наклоненіе къ востоку. Стѣна эта шла далѣе къ насыпи, но болѣе не была разслѣдована. При концѣ этого жолоба, на $^1/_4$ арш. съ боку, находился большой сосудъ, изъ простой глины, остроконечной формы, съ широкимъ горломъ, совершенно раздавленный землею. На нѣкоторыхъ кускахъ его видны были свинцовыя пластинки, служившія для скрѣпокъ сломанныхъ частей кувшина. Эти закрѣпы показываютъ, что кувшинъ былъ сломанъ и реставрированъ еще въ древности. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности земли, найдены были, поломанная серебряная пряжка и мѣдная монета, приписываемая Эвбіоту, съ годомъ Z; глубже на 1 арш.—лампы, весьма грубо сдѣланныя изъ простой глины, одна съ отбитою подставкою и о семи свѣтильняхъ, и другая о пяти. На глубинѣ пяти четвертей показались двѣ ямы,

*) За вѣрность снимка мы не ручаемся.

наполненныя золою; но подъ ними снова открылась насыпь. На восточной сторонѣ этого разрѣза найдены были двѣ жженыя гробницы, выложенныя изъ землянаго кирпича. Вся насыпь состояла изъ безпорядочно перемѣшанной камки, золы, древеснаго угля, черепковъ, разной посуды и черепицы и простаго, дикаго и мягкаго, камня и земли. На материкѣ, въ высшей точкѣ насыпи, лежавшемъ на 2 саж., найдено было пять пашенныхъ ямъ.

По прекращеніи разслѣдованія первой «сплошной насыпи», приступлено было къ раскопкѣ насыпи, подобнаго же вида, но меньшаго размѣра, въ журналѣ обозначенной № 4. Она лежитъ неподалеку отъ первой, ближе къ почтовой дорогѣ, и казалось, еще никѣмъ не была тронута. При самомъ началѣ раскопки, съ западной отлогой стороны насыпи, найдена была небольшая плита изъ мягкаго камня. Кромѣ того, въ насыпи, на 1 арш. глубины, лежали разныя плиты и разбросаны были нѣсколько отесковъ того же камня и черепки глиняной простой посуды. Тутъ же найдены были двѣ земляныя гробницы съ истлѣвшими костями покойниковъ, но безъ вещей; земляная гробница, въ которой возлѣ ногъ истлѣвшаго скелета были два, разной величины, простыхъ глиняныхъ кувшинчика; дѣтская земляная гробница, въ которой возлѣ черепа найдена маленькая пантикапейская монета, съ изображеніемъ колчана и лука и съ надписью: ΠΑΝ. И такъ, уже во времена автономіи Пантикапеи, греки на этомъ мѣстѣ хоронили въ насыпи, а не въ материкѣ, въ которомъ, слѣдовательно, должны находиться (если вообще находятся) гробницы, еще болѣе древнія, потому что монеты суть почти единственно вѣрное указаніе на эпоху гробницъ. Нѣсколько глубже предыдущихъ находокъ, опять въ насыпи, отрыты были еще глиняный простой кувшинчикъ и небольшая чашечка изъ простой глины. Наконецъ, на глубинѣ $2^1/_2$ арш., открытъ былъ материкъ песчанаго свойства, на которомъ ничего не оказалось. За тѣмъ, работы перенесены были на другую сторону той же насыпи, имѣющую болѣе крутую поверхность. Черепки и отески попадались въ насыпи рѣдко, но на глубинѣ $1^1/_2$ арш. найдена была небольшая гробница, обложенная каменными плитками, заключавшая въ себѣ два человѣческіе скелета, почти совершенно истлѣвшіе, но лежавшіе въ такомъ порядкѣ, что голова одного изъ нихъ приходилась къ ногамъ другаго. Вещей въ гробницѣ не было. За тѣмъ, тутъ же открыты были двѣ земляныя гробницы, изъ которыхъ въ одной найдена была маленькая мѣдная монета. На глубинѣ $3^1/_2$ саж. въ насыпи найдено было изломанное мѣдное зеркальцо, мѣдная монетка и маленькій поврежденный флаконъ. Наконецъ показался материкъ, глинянаго свойства, на которомъ открыта была, съ западной стороны

разрѣза, катакомба, вырытая въ немъ на глубинѣ одной сажени ниже поверхности насыпи. Она имѣла одну сажень ширины и $1^1/_4$ длины, при вышинѣ одной сажени. Къ сожалѣнію, она оказалась совершенно расхищенною. Не въ дальнемъ разстояніи отъ входа въ нее, найдены были три каменныя плиты, по всей вѣроятности, служившія для закладки входа. Тутъ же замѣтны были три сгнившія частицы деревяннаго гроба и найдено нѣсколько вазочекъ, украшенныхъ мелкими квадратами. Въ самой катакомбѣ, кромѣ поломанныхъ мѣдныхъ браслетовъ и двухъ простыхъ монистъ, ничего не оказалось. На этомъ разслѣдованіе четвертой «сплошной насыпи» было прекращено.

Рядомъ съ третьею «сплошною насыпью», раскопанною въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ всѣ прочія, находится насыпь, изслѣдованіе которой, веденное одновременно съ третьею, привело къ любопытному факту, который, въ комбинаціи съ другими и преимущественно съ историческими указаніями древнихъ писателей, указываетъ на судьбу, постигшую описываемую нами мѣстность въ древнія времена. Эта насыпь, гораздо меньшаго объема, чѣмъ предыдущая, и въ журналѣ раскопокъ обозначенная подъ № 5, лежитъ клинообразно по тому же направленію между насыпью № 3 и другою, ей совершенно подобною. Съ самаго начала раскопки и до самой большой глубины, она состояла изъ чистой золы, слегка перемѣшанной съ черепками битыхъ амфоръ и другихъ простыхъ сосудовъ. Даже на глубинѣ 5 аршинъ, въ широкомъ разрѣзѣ, въ ней сдѣланномъ по направленію Таманскаго залива, отъ самой подошвы насыпи до ея центра, повсюду встрѣчалась одна чистая зола, въ которой, между прочимъ, попадались и довольно хорошо сохранившіяся кости животныхъ, напр. бычачьи. Только на вышеозначенной глубинѣ начала показываться сплошная масса битаго перегорѣлаго кирпича, перемѣшаннаго съ кирпичною пылью. Наконецъ, на глубинѣ $5^3/_4$ арш. отъ поверхности насыпи, въ центрѣ ея, въ уровень съ поверхностью материка, лежавшаго на глубинѣ почти трехъ саженей, открыта была кирпичная постройка, сложенная изъ сырцоваго кирпича, въ одинъ рядъ, въ видѣ правильнаго круга, имѣющаго въ діаметрѣ двѣ сажени. Только половина круга этой постройки была отрыта, на аршинъ въ глубину. Стѣны этой центральной постройки были сильно обожжены изнутри, и мѣстами почти прогорѣли насквозь, отъ продолжительнаго дѣйствія огня. Внѣшняя сторона этой постройки отдѣлялась отъ материка широкимъ прорѣзомъ, въ видѣ канавы, наполненнымъ землею иловатаго свойства, совершенно различною отъ окружнаго грунта. Въ серединѣ центральной постройки находилась другая кирпичная кладка, имѣвшая форму параллелопипеда, лучше сохранившаяся, нежели кладка круга. Что-

бы разслѣдовать всю постройку, начата была новая пріемка. Верхніе слои новаго разрѣза представили то же явленіе, какъ и предыдущій разрѣзъ насыпи: они состояли изъ чистой золы, гдѣ, между прочимъ, найдены были два человѣческіе скелета, разбросанные въ безпорядкѣ, но хорошо сохранившіеся. Изъ послѣдняго обстоятельства изслѣдователь вывелъ предположеніе, что скелеты, вѣроятно, принадлежали позднѣйшему населенію. Затѣмъ начали появляться слои кирпича и кирпичной пыли, схожіе съ тѣми, которые находились въ предыдущемъ разрѣзѣ; на глубинѣ же двухъ саженей отъ поверхности земли насыпь состояла изъ черной глины, почти мокрой, и наконецъ столь вязкой, что трудно отдѣлялась отъ лопаты. Тогда, какъ и во всѣхъ трехъ первыхъ сплошныхъ насыпяхъ, оказалось, для продолженія работъ, необходимымъ вывозить изъ ямъ выброшенную землю; но для того не было тачекъ, и такимъ образомъ, за неимѣніемъ необходимыхъ инструментовъ, разслѣдованіе «сплошныхъ насыпей», не приведенное къ концу, было прервано. Оно болѣе не возобновлялось.

Разслѣдованіе «сплошныхъ насыпей» и связанной съ ними мѣстности, лежащей къ западу отъ хутора Семеняки, было предпринято съ надеждою—открыть тамъ слѣды древней Фанагоріи. Гряда огромныхъ насыпей, правильною линіею тянущихся, состояла,—что было извѣстно изъ случайныхъ копаній,—изъ обломковъ древнихъ сосудовъ, красной краски кирпичей, черепицъ и камней, которыя въ такой массѣ собираются только тамъ, гдѣ было древнее поселеніе. Они—лучшій признакъ, что на извѣстномъ мѣстѣ жили древніе Греки. Сверхъ того, тамъ часто находили мраморные обломки отъ древнихъ сооруженій. Слѣды мола указывали на древнее, тутъ находившееся поселеніе. Между «сплошными насыпями» былъ проходъ, который указывалъ на направленіе древней дороги, которая вела отъ пристани къ воротамъ города. Воображеніе Дюбуа рисовало остатки городовыхъ стѣнъ и башень, скрытыхъ подъ «сплошными насыпями». Все это подтверждалось открытіемъ на ровной мѣстности, тянущейся къ западу отъ хутора Семеняки, памятника Кассаліи. Эта мѣстность не могла быть однимъ некрополисомъ древнихъ Фанагоритянъ. Если бы надпись Кассаліи была надгробнаго содержанія, то послѣднее предположеніе становилось бы вѣроятнѣе. Но надпись указывала на памятникъ, который, по обычаю Грековъ, сооружался въ городахъ, возлѣ храмовъ.

Результаты, которые мы можемъ извлечь изъ этихъ розысканій, не разъяснили, а даже вызвали еще болѣе сомнѣній въ нашемъ умѣ о назначеніи этой мѣстности. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, гдѣ

на этой мѣстности граница, раздѣлявшая городъ живыхъ отъ города мертвыхъ?—Дюбуа, а за нимъ и наши изслѣдователи, приняли, что этою границею служатъ «сплошныя насыпи». Подъ ними погребены городскія стѣны и башни. Площадь, распространяющаяся передъ ними, есть area города; за ними начинаются курганы и могилы, или городъ мертвыхъ. Но разслѣдованіе «сплошныхъ насыпей» обнаружило такіе странные факты, которыя нѣтъ возможности разъяснить себѣ.

Можно признать за аксіому, что тамъ, гдѣ въ большомъ количествѣ встрѣчаются монеты, черепки битыхъ греческихъ вазъ, обломки мрамора и кирпича, тамъ находилось древне-греческое поселеніе. Всѣ эти признаки, и въ громадномъ количествѣ, мы находимъ и на этой мѣстности. Монеты, здѣсь находимыя, принадлежали къ босфорскимъ. Замѣчательно, что въ верхнихъ слояхъ насыпи ихъ было болѣе, чѣмъ въ нижнихъ. То же самое должно замѣтить и о черепкахъ битыхъ греческихъ сосудовъ. Вся почва покрыта множествомъ остатковъ разныхъ зданій, представляющихъ цѣлый хаосъ. Отъ многихъ остались стѣны и отъ одного даже значительная часть; но назначеніе этого зданія трудно опредѣлить. Найденныя колонны и разные архитектурные фрагменты указываютъ, что гдѣ-то здѣсь существовало зданіе, небольшихъ размѣровъ, принадлежащее еще классическимъ временамъ. Много черепицъ съ остатками греческихъ штемпелей указываютъ опять на древне-греческое поселеніе. По находкамъ видно, что на этой мѣстности, послѣ языческихъ грековъ, жили христіане, употреблявшіе греческій языкъ, а потомъ другіе народы, клавшіе своихъ покойниковъ уже въ верхніе слои этой насыпи. Что всѣ зданія этой мѣстности погибли отъ пожара—нѣтъ никакого сомнѣнія: это свидѣтельствуется множествомъ древеснаго угля и золы, существующихъ въ «сплошныхъ насыпяхъ». Это количество такъ велико, что изъ золы состоитъ цѣлая насыпь. Необъяснимый фактъ составляетъ только то явленіе, что тутъ, на материкѣ, среди греческихъ жилищъ, въ «сплошныхъ насыпяхъ», а не на ровной поверхности къ западу отъ хутора Семеняки (что̀ должно строго различать), встрѣчаются, правда немногія, но тѣмъ не менѣе древне-греческія гробницы. Это сосѣдство жилищъ съ гробницами трудно себѣ объяснить. Греки не допускали, чтобы въ городахъ, среди жилищъ живыхъ людей, хоронились усопшіе. Только весьма рѣдко дѣлали они исключеніе изъ этого правила. Если археологическія розысканія и подтверждаютъ показаніе исторіи о гибели древней Фанагоріи посредствомъ пожара, то все-таки должно сознаться, что раскопки 1853 года не указали намъ на черту, раздѣлявшую городъ живыхъ отъ города мертвыхъ. Правда, они нѣсколько охладили ожиданія найти въ «сплошныхъ на-

сыпяхъ» хорошо сохранившіеся остатки древне-греческихъ городовыхъ стѣнъ и башней, но они подтвердили мнѣніе, что на этомъ мѣстѣ были древне-греческія жилища, древне-греческое поселеніе. Окончательной разгадки, что̀ скрывается подъ этими «сплошными насыпями», должно ожидать отъ будущихъ раскопокъ, несравненно болѣе обширныхъ размѣровъ, чѣмъ раскопки 1853 года *).

Раскопки въ курганахъ близь станціи Сѣнной.

Послѣ прекращенія разслѣдованій въ сплошныхъ насыпяхъ, которыхъ результаты, въ глазахъ тогдашнихъ изслѣдователей, были такъ неутѣшительны, приступлено было къ раскопкѣ кургановъ, гдѣ ожидаемыя богатыя находки могли вознаградить издержки, сопряженныя съ этими изслѣдованіями. Но и тутъ выборъ кургановъ, которые предстояло изслѣдовать, представлялъ затрудненія: по опыту было извѣстно, что бо̀льшая часть могилъ расхищена, а другіе курганы были изслѣдованы въ новѣйшее время. Тѣмъ не менѣе, выборъ сперва остановился на курганахъ послѣдняго рода. 26 августа работы перенесены были на мѣстность, лежащую надъ берегомъ Таманскаго залива, по правую сторону хутора Семеняки. Тамъ, за хуторомъ Семеняки, къ станціи Сѣнной идетъ плоская возвышенность вдоль морскаго берега, длиною до 200 саж., шириною же ближе къ хутору до 20 саж.; далѣе же она расширяется. Вся эта мѣстность обозначена въ черновомъ журналѣ раскопокъ Я. М. Лазаревскаго подъ № 6. На концахъ плоской возвышенности возвышаются два кургана, замѣчательные по своей величинѣ, и кромѣ того, къ сторонѣ дороги, идущей отъ хутора Семеняки къ Сѣнной станціи и надъ берегомъ моря, замѣтны небольшія возвышенія, на подобіе присыпей. Два изъ этихъ возвышеній, находящіяся надъ берегомъ, и курганъ, замыкающій эту возвышенность, который по величинѣ можетъ считаться между главными, были уже разрыты въ новѣйшее время гг. Ашикомъ и Карейшею. Но боковыя части этихъ насыпей, остававшіяся не изслѣдованными, представляли еще нѣкоторую надежду, что въ нихъ можно найти не расхищенныя боковыя гробницы. О нахожденіи нетронутой центральной гробницы изслѣдователи уже болѣе не помышляли.

Раскопки начаты были съ разслѣдованія большаго кургана, лежа-

*) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 119, рапортъ 53, листъ 128, рапортъ № 62. Рукописный черновой журналъ раскопокъ К. Р. Бѣгичева, стр. 175—198. Рукописный черновой журналъ раскопокъ Я. М. Лазаревскаго, стр. 1—3.

щаго близь хутора Семеняки. Въ немъ сдѣлано было 6 разрѣзовъ; въ насыпи, не представлявшей никакихъ особенностей, найдены были слѣдующіе предметы: обломокъ черепицы съ остаткомъ надписи: ΙΛΙΚΟΣ; нѣсколько перержавленныхъ монетъ, типа которыхъ нельзя было опредѣлить; женская головка отъ статуэтки изъ бѣлой глины и отломокъ карниза изъ алебастра, вѣроятно, отъ склепа. Въ одномъ изъ боковыхъ разрѣзовъ этого кургана открыта была жженая гробница, покрытая морскою травою, въ которой найдено было нѣсколько монистъ (изъ нихъ одна янтарная) и нѣсколько кусковъ листоваго золота. Но самымъ замѣчательнымъ открытіемъ въ этомъ курганѣ оказалась, на глубинѣ двухъ сажень, каменная постройка изъ двухъ отдѣленій, совершенно ограбленная и разломанная до основанія. Отъ этой постройки уцѣлѣли только четыре плиты: двѣ, величиною въ квадратный аршинъ, составлявшія пороги у входовъ наружнаго и внутренняго, и другія двѣ, лежащія по обѣ стороны внутренняго порога, раздѣляющаго вмѣстѣ съ ними всю постройку на двѣ равныя части. Полъ этой гробницы состоялъ изъ кусковъ мягкаго камня, залитаго растворомъ извести, и окрашенъ былъ блѣдною розовою краскою, которая, какъ видно, составлена была изъ толченаго кирпича, смѣшаннаго съ известью. При очисткѣ пола отъ земли, которая пропущена была черезъ грохотъ, найдены были слѣдующія вещи: лампочка, покрытая краснымъ лакомъ, на поверхности которой находилось рельефное изображеніе вазочки, изъ которой выходятъ виноградные грозды; нѣсколько измятыхъ золотыхъ листковъ, обыкновеннаго издѣлія; нѣсколько обломковъ бронзовыхъ вещей, куски битой посуды изъ стекла и глины, грубой работы. По присутствію стекла можно предположить, что гробница принадлежала римскому періоду.

Въ заднемъ отдѣленіи гробницы, у наружной стѣны, противъ входа, полъ былъ проломленъ и глазамъ представилась яма, наполненная землею. Когда яма была разслѣдована, то она оказалась земляною гробницею, вырытою въ материкѣ подъ поломъ, на глубинѣ одного аршина ниже его поверхности. Крышею этой земляной гробницѣ служилъ этотъ полъ. По очисткѣ земли, въ гробницѣ этой оказались два истлѣвшіе скелета: одинъ—дѣтскій, другой—взрослаго мущины. Кости лежали въ безпорядкѣ, но можно полагать, по положенію черепа, что голова взрослаго была обращена на востокъ. Землю этой гробницы пропустили черезъ грохотъ, и въ ней найдены слѣдующія вещи, вѣроятно, не замѣченныя грабителями, составлявшія украшенія покойниковъ:

нѣсколько обыкновенныхъ золотыхъ листиковъ;

восемь бронзовыхъ, обтянутыхъ золотомъ, пуговокъ;

двѣ четвероугольныя золотыя пластинки;

двѣ золотыя продолговатыя пластинки, съ вытиснутыми на нихъ полосками и рѣшетками;

двѣ круглыя маленькія пластинки, привѣшанныя къ трубочкамъ;

золотое дѣтское колечко;

нѣсколько простыхъ мелкихъ монистъ;

обломки разныхъ стеклянныхъ сосудовъ;

бронзовый браслетъ, съ продѣтымъ въ него такимъ же кольцомъ;

бронзовая большая поломанная запонка;

обломки желѣзнаго меча и таковой же кольчуги, сдѣланной изъ колецъ, болѣе крупныхъ противъ обыкновеннаго;

золотое украшеніе рукоятки меча, филигранной работы, съ вставленными въ него гранатовыми камешками;

два большіе камня изъ халцедона, составлявшіе также украшеніе рукоятки;

8 небольшихъ, почти одинаковыхъ мѣдныхъ пряжекъ, вѣроятно, отъ вооруженія покойника.

Изъ этихъ вещей наибольшаго вниманія заслуживали: два халцедоновые камня и золотое украшеніе рукоятки меча по превосходству филигранной работы. Для опредѣленія же эпохи, къ которой относилась эта разграбленная гробница, всего важнѣе былъ золотой кружокъ, изъ листоваго золота, висѣвшій на маленькомъ цилиндрѣ. На этомъ кружкѣ была выбита мужская голова, увѣшанная лавровымъ вѣнкомъ и обращенная вправо. Вокругъ ея видна была надпись: ANTO (ninus—дополненіе изслѣдователя),—что доказываетъ, что гробница принадлежала временамъ Антониновъ. Ясно, что это былъ оттискъ съ римской монеты той эпохи.

Обстоятельство, что такое значительное число золотыхъ небольшихъ вещицъ оставлено было безъ всякаго вниманія грабителями, въ гробницѣ, вырытой подъ поломъ другой гробницы, заставляетъ предполагать, что два отдѣленія и подземная гробница принадлежали къ богатѣйшимъ босфорскимъ гробницамъ.

По устройству своему, этотъ семейный склепъ принадлежалъ къ самымъ замѣчательнымъ и рѣдкимъ образцамъ. Верхняя гробница состояла изъ двухъ отдѣленій, совершенно одинакихъ по величинѣ и устройству. Подъ поломъ одного изъ этихъ отдѣленій устроена гробница въ материкѣ, точно также, какъ въ курганѣ Куль-Обо, гдѣ, подъ поломъ богатой царской гробницы, открытой Дебрюксомъ, грабителями отыскана была еще другая гробница. Замѣчателенъ способъ ограбленія этаго склепа: грабители, ограбивъ два верхнія отдѣленія,

отъ которыхъ намъ, къ сожалѣнію, ровно ничего не осталось, проломали полъ въ томъ самомъ отдѣленіи и именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ подъ поломъ устроена была гробница. Въ другихъ же мѣстахъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣленіи, полъ оставался нетронутымъ, но это потому, что подъ нимъ не было гробницъ. Изъ этихъ указаній уже изслѣдователи вывели заключеніе, что подпольная гробница подобнымъ образомъ могла быть расхищена только тѣми, кому навѣрно были извѣстны положеніе и мѣсто гробницы, т. е. самими древними *).

Прочія раскопки, сдѣланныя въ возвышенности № 6, не представляютъ интереса предыдущаго открытія. Тѣмъ не менѣе, для полноты обзора археологическихъ изслѣдованій 1853 года, мы считаемъ необходимымъ упомянуть и объ нихъ. Въ журналѣ раскопокъ Лазаревскаго онѣ описаны всѣ подъ тѣмъ же №.

Вдоль морскаго берега возвышенность № 6 имѣетъ до семи выступовъ, похожихъ на присыпи; на нѣкоторыхъ замѣтны небольшія возвышенія. Три изъ этихъ выступовъ, лежащихъ ближе къ хутору Семеняки, значительнѣе прочихъ. Изъ нихъ два были прежде разслѣдованы, а одинъ остался не разслѣдованнымъ. Въ послѣднемъ найдена была въ насыпи земляная гробница, въ которой костякъ лежалъ въ порядкѣ, головою на сѣверъ; при немъ найдена слезница, отломокъ оселка и двѣ желѣзныя пряжки. На глубинѣ $5^1/_4$ арш. найдены были два деревянные гроба, опущенные въ материкъ на 2 аршина, совершенно истлѣвшіе. Покойники въ обоихъ гробахъ лежали головою на востокъ. Надъ гробницею, лежащею вправо, найдена была чашка конической формы, изъ простой глины и простой работы, лежавшая отверстіемъ внизъ. При разслѣдованіи гробницы, лежащей вправо, въ ногахъ найдены двѣ лампочки, съ рельефными украшеніями, и желѣзный небольшой ножикъ; а въ ногахъ гробницы, влѣво лежавшей, бронзовая пряжка и около бедеръ желѣзный ножикъ. Въ головахъ гробницъ найдены были золотой кружокъ и три маленькіе кусочка, все изъ листоваго золота.—Здѣсь же найдены были еще одна расхищенная деревянная гробница, въ которой изъ вещей найденъ былъ только маленькій листочекъ золота, и земляная гробница безъ вещей.

Подлѣ большаго кургана, занимающаго возвышенность № 6, къ сторонѣ дороги, идущей отъ хутора Семеняки къ почтовой станціи, въ довольно замѣтной насыпи, открыта была впущенная въ материкъ

*) Самое помѣщеніе гробницы было такого рода, что она могла быть расхищена только тѣми, кому вѣрно было извѣстно ея существованіе. Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 128. Рапортъ за № 62. Рукописный журналъ раскопокъ Я. М. Лазаревскаго.

каменная гробница, сложенная изъ хорошо тесанныхъ плитъ мягкаго камня, совершенно расхищенная.

На краю возвышенности № 6 находится курганъ, который по величинѣ своей можетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ. Въ немъ видѣнъ довольно большой разрѣзъ отъ моря къ дорогѣ, проведенный Карейшею, который, напавъ на мину, прекратилъ работы, такъ что даже не дошелъ до материка. Такъ какъ двѣ четверти этого кургана были не тронуты, то въ немъ сдѣланъ былъ разрѣзъ, въ которомъ, на глубинѣ $2^1/_2$ арш., открыта была деревянная гробница, въ которой костякъ лежалъ въ порядкѣ, головою на востокъ, гдѣ была постлана камка. По нѣжности костей и по вещамъ, здѣсь найденнымъ, явственно, что въ гробницѣ похоронена была женщина. Въ ногахъ у ней найденъ былъ обломокъ бронзоваго зеркала и глиняный флакончикъ; въ головахъ—до 15 монистъ, изъ которыхъ двѣ изъ сердолика, а прочія изъ смѣси, золотой листочекъ и серебряная серьга. На глубинѣ одной сажени, открыта была дѣтская гробница, въ $^3/_4$ арш. длины, на $^1/_4$ арш. кругомъ обмазанная желтою глиною, которая въ свою очередь была обложена камкою. Головою младенецъ лежалъ на сѣверъ; вещей при немъ никакихъ не было. Мина, о которой выше упомянуто, вѣроятно не была приведена грабителями къ концу, потому что окончанія ея не оказалось.

Наконецъ, сдѣланъ былъ разрѣзъ съ юговосточной стороны, у подошвы большаго кургана, занимающаго возвышенность № 6. Здѣсь въ насыпи найдены были: двѣ черепицы съ греческимъ клеймомъ: MIKKΩΥ *) и маленькій сосудъ изъ простой глины, довольно хорошей работы. Наконецъ на глубинѣ 8 аршинъ найдена была земляная катакомба. Камень, закрывавшій входъ въ нее, былъ обдѣланъ съ трехъ сторонъ карнизомъ и украшенъ рустикою. Поддерживающій его камень былъ не на мѣстѣ, что̀ тотчасъ послужило показаніемъ, что катакомба была расхищена. Отваливъ камень, закрывавшій входъ, открыли катакомбу и въ ней два деревянные гроба, стоявшіе вдоль катакомбы, близъ ея боковыхъ стѣнокъ. Правый гробъ стоялъ на мѣстѣ и былъ покрытъ крышею, сдѣланною на два ската; лѣвый же былъ опрокинутъ на правую сторону, и крыши при немъ не было. Оба гроба были сдѣланы изъ досокъ можжевельнаго дерева, толщиною въ $^1/_2$ вершка. Ящики гробовъ представляли правильные параллелопипеды, правый длиною $2^3/_4$ арш., лѣвый 2 арш. 9 верш. Высоту можно было измѣрить только лѣваго: она была въ 6 вершк. Боковыя

*) Обѣ черепицы были разбиты, но одну изъ нихъ удалось составить. Въ этомъ видѣ она имѣла 13 вер. въ длину и 12 въ ширину. Съ трехъ сторонъ въ ней закраины были загнуты; четвертая сторона была совершенно гладкая.

его стороны было по краямъ украшены тремя углубленными полосками. Доски гробовъ были сколочены между собою деревянными гвоздями. Нижняя доска гробовъ была скрѣплена тремя поперечными планками, изъ которыхъ одна была по срединѣ, а крайнія по 7 вершковъ отъ краевъ; внутри у боковыхъ досокъ было прибито тоже по двѣ планки. Кромѣ того, въ правомъ замѣтно было, что онъ былъ обитъ какою-то матеріею.

Величина катакомбы: основаніе—квадратная сажень; высота—пять четвертей и 2 верш. Она была наполнена на одну четверть землею, потрескавшеюся въ разныхъ направленіяхъ; вѣроятно, при разграбленіи она была наполнена водою.

Землю изъ катакомбы пропустили сквозь грохотъ, и нашли только нѣсколько бронзовыхъ пряжекъ, одну синюю монисту и гранатъ, оправленный въ бронзу.

Сверхъ того, въ одномъ разрѣзѣ найдено быяо мѣдное остріе стрѣлы; въ другомъ, въ разоренной каменной гробницѣ, двѣ золотыя монисты филигранной работы. Въ томъ же разрѣзѣ найденъ былъ деревянный гробикъ, въ которомъ костякъ младенца лежалъ головою на востокъ. При костякѣ были найдены слѣдующія вещи: кувшинчикъ, на подобіе гидріи, блюдечко, лампочка хорошей работы, украшенная разными рельефными изображеніями; посрединѣ ея изображена мужская фигура, въ петазѣ, съ сложеными назадъ руками, какъ бы связанными; нѣсколько монетъ и мѣдный колокольчикъ. Въ ногахъ стояла только лампочка; прочія вещи найдены подлѣ головы.

Вслѣдствіе пробѣловъ, находящихся въ журналѣ Я. М. Лазаревскаго, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о направленіи, въ которомъ лежали насыпи, обозначенныя въ его журналѣ №№ 7, 8, 9 и 10, ни о результатахъ розысканій, произведенныхъ въ этихъ насыпяхъ. Изъ отрывочныхъ показаній только видно, что въ насыпи, обозначенной № 10, открыты были двѣ гробницы. Первая была земляная гробница, въ которой покойникъ лежалъ головою на юговостокъ, но въ ней, кромѣ нѣсколькихъ кусковъ совершенно перержавленнаго желѣза, ничего не найдено; вторая же была сложена изъ сырцоваго кирпича. Покойникъ лежалъ въ ней головою на сѣверовостокъ; въ ногахъ его находились два маленькіе кувшинчика. Сверхъ того, въ насыпи найдены были три глиняные сосуда небольшаго размѣра.

Перейдемъ къ описанію разслѣдованій, произведенныхъ въ возвышенности, обозначенной въ журналѣ № 11.

Вслѣдъ за возвышенностію № 6 идетъ, вдоль берега залива, другая природная возвышенность, отдѣляющаяся отъ первой довольно глубокой балкой, по которой пролегаетъ дорога, идущая отъ почтовой станціи къ колодцу. Упомянутая возвышенность, имѣющая въ высоту, надъ уровнемъ моря, отъ 5 до 6 сажень, довольна обширна: длина ея до 160 саж., ширина же противъ почты, гдѣ она почти сливается съ смѣжно лежащими возвышенностями, до 50 саж. Далѣе къ хутору Артюхова она съуживается и отдѣляется отъ другихъ возвышенностей довольно значительною балкою. На ней лежитъ 9 кургановъ средней величины; три изъ нихъ, лежащіе ближе къ колодцу, расположены неправильнымъ треугольникомъ, а другіе, вдоль по хребту надъ балкою, расположены почти на прямой линіи и въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи. Всѣ эти курганы разслѣдованы.

За этою возвышенностію идетъ третья, выдающаяся къ морскому берегу клиномъ, а далѣе идя къ большой дорогѣ сливается съ общею возвышенностію. На ней къ сторонѣ моря видны три кургана средней величины, тоже разслѣдованные.

За этою возвышенностію идетъ, параллельно берегу залива, четвертая, довольно узкая, отдѣляющаяся отъ предыдущей значительною балкою и имѣющая въ длину 60 саж. Высота ея надъ уровнемъ моря до 5 саж. На этой послѣдней возвышенности, стороны которой и часть противолежащей обвалились, видны три кургана средней величины. Они расположены слѣдующимъ образомъ: одинъ (не разслѣдованный), лежитъ почти на самомъ краю возвышенности; далѣе, къ хутору Артюхова, въ разстояніи отъ перваго въ 8 саж., лежитъ другой (не разслѣдованный) и за тѣмъ въ разстояніи 17 саж. лежитъ третій (разслѣдованный). По сторонамъ послѣдняго видны еще два, весьма незначительной величины.

Раскопки начаты были со втораго, не изслѣдованнаго кургана. Въ насыпи его былъ найденъ костеръ или мѣсто, на которыхъ сожжены были покойники. Костры приготовлялись слѣдующимъ образомъ: на назначенномъ для костра мѣстѣ, имѣвшемъ въ длину 1 саж., въ ширину отъ 1 до $2^1/_2$ арш., насыпь сравнивалась, утрамбовывалась и заливалась растворомъ извести. На такимъ образомъ приготовленномъ мѣстѣ совершалось сожженіе, послѣ котораго въ насыпи находятъ слой древеснаго угля, иногда въ вершокъ толщины, золу, куски разбитой посуды и т. д. Точно такой же костеръ найденъ былъ и на материкѣ, съ подобнымъ же содержаніемъ. Изъ кусковъ маленькихъ вазъ можно было заключить, что это были вазочки съ длинною, узкою шейкою, расширяющеюся ко дну, въ видѣ шара; онѣ украшены были пальметками и квадратиками. Въ другомъ мѣстѣ найдены были, на

глубинѣ 1 арш., черепки отъ большихъ простой глины сосудовъ, съ надписью въ двухъ строкахъ. На одномъ черепкѣ находилась совершенно явственная надпись:

ΑΠΟΛΛΩΝΙΟ
ΕΠΑΛΚΕΤΑ

На двухъ другихъ кускахъ такихъ же сосудовъ надписи нельзя было разобрать. Наконецъ на материкѣ была найдена деревянная гробница, въ которой костякъ лежалъ въ порядкѣ, головою на сѣверо-востокъ. При немъ найдено было 3 кусочка листоваго золота и до 20 монистъ изъ смѣси.

За тѣмъ перешли къ разслѣдованію кургана, которой виднѣется на краю этой возвышенности, въ которомъ открыта была расхищенная уже деревянная гробница. Кости человѣчьи и лошадиныя были въ ней совершенно перемѣшаны. Въ гробницѣ были найдены: нѣсколько обломковъ желѣзнаго меча; нѣсколько кусковъ стекла, по формѣ и толщинѣ которыхъ можно заключить, что сосудовъ было три, изъ коихъ одинъ былъ въ видѣ чашки; замковая бляха, вѣроятно, отъ деревянной штатулки; мѣдный прутъ; двѣ монисты изъ смѣси; одна жемчужина; лампочка глиняная, грубой работы, и нѣсколько черепковъ глиняной посуды.

Въ разрѣзѣ, сдѣланномъ у подошвы этого кургана, въ насыпи найдены были разбросанными мѣдный колокольчикъ и нѣсколько монистъ, между коими и фаллусъ. На материкѣ ничего не оказалось.

Въ курганѣ, обозначенномъ въ журналѣ Я. М. Лазаревскаго № 12, который былъ очень изрытъ, но не представилъ ни одной гробницы, на материкѣ ничего не было открыто.

За тѣмъ раскопки перенесены были на возвышенность, которая выдается къ морю клиномъ и на которой замѣтны 9 разрытыхъ кургановъ. Здѣсь находится курганъ уже разрытый, но съ двумя значительными присыпями. Здѣсь была открыта земляная гробница, въ которой костякъ лежалъ въ порядкѣ, головою на сѣверо-востокъ. Въ головахъ найдены были: простой глины кувшинчикъ, блюдечко, покрытое краснымъ лакомъ и раздавленное землею, и небольшой золотой листочекъ. Подъ этою гробницею найдена была другая, перекрытая большими дубовыми брусьями, но совершенно ограбленная. Такъ какъ эта послѣдняя гробница находилась подъ другою, несомнѣнно греческою, что доказывается найденными въ ней вещами, то ясно, что гробницы были ограбливаемы самими греками вскорѣ послѣ погребенія. Въ насыпи найдена была плита мягкаго камня, съ одной стороны которой находилось рельефное изображеніе стоящей женщины.

Длина плиты была пять четвертей, шир. $^1/_2$ арш.; ясно, что это былъ надгробный камень.

Послѣдній изъ разрытыхъ въ 1853 году кургановъ находился близь кургана № 13 и обозначенъ въ журналѣ № 14. Въ насыпи этого небольшаго кургана найдены были черепки большой греческой вазы, покрытой чернымъ лакомъ извнѣ и извнутри. По оставшимся черепкамъ видно, что ваза, съ маленькими ручками по бокамъ, была довольно большая. Въ діаметрѣ имѣла она въ верхнемъ отверстіи $5^1/_2$ вершк. Сверху она украшена была вѣнкомъ, а съ боковъ двумя рисунками. На лицевой сторонѣ были представлены двѣ мужскія фигуры и между ними женщина, полулежащая на ложѣ; всѣ три оперлись на лѣвый локоть и до пояса обнажены. Женщина держитъ въ правой рукѣ, которая приподнята, нитку монистъ. Весь рисунокъ разрисованъ красною краскою, кромѣ фигуры женщины, обнаженное тѣло которой покрыто бѣлой краскою. На противоположной сторонѣ видна только задняя часть человѣческой фигуры, одѣтой въ хорошій pallium, который закрываетъ и шею, какъ носятъ посвященные въ таинства Цереры. Этотъ рисунокъ по исполненію хуже, чѣмъ лицевой.

На материкѣ этого кургана найдено было нѣсколько кусковъ мягкаго камня, сложенныхъ дугою. По мнѣнію изслѣдователей, это былъ вѣроятно остатокъ каменной круглой катакомбы, впущенной на одну сажень въ материкъ, ограбленной и совершенно разоренной. Человѣческія кости попадались по всей ямѣ, и сверхъ того найдено было два горлышка отъ стеклянныхъ слезницъ.

Въ одномъ изъ рапортовъ К. Р. Бѣгичева о раскопкахъ 1853 года *) мы находимъ описаніе открытія, о которомъ не упомянуто въ журналѣ раскопокъ Я. М. Лазаревскаго, и потому приводимъ это извѣстіе во всей полнотѣ.

Въ 1853 году возобновлено было разслѣдованіе кургана, лежащаго на обрывѣ Таманскаго залива, далѣе къ хутору Артюхова, въ которомъ, во время пребыванія графа Л. А. Перовскаго въ предыдущемъ году, открыты были на материкѣ, въ центрѣ кургана, раздавленныя землею амфоры. Въ послѣдствіи времени этотъ курганъ разрѣзанъ былъ широкими разрѣзами на-крестъ К. Р. Бѣгичевымъ, но гробница все-таки не была имъ найдена, хотя по отескамъ, оказавшимся въ обрѣзѣ насыпи ко внѣшней сторонѣ кургана, можно было убѣдиться, что въ курганѣ непремѣнно должна находиться каменная гробница.

*) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 15, листъ 146, рапортъ № 71.

Дѣйствительно, она и была открыта при раскопкахъ въ 1853 году. При разслѣдованіи одного изъ оставшихся угловъ кургана, была обнаружена каменная гробница, съ круглымъ сводомъ, устроенная въ материкѣ, на глубинѣ четырехъ сажень отъ поверхности кургана, но, къ несчастію, пробитая уже со стороны входа и расхищенная. Въ ней, кромѣ нѣсколькихъ черепковъ расписанныхъ вазъ и двухъ скелетовъ небольшихъ животныхъ, повидимому молодыхъ барашковъ, ничего не найдено. Къ дверямъ этой гробницы примыкала галлерея изъ нежженаго кирпича, покрытая деревянными брусьями. Внутренность гробницы до плечъ свода была оштукатурена и украшена двумя широкими горизонтальными полосками, сверху бѣлой, снизу красной, густо-темнаго цвѣта. Сводъ гробницы, сложенный изъ 12 рядовъ камня, хорошо обтесаннаго, оставленъ въ натуральномъ его видѣ.

Длина гробницы: 3 арш. 11 вершк., ширина 2 арш. $^3/_4$ вершк. и высота 3 арш. $10^1/_2$ вершк.

Длина галлереи: $10^1/_2$ арш., ширина $1^1/_2$ арш. Толщина стѣнъ галлереи: 1 арш., высота $2^1/_2$ арш.

Въ исходѣ октября 1853 г. оказалось необходимымъ прекратить археологическія работы близь станціи Сѣнной, вслѣдствіе ненастной погоды и холодныхъ ночей, не дозволявшихъ рабочимъ проводить ночи на открытомъ воздухѣ, близь мѣстъ раскопокъ. Другаго помѣщенія они тогда тамъ не имѣли. Результаты этихъ изслѣдованій, въ глазахъ тогдашнихъ изслѣдователей, были весьма печальны. Въ 60 разрѣзахъ не было открыто ни одной гробницы съ замѣчательными вещами; найденныя вещи, за исключеніемъ двухъ-трехъ, принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ находкамъ. Въ открытыхъ не тронутыхъ гробницахъ находки были ничтожны. Замѣчательныя по своему устройству или по какимъ другимъ признакамъ гробницы давно были расхищены. Грустно читать слѣдующее мѣсто въ рапортѣ К. Р. Бѣгичева *): «Находки наши на Сѣнной», пишетъ онъ, «были весьма незначительны, несмотря на то, что съ нашей стороны было сдѣлано все для успѣшнаго исполненія возложеннаго на насъ порученія. Выборъ мѣста для работъ и направленіе самыхъ работъ согласовалось съ предположеніями, объ нихъ составленными, и характеромъ самыхъ мѣстностей. Недоставало только счастія».... Но нельзя сказать, чтобы для археологической науки раскопки въ курганахъ близь станціи Сѣнной 1853 года прошли совершенно даромъ: мы познакомились

---

*) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 40 (239), листъ 111, рапортъ № 10.

съ нѣсколькими гробницами, замѣчательными по своему устройству. Во первыхъ, съ каменною росписанною гробницею, съ круглымъ сводомъ, и примыкавшею къ ней галлереею изъ нежженаго кирпича, покрытою деревянными брусьями; во вторыхъ, съ каменною гробницею, состоявшею изъ двухъ отдѣленій, въ которой, подъ поломъ одного изъ отдѣленій, находилась еще гробница. Послѣдняя, найденная расхищенною, убѣдила насъ, что это расхищеніе произведено было самими древними. Фактъ этотъ подтверждается еще другою гробницею, тоже расхищенною и лежавшею подъ небогатою греческою гробницею. Сверхъ того, раскопки 1853 года познакомили насъ съ устройствомъ земляной катакомбы, въ которой найдены были два довольно хорошо сохранившіеся деревянные гроба, и устройствомъ костровъ или мѣстъ, на которыхъ сожигались тѣла усопшихъ.

По окончаніи раскопокъ на Сѣнной, работы, не смотря на позднее время года, были перенесены къ селенію «Фонтанъ», лежащему на Киммерійскомъ полуостровѣ. Здѣсь можно было производить ихъ еще нѣкоторое время, потому что рабочіе могли найти себѣ помѣщеніе и запастись провіантомъ въ самомъ селеніи. Сверхъ того, надлежало окончить раскопки, начатыя въ прошломъ году.

Раскопки на Киммерійскомъ полуостровѣ.

Раскопки на Киммерійскомъ полуостровѣ, продолжавшіеся отъ 4 ноября по 4 декабря, когда прекращены были въ слѣдствіе наступленія холодовъ, производились на трехъ пунктахъ: 1) въ курганѣ, лежащемъ по правую руку, на дорогѣ въ селеніе Фонтанъ; 2) въ большомъ курганѣ, лежащемъ въ самомъ селеніи Фонтанъ и 3) небольшомъ курганѣ, лежащемъ въ недальнемъ растояніи отъ селенія Фонтанъ, по направленію къ проливу. Мы разсмотримъ каждую изъ этихъ раскопокъ отдѣльно.

По обѣ стороны дороги, ведущей отъ станціи Сѣнной къ селенію Фонтанъ, не доѣзжая послѣдняго селенія, лежатъ два кургана. Одинъ изъ нихъ, съ лѣвой стороны, поверхностно раскопанъ былъ А. Б. Ашикомъ; другой, лежащій на противоположной сторонѣ, не былъ изслѣдованъ въ новѣйшее время.

Объ этомъ курганѣ, лежащемъ по правой сторонѣ большой дороги, мѣстные жители разсказывали, что огромная впадина, находящаяся на вершинѣ его, недавняго происхожденія, что первоначально; сколько помнятъ тамошніе старожилы, на этомъ курганѣ была только едва

примѣтная впадина, но что она увеличивалась постепенно и приняла огромные размѣры уже на ихъ глазахъ. Изъ этого постепеннаго увеличенія объема впадины они вывели заключеніе, что въ курганѣ долженъ быть обширный склепъ, съ пустотою внутри, въ которую земля какимъ либо образомъ начала просыпаться и, уходя туда мало по малу, образовала постепенно на поверхности кургана огромную впадину. Это предположеніе мѣстныхъ жителей казалось весьма правдоподобнымъ К. Р. Бѣгичеву: опытъ 1852 года убѣдилъ его однажды, что деревянная крыша надгробной постройки, сгнивъ отъ времени, уступила давленію насыпи сверху и обрушилась вмѣстѣ съ нею во внутреннюю пустоту курганной постройки. На поверхности кургана, вслѣдствіе паденія насыпи вовнутрь, образовалась впадина—и, не смотря на существованіе впадины, гробница оказалась не расхищенною. Выведенное имъ изъ этого явленія мнѣніе, что курганы съ впадинами не всегда могутъ считаться разоренными, возбудило въ немъ желаніе изслѣдовать и курганъ, лежащій по правую сторону дороги въ селеніе Фонтанъ. Это желаніе подкрѣплялось мыслію, что въ пользу его говорило и самое позднее образованіе впадины на этомъ курганѣ. Сверхъ того, по его мнѣнію, слѣдовало разслѣдовать такого рода курганъ на Киммерійскомъ полуостровѣ, гдѣ до тѣхъ поръ не сдѣлано было еще никакихъ открытій.

Но уже при началѣ раскопокъ изслѣдователи, судя по разрѣзу, сдѣланному въ курганѣ, увидѣли, что впадина, состоящая изъ трехъ углубленій, скорѣе произошла отъ предшествовавшихъ раскопокъ кургана, чѣмъ отъ постепеннаго провала насыпи вовнутрь предполагаемой въ немъ постройки. Дальнѣйшія разслѣдованія еще болѣе въ томъ убѣдили. Въ этомъ курганѣ работы производились слѣдующимъ порядкомъ. Первый разрѣзъ сдѣланъ былъ у подошвы кургана, на южной его покатости, по сторонѣ дороги; въ немъ, по достиженіи материка, лежавшаго на глубинѣ двухъ сажень, ничего не было найдено. Слои насыпи, безъ черепковъ и отесковъ, обозначались довольно явственно и казались нетронутыми.

Слѣдующій разрѣзъ, взятый непосредственно за первымъ къ центру кургана, по достиженіи материка обнаружилъ вырытую въ материкѣ дѣтскую гробницу, въ которой возлѣ истлѣвшаго скелета, лежавшаго, повидимому, въ деревянномъ гробѣ, найденъ простой кувшинъ изъ черной глины, раздавленный землею.

Третій разрѣзъ, начатый непосредственно за предыдущимъ, поведенъ былъ на самую средину кургана и, съ тѣмъ вмѣстѣ, на самую средину главной впадины. Но разрѣзъ этотъ, по причинѣ ненастной погоды, не могъ быть доведенъ до материка, который, по предположенію из-

слѣдователей, долженъ лежать здѣсь на глубинѣ 4 или 5 сажень. И такъ, разслѣдованіе этого кургана не было доведено до конца.

Изъ этихъ раскопокъ можно вывести слѣдующія заключенія: такъ какъ слои земли въ разрѣзахъ показались не перебитыми, то можно предполагать, что курганъ не тронутъ. Присутствіе постройки въ курганѣ, служившей, какъ предполагали, причиною образованія на немъ впадины, кажется сомнительнымъ, потому что отъ основанія послѣдняго разрѣза до материка оставалось слишкомъ мало пространства для вмѣщенія достойной величины кургана постройки. Иначе эта постройка должна быть значительно углублена въ материкъ. Такъ какъ намъ неизвѣстно устройство кургановъ на Киммерійскомъ полуостровѣ, то рѣшенія этихъ вопросовъ должно ожидать отъ времени и будущихъ раскопокъ.

Въ большомъ курганѣ, лежащемъ въ селеніи Фонтанъ, работы были начаты съ двухъ сторонъ: съ южной и западной, по направленію разрѣзовъ 1852 года, такъ, чтобы общее ихъ протяженіе пересѣкало курганъ на-крестъ. Съ первыхъ дней въ западномъ разрѣзѣ было сдѣлано любопытное и странное открытіе. Въ разстояніи отъ подошвы кургана на 8 $^1/_2$ саж. и отъ поверхности его на 1 арш. и 1 $^1/_4$ арш., открыто было въ насыпи 8 огромныхъ глиняныхъ сосудовъ, стоявшихъ одинъ возлѣ другаго, въ шахматномъ порядкѣ, на разстояніи одной четверти аршина или менѣе. Пять изъ нихъ были вышиною до 1 $^1/_2$ арш. и 2 верш. и шириною въ наружности 4 $^1/_4$ арш., діаметръ отверстія $^1/_2$ арш. Всѣ эти кувшины, кромѣ одного, были раздавлены землею; тѣмъ не менѣе содержаніе ихъ было тщательно пересмотрѣно, но въ нихъ рѣшительно ничего не найдено. Въ уцѣлѣвшемъ же, котораго отверстіе закрыто было черепкомъ, съ самаго верху на $^1/_4$ арш. шла земля мягкая, изрѣдка перемѣшанная черепками; затѣмъ показался пластъ камки, подъ которою были, какъ бы изрубленныя, лошадиныя кости; между ними попадались впрочемъ и человѣчьи. Подъ этими костями земля въ кувшинѣ была твердая, перемѣшанная черепками и рѣчными раковинами, а на самомъ днѣ сосуда лежала трава. По свойству глины и формѣ, сосуды эти были греческіе. Присутствіе ихъ въ насыпи, въ довольно правильномъ порядкѣ, объяснить трудно, въ особенности смѣшеніе человѣческихъ и животныхъ костей, прикрытыхъ камкою. Во всякомъ случаѣ, здѣсь видны слѣды обычаевъ народа полуварварскаго, не смотря на употребленіе имъ греческихъ издѣлій.

На разстояніи отъ подошвы кургана въ 12 саженяхъ, а отъ поверхности кургана на три четверти аршина, открыта была стѣна, дурно сложенная изъ кусковъ листоваго гипсу. Ширина ея до 10 четвертей;

высота ея полъаршина; длины же нельзя было опредѣлить, потому что оба конца остались скрытыми въ стѣнкѣ кургана. Высота ея, отъ четверти арш. до вершка, въ разныхъ мѣстахъ была неровная, направленіе же перпендикулярное къ сторонамъ разрѣза.

Не смотря на продолжительное ненастье, западный разрѣзъ, проведенный отъ самой подошвы къ центру кургана на протяженіи 18 сажень, соединенъ былъ съ разрѣзомъ 1852 года, сдѣланнымъ съ противоположной стороны кургана. Такимъ образомъ по этому направленію проведенъ былъ одинъ сквозной разрѣзъ, имѣвшій до 5 сажень высоты въ центрѣ.

Въ этомъ громадномъ разрѣзѣ слои земли представлялись весьма неявственно и большею частію сбивчиво, такъ что, по положенію и направленію ихъ, нельзя было даже опредѣлить основнаго пункта, гдѣ должна находиться главная гробница, надъ которой возведенъ курганъ. Исключая верхнихъ слоевъ, изрытыхъ, вѣроятно, впослѣдствіи, вся насыпь этаго кургана вообще не представляла никакого разнообразія въ своемъ составѣ: она вся состоитъ изъ сплошной массы земли, взятой изъ материка, безъ всякой почти примѣси постороннихъ предметовъ, характеризующихъ обыкновенно прочіе древніе курганы.

По величинѣ своей этотъ курганъ, по видимому, часто возбуждалъ корыстолюбивые виды. Въ западномъ разрѣзѣ открыты были двѣ мины, шириною въ сажень и на разстояніи $2^1/_2$ арш. одна отъ другой. Онѣ шли на высотѣ одной слишкомъ сажени отъ поверхности материка, параллельно между собою. Обѣ мины наполнены были землею. Одна изъ нихъ не привела ни къ чему, хотя и изслѣдована была до конца; другая не была разслѣдована, потому что скрывалась подъ стѣной разрѣза и, слѣдовательно, нужно было сдѣлать новую пріемку для ея разслѣдованія, чего болѣе не позволяло позднее время года. Неподалеку отъ этихъ минъ найдено было въ насыпи бронзовое шейное кольцо, простой работы, слегка окисшее; а нѣсколько выше, на глубинѣ $1^1/_2$ саж. отъ поверхности кургана, открытъ былъ слой праха, окрашеннаго мѣстами зеленымъ цвѣтомъ мѣдной окиси, показывающій, что здѣсь былъ погребенъ какой-то покойникъ; но ни костей его, ни мѣди отыскано не было.

Другой разрѣзъ на южной сторонѣ кургана не былъ оконченъ, т. е. доведенъ до соединенія съ разрѣзомъ на противуположной сторонѣ. Онъ весь состоялъ только изъ одной ямы, въ 9 квадр. саж. плоскости, взятой у самой подошвы кургана. Яма дойдена была до материка; но кромѣ нѣсколькихъ частицъ гнилаго дерева, находившагося здѣсь, вѣроятно, случайно, въ ней ничего не открыто.

Вообще, при разслѣдованіи этого кургана въ 1853 году, не обнаружено было никакихъ признаковъ, обѣщающихъ въ немъ присутствіе какой либо каменной постройки или склепа. Не скрыта ли главная гробница этого кургана глубоко въ материкѣ, по образцу скиѳскихъ кургановъ?

Наконецъ, одновременно произведены были изслѣдованія въ небольшомъ курганѣ, лежащемъ въ ряду кургановъ, тянущихся отъ деревни Фонтанъ къ проливу, въ $1^1/_2$ верстѣ отъ деревни. Хотя въ насыпи на глубинѣ $^1/_2$ арш. начали попадаться въ большомъ количествѣ отески мягкаго камня, но на материкѣ, оказавшемся на глубинѣ $3^1/_2$ арш., гробницы открыто не было. Всѣ признаки указывали, что въ курганѣ находилась нѣкогда каменная гробница, но она была не только расхищена, но и даже камень, изъ котораго она была сложена, былъ вытащенъ изъ кургана. Такъ какъ по долинѣ, гдѣ находится до 12 кургановъ, бо̀льшая часть ихъ съ впадинами, а тѣ, которыя безъ впадинъ, незначительной вышины и служатъ подъ пахотнымъ полемъ, то изслѣдователи съ большею вѣроятностію вывели изъ этихъ явленій заключеніе, что всѣ они расхищены.

Такимъ образомъ, работы въ двухъ курганахъ на Киммерійскомъ полуостровѣ остались не оконченными. Въ особенности достойно сожалѣнія, что раскопка большаго кургана въ селеніи Фонтанъ не была доведена къ концу: устройство самаго замѣчательнаго и высокаго кургана на Киммерійскомъ полуостровѣ остается для насъ до сихъ поръ загадкою.

Археологическія открытія въ 1854 году.

Въ январѣ 1854 года директоръ Керченскаго музея А. Е. Люценко донесъ министру Удѣловъ, что онъ осмотрѣлъ всѣ предпринятыя на Таманскомъ полуостровѣ съ археологическою цѣлью работы и нашелъ ихъ произведенными сообразно предначертанному плану. Въ то же время онъ обратился къ К. Р. Бѣгичеву съ предложеніемъ представить свои соображенія о работахъ, предполагаемыхъ на этой мѣстности въ 1854 году. Въ отвѣтѣ своемъ, К. Р. Бѣгичевъ предлагалъ возобновить подробное изслѣдованіе мѣстности близь хутора Семеняки, гдѣ открытъ былъ пьедесталъ съ надписью Кассаліи, и окончить разслѣдованіе трехъ кургановъ на Киммерійскомъ полуостровѣ.

Наконецъ, если позволитъ время, онъ предполагалъ произвесть разрѣзъ Киммерійскаго вала, который былъ назначенъ предписаніемъ министра отъ 16 августа 1852 года, но до тѣхъ поръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Не ограничиваясь этими изслѣдованіями, которыя, при всѣхъ видимыхъ условіяхъ, обѣщающихъ болѣе или менѣе важные результаты, могли однакоже остаться безплодными, онъ выразилъ желаніе, чтобы, сверхъ вышеозначенныхъ мѣстностей, ему предоставлено было сдѣлать нѣсколько попытокъ въ другихъ мѣстахъ, кажущихся обѣщающими какое либо значительное открытіе, или по наружнымъ признакамъ или по свойству насыпей, наиболѣе надежныхъ. Онъ желалъ произвести раскопки также въ курганахъ, принадлежащихъ древней Фанагоріи, видимыхъ въ разныхъ направленіяхъ между Таманскимъ и Ахтанизовскимъ лиманами, еще не тронутыхъ въ настоящемъ столѣтіи, которые, если, по примѣру Керченскихъ кургановъ, имѣютъ боковыя гробницы, уцѣлѣвшія при всеобщемъ расхищеніи, о которомъ свидѣтельствуютъ находящіяся на курганахъ впадины, то открытія въ нихъ могутъ быть многочисленны, судя по множеству такихъ кургановъ въ этой части Таманскаго полуострова.

Эти соображенія, утвержденныя директоромъ музея, были представлены имъ министру Удѣловъ. Послѣдній, отношеніемъ отъ 23 марта 1854 года, признавая нужнымъ, чтобы самъ директоръ лично обозрѣлъ мѣстности, въ которыхъ лѣтомъ того года могутъ быть произведены археологическія розысканія, поручилъ ему объѣхать эти мѣстности и донести о своихъ наблюденіяхъ. Но уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года начались военныя дѣйствія въ Крыму, не оставшіяся безъ глубокаго вліянія и на мирныя археологическія занятія. Отъ 27 апрѣля К. Р. Бѣгичевъ изъ Керчи увѣдомилъ министра, что наканунѣ четыре непріятельскіе фрегата, изъ которыхъ два винтовыхъ, показались на высотѣ Таманскаго маяка. При такихъ предзнаменованіяхъ Крымской войны нельзя было думать о производствѣ раскопокъ; вслѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ, лѣтомъ 1854 года всѣ археологическія розысканія въ Крыму и на Таманскомъ полуостровѣ были остановлены. Тѣмъ не менѣе, графъ Л. А. Перовскій, испросивъ разрѣшеніе Государя Императора, предписалъ директору Керченскаго музея вновь приступить къ археологическимъ розысканіямъ осенью 1854 года. Предписаніе это было приведено въ исполненіе только въ окрестностяхъ Керчи; на Таманскомъ же полуостровѣ археологическія розысканія во все теченіе 1854 г. не производились.

Тѣмъ не менѣе и этотъ годъ не прошелъ совершенно безъ слѣда въ исторіи открытій, сдѣланныхъ на Таманскомъ полуостровѣ. Въ началѣ лѣта этого года, въ одномъ изъ кургановъ древней Фанагоріи,

лежащихъ по близости хутора Чижевскаго, между берегомъ Таманскаго залива и почтовой дорогой, въ курганѣ средней величины, полуразрытомъ въ прежнее время, рабочій П. Д. Семеняки, добывая камень для домашнихъ построекъ своего хозяина, отрылъ случайно, на глубинѣ $2^1/_4$ сажень отъ поверхности кургана, земляную гробницу, вырытую въ насыпи на половинѣ высоты кургана и накрытую небольшими каменными плитами. Въ гробницѣ этой, по словамъ П. Д. Семеняки, кромѣ частицъ гнилаго дерева отъ гроба, вещей никакихъ не было, и самыхъ костей покойника имъ не замѣчено. Но съ боку гробницы съ одной стороны оказался скелетъ лошади и при немъ перержавленныя удила и обломки желѣзнаго копья; съ другой же стороны, въ углубленіи на подобіе ниши, вырытомъ съ боку гробницы, найдены были остатки древняго сѣдла, представляющія полуистлѣвшій деревянный ленчикъ, замѣчательнаго устройства и формы. Этотъ ленчикъ, какъ открытіе оригинальное, еще не встрѣчавшееся, былъ тотчасъ отправленъ къ графу Л. А. Перовскому, который, по полученіи его, изъявилъ желаніе, чтобы ему были представлены и перержавленныя удила и обломки желѣзнаго копья. Но предметы эти, по незначительности своей, были брошены на мѣстѣ своего открытія. Поэтому, въ слѣдствіе желанія министра Удѣловъ, К. Р. Бѣгичевъ изъ Керчи отправился на станцію Сѣнную, для отысканія этихъ вещей. Къ несчастію, наканунѣ его пріѣзда на мѣсто, шелъ сильный дождь. Яма, въ которой была открыта гробница, наполнилась грязью, и онъ едва могъ отыскать только нѣкоторыя, весьма мелкія частицы копья и мѣдныхъ пряжекъ отъ узды, которыя и были отправлены въ С.-Петербургъ *).

Въ сентябрѣ 1854 года Керченскій житель, грекъ Герасимъ Аббатіелло доставилъ К. Р. Бѣгичеву рѣзной сердоликъ, изображающій въ профилѣ женскій бюстикъ, пріобрѣтенный имъ въ Тамани, гдѣ онъ будто бы найденъ при раскопкахъ, произведенныхъ тамошними жителями для добыванія камня. Этотъ сердоликъ тоже былъ представленъ графу Л. А. Перовскому. Хотя рѣзьба этого камня была весьма обыкновенная и не представляла ничего замѣчательнаго, но сердоликъ былъ пріобрѣтенъ для Императорскаго Эрмитажа, какъ памятникъ, любопытный только по мѣсту находки.

Археологическія изслѣдованія въ 1855 году.

Съ наступленіемъ весны 1855 года, военныя дѣйствія Крымской кампаніи стали принимать болѣе и болѣе угрожающій характеръ для

*) Дѣло канцеляріи министра Удѣловъ за № 40 (239); листы 142 и 146.

*) То же дѣло, листы 153 и 154.

[illegible] Керчи и Еникале [illegible] [illegible] [illegible]

переѣхали на Таманскій полуостровъ и остановились вновь выстроенномъ и меблированномъ казенномъ домѣ близь станціи Сѣнной.

Между тѣмъ, 13 апрѣля 1854 года однимъ изъ рабочихъ П. Д. Семеняки, Иваномъ Беденко, снова сдѣлано было случайное открытіе, имѣвшее нѣкоторое вліяніе на выборъ мѣста для производства археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ въ 1855 году. У подошвы небольшаго кургана, лежащаго на полянѣ между почтовою дорогою, идущею къ станціи Сѣнной, противъ хутора Семеняки, и двумя большими курганами, разрытыми въ 1852 въ присутствіи графа Л. А. Перовскаго, Иванъ Беденко открылъ жженую гробницу. Не смотря на то, что она была уже разорена, онъ нашелъ въ ней двѣ золотыя застежки, изящной филигранной работы. Они были сдѣланы въ видѣ пуговокъ или розетокъ, разнимающихся надвое посредствомъ трубочекъ, входящихъ одна въ другую. Сверхъ того, тутъ же найдено было нѣсколько глиняныхъ статуэтокъ, особеннаго египетскаго (архаическаго?) стиля, большею частію поломанныхъ и поврежденныхъ огнемъ, и глиняная урна, съ двумя ручками и краснымъ рисункомъ по черному полю, разбитая на мелкія части.

Открытіе это сдѣлано было во время краткаго пребыванія К. Р. Бѣгичева на Таманскомъ полуостровѣ въ апрѣлѣ 1854 года. Онъ окончательно разслѣдовалъ мѣсто, гдѣ открыта была жженая гробница, и тщательно собралъ малѣйшіе фрагменты урны и статуэтокъ. Золотыя застежки тотчасъ были отправлены въ С.-Петербургъ; прочія же вещи были реставрированы.

Раскопки на Таманскомъ полуостровѣ въ 1855 году производились близь станціи Сѣнной съ 6 по 15 мая. Они начались изслѣдованіемъ трехъ небольшихъ насыпей, лежащихъ на краю низменной плоскости, образовавшейся, по видимому, на мѣстѣ бывшаго въ древности бассейна, между нынѣшнею почтовою дорогою, ведущею изъ Тамани къ станціи Сѣнной, и волканическою горою, называемою Блеваки. Эти насыпи, въ числѣ семи или восьми, одинаковаго образованія и почти одной величины (отъ 2 до 4 арш. въ центрѣ), лежатъ къ сѣв.-востоку отъ Блевакъ, на южной оконечности бассейна, у входа въ такъ называемую аллею кургановъ, начинающуюся отъ Ахтанизовскаго лимана, идущую по протяженію болѣе версты, почти прямою линіею, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и оканчивающуюся этими насыпями почти на половинѣ разстоянія между обоими вышеупомянутыми лиманами.

Всѣ эти насыпи формы неправильной, размыты дождевыми потоками, падающими съ сосѣдней возвышенности, и по наружному виду своему, представляющему неправильные, широкіе бугры, были принимаемы до сихъ поръ за природныя возвышенности, и потому оставались не разслѣдованными. Поводомъ къ разслѣдованію ихъ послужило случайное открытіе, сдѣланное Иваномъ Беденкою.

Описанная выше жженая гробница открыта была въ крайней изъ этихъ насыпей, у подошвы, съ южной стороны, на глубинѣ не болѣе $^1/_2$ аршина. Для разслѣдованія этой насыпи проведенъ былъ широкій разрѣзъ отъ мѣста открытія гробницы черезъ всю насыпь, по направленію отъ юга къ сѣверу. Въ другой насыпи, смежной съ нею, былъ сдѣланъ такой же разрѣзъ отъ запада къ востоку; наконецъ въ третьей, по одной линіи со второй, разрѣзъ былъ проведенъ по направленію болѣе выпуклыхъ частей насыпи также отъ юга къ сѣверу.

Разслѣдованіе этихъ трехъ насыпей, по важнымъ обстоятельствамъ того времени, не могло быть окончено; въ разрытыхъ же частяхъ насыпей вышеупомянутые три разрѣза привели къ слѣдующимъ открытіямъ.

РАЗРѢЗЪ ПЕРВЫЙ.

У подошвы насыпи, по достиженіи до материка, ничего не оказалось. Насыпь состоящая изъ земли сланцеватаго свойства, безъ замѣтныхъ слоевъ, была изрѣдка перемѣшана черепками простой глиняной посуды.

Въ пріемкѣ, взятой затѣмъ къ центру кургана, обнаружились признаки двухъ жженыхъ гробницъ, рѣзко отдѣляющихся въ обрѣзѣ насыпи красноватыми линіями обожженыхъ стѣнокъ. Слѣдя по этимъ линіямъ, въ одной изъ нихъ, на глубинѣ $^5/_4$ арш. отъ поверхности насыпи, отрыта простая глиняная урна, о трехъ ручкахъ, съ жжеными костями покойника, покрытая сверху черепкомъ другаго сосуда бо̀льшаго размѣра, отбитаго до половины и опрокинутаго надъ урной дномъ къ верху, на подобіе колпака. Урна найдена раздавленною землею, вмѣстѣ съ черепкомъ, ее покрывавшимъ. По очисткѣ урны отъ земли, внутри ея, между жженымъ прахомъ, по видимому, дѣтскимъ, отысканъ небольшой сосудъ изъ разноцвѣтнаго стекла, сильно перегорѣвшій и расплавившійся на части; три серебряные браслета, простой работы; два такія же серебряныя колечка и одно простое золотое; кусочикъ коралла, перевязаннаго серебряною проволокою для ношенія на шеѣ; нѣсколько пестрыхъ зеренъ; мониста, тоже перевязанная проволокою; серебряный перстень съ вертящимся камнемъ изъ сердолика, на коемъ грубо вырѣзана фигура воина, стрѣляющаго

изъ лука; изображеніе пегаса, изъ слоновой кости, съ обломанными крыльями и ногами, также перевязанное проволокою; мониста изъ стекла, на которой вырѣзанъ драконъ; мониста роговая, въ видѣ маленькой рыбы, грубой работы, перевязанная мѣдною проволокою; перегорѣвшіе обломки желѣзнаго стригиля и другія мелочи изъ алебастра, не имѣющія значенія. Всѣ эти вещи были сильно повреждены огнемъ. Возлѣ урны, снаружи лежала глиняная статуэтка грубой работы, представляющая уродливую мужескую фигуру въ лежащемъ положеніи, и обломокъ другой статуэтки, по видимому женской, отъ которой уцѣлѣла только часть пьедестала и на немъ ступня ноги.

Разслѣдованіе второй гробницы, открытой нѣсколько далѣе къ центру кургана, не представило никакихъ открытій. Эта гробница, величиною около 3 арш. длины и болѣе аршина глубины и ширины, была устроена въ материкѣ, на 3 $^{3}/_{12}$ арш. отъ поверхности насыпи, и составляла, по видимому, главную гробницу кургана. Стѣнки ея, сильно обожженныя и красныя какъ кирпичъ, были сдѣланы со всѣхъ четырехъ сторонъ уступомъ внутрь, раздѣлявшимъ гробницу почти на двѣ равныя части, верхнюю и нижнюю, и отличались особенною чистотою и правильностію отдѣлки. Въ землѣ, наполнявшей гробницу, попадались куски битой глиняной посуды, служившей, вѣроятно, при погребальной трапезѣ. По достиженіи дна гробницы, на которомъ лежалъ едва замѣтный слой земли, изрѣдка перемѣшанный съ древеснымъ углемъ, не было найдено никакихъ признаковъ человѣческихъ костей. Отсюда можно заключить, что кости покойника, здѣсь сожженнаго, были собраны въ урнѣ и зарыты въ другомъ мѣстѣ.

Далѣе отрыты: на глубинѣ 1$^{1}/_{2}$ арш. отъ поверхности насыпи, другая земляная гробница, въ которой, возлѣ скелета покойника, совершенно истлѣвшаго и обращеннаго головою на востокъ, собрано шесть небольшихъ лакированныхъ вазочекъ, большею частію побитыхъ и поврежденныхъ сыростію.

На глубинѣ 5 $^{1}/_{2}$ арш. глиняная урна, покрытая чернымъ лакомъ, съ двумя ручками, интересной формы, но совершенно раздавленная землею. Внутри ея заключались жженыя кости покойника, перемѣшанныя съ золою, по видимому, отъ бурьяна, на которомъ былъ сожженъ покойникъ. Эти кости составили сплошную твердую бѣловатую массу, которую съ трудомъ можно было разламывать на части. Между ними отысканы только обломки вещицы изъ слоновой кости, сдѣланной на подобіе игольника, украшенныя узоромъ, но сильно перегорѣвшія и почти разсыпавшіяся на мелкія части. Неподалеку отъ урны, на одинаковой глубинѣ съ нею, отрыта въ насыпи простая глиняная амфора, полураздавленная и наполненная землею, внутри которой на-

ходилась глиняная чашечка съ ручкой, покрытая чернымъ лакомъ, слегка поврежденная, и наконецъ, двѣ простыя земляныя гробницы, отрытыя уже внѣ центра насыпи, въ которыхъ, кромѣ истлѣвшихъ человѣческихъ костей и нѣсколькихъ простыхъ мелкихъ глиняныхъ сосудовъ, ничего не отыскано.

РАЗРѢЗЪ ВТОРОЙ.

Въ первой ямѣ, у подошвы, равномѣрно по достиженіи материка, ничего не оказалось. Насыпь земли была одинаковаго свойства съ первымъ разрѣзомъ, т. е. сланцеватая, перемѣшанная изрѣдка черепками простой глиняной посуды.

Во второй ямѣ, далѣе къ срединѣ насыпи, отрыты: простая земляная гробница на глубинѣ $^5/_4$ арш., въ которой, возлѣ скелета покойника, лежавшаго головою на востокъ, отыскана возлѣ правой руки небольшая продолговатая вазочка, раздавленная землею и испорченная сыростью, и возлѣ пояса мѣдное колечко отъ пряжки.

Такая же земляная гробница, устроенная на материкѣ, на глубинѣ 1 $^1/_2$ арш. отъ поверхности насыпи. На днѣ ея лежалъ истлѣвшій скелетъ воина, головою на юго-востокъ; у ногъ его, поперегъ гробницы, находилась глиняная амфора, раздавленная землею; возлѣ амфоры— глиняная чашка, покрытая чернымъ лакомъ, тонкой работы, съ двумя ручками, равномѣрно раздавленная землею. Съ лѣваго бока колчанъ, наполненный мѣдными и желѣзными стрѣлами, сильно поврежденными окисью; желѣзный, широкій мечъ въ ножнахъ, весь изломанный, лежавшій наискось отъ праваго бедра къ лѣвой рукѣ, поверхъ покойника. На лѣвой рукѣ—никакого перстня. Съ правой стороны, по длинѣ скелета, лежали три копья съ желѣзными наконечниками, прикрѣпленными къ древкамъ мѣдными кольцами; въ правой рукѣ стригиль, сильно окисшій и поломанный, и мѣдное орудіе, на подобіе ложки, также испорченное окисью и поломанное. Въ изголовьи покойника собрано болѣе 30 штукъ бараньихъ костей, называемыхъ кознами, употребляемыми для дѣтской игры.

Земляная гробница, устроенная на материкѣ, около семи четвертей аршина отъ поверхности насыпи, со скелетомъ, обращеннымъ головою на востокъ, возлѣ лѣвой руки котораго отыскана маленькая ваза съ узкимъ горломъ, объ одной ручкѣ, хорошо сохранившаяся, съ рисункомъ на черномъ полѣ, изображающимъ женскую фигуру съ корзиною въ рукахъ, и другими аттрибутами въ полѣ, и мѣдное орудіе, сильно перержавленное и въ обломкахъ, по которымъ нельзя было опредѣлить его назначеніе.

Двѣ такія же, устроенныя на материкѣ, гробницы, около 2 аршинъ отъ поверхности насыпи: одна разоренная, другая совершенно пустая. Въ первой, по положенію костей скелета, видно, что покойникъ въ ней былъ погребенъ головою на востокъ; голова же, выброшенная изъ гробницы, найдена возлѣ насыпи. Въ этой расхищенной гробницѣ уцѣлѣли только возлѣ ногъ скелета простой глиняный кувшинчикъ и у локтя правой руки—простая глиняная лампочка, въ видѣ горшечка съ ручкой. Въ другой же гробницѣ, кромѣ костей покойника, лежавшаго головою на востокъ, ничего не найдено.

Еще двѣ земляныя гробницы, расположенныя одинаково на материкѣ, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности насыпи, съ истлѣвшими покойниками, обращенными головами на востокъ. Въ первой, возлѣ рукъ скелета, собрано нѣсколько подавленныхъ землею маленькихъ вазъ, украшенныхъ пальметками и квадратиками, изъ коихъ только двѣ цѣлыхъ и алебастровый поврежденный унгвентарій. Въ другой, скелетъ покойника, замѣчательнаго роста, хорошо сохранившійся, былъ, по видимому, втиснутъ въ гробницу, которая была не по его величинѣ, хотя и занимала около сажени въ длину. Ноги покойника въ колѣнахъ были подогнуты и свернуты въ одну сторону. Дно гробницы было усыпано бѣлымъ пескомъ, почти на палецъ толщины. Возлѣ ногъ стояла большая глиняная чашка, простой работы, раздавленная землею. Возлѣ лѣвой руки найденъ унгвентарій изъ стеклянной массы, украшенный разноцвѣтными полосками въ зигзагѣ, съ ушками и горлышкомъ обыкновеннаго устройства, а возлѣ лѣваго бедра—два желѣзные меча, различной величины, перержавленные и поломанные.

РАЗРѢЗЪ ТРЕТІЙ.

Въ первыхъ ямахъ этого разрѣза, начатаго отъ самой подошвы насыпи, по достиженіи материка, не обнаружено никакихъ признаковъ гробницъ. Верхній слой насыпи составлялъ глинистый черноземъ, очень твердый и крѣпкій, въ которомъ только изрѣдка попадались черепки глиняной простой посуды; нижній же слой, на глубинѣ аршина, былъ сланцеватаго свойства, безъ всякой примѣси и безъ замѣтнаго наслоенія.

По приближеніи къ центру кургана, въ разрѣзѣ замѣченъ былъ наконецъ обрѣзъ гробницы, вырытой на материкѣ на $^3/_4$ арш. и на глубинѣ $2^1/_4$ арш. отъ поверхности насыпи, на днѣ которой, по очисткѣ земли, оказались кости женскаго скелета, довольно хорошо сохранившагося. Покойница была обращена головою къ востоку. Весь скелетъ ея казался окрашеннымъ какъ бы краснымъ цвѣтомъ, что,

по мнѣнію рабочихъ и въ особенности болѣе опытнаго въ этомъ дѣлѣ Дмитрія Семенова, показывало присутствіе въ гробницѣ золота. Дѣйствительно, перебирая землю возлѣ костей покойницы, начиная съ головы, найдены были: серебряная серьга, змѣевидной формы, съ пирамидальными оконечностями, сильно окисшая и поломанная; на шеѣ—золотая львиная головка, дутая, съ ушкомъ сверху; на груди—золотая четвероугольная пластинка, съ вытиснутымъ изображеніемъ крылатаго сфинкса о трехъ туловищахъ, и двѣ пестрыя монисты изъ египетской массы; на безъимянномъ пальцѣ лѣвой руки—золотое колечко, съ вырѣзанною на немъ крылатою мужскою фигурою, съ вѣнкомъ и съ повязкою въ рукахъ; возлѣ ногъ—бронзовое небольшое зеркало въ обломкахъ и въ изголовьѣ—алебастрида. Покойница лежала въ деревянномъ гробѣ, остатки котораго замѣтны были при очисткѣ земли вдоль стѣнокъ гробницы. Сверху же гробница была покрыта слоемъ морской травы, древесной коры или чего-либо подобнаго.

Во время пребыванія на Таманскомъ полуостровѣ, К. Р. Бѣгичевъ пріобрѣлъ покупкою обломокъ серебрянаго перстня, съ рѣзнымъ изображеніемъ двухъ головъ, мужской и женской, найденный случайно однимъ черноморскимъ казакомъ на берегу пролива въ Тамани. Онъ тоже былъ имъ отосланъ, вмѣстѣ съ другими вещами, къ графу Л. А. Перовскому.

---

12 мая 1855 года непріятельскій флотъ, въ числѣ 80 судовъ, съ десантомъ отъ 25 до 30,000 человѣкъ войска, внезапно появился у Керченскаго пролива и началъ высаживать войска въ Камышъ-Бурунѣ. Баттареи наши не могли держаться и были взорваны одна за другою. Вслѣдъ за тѣмъ непріятель овладѣлъ проливомъ и городами Керчью и Еникале. Утромъ 13 мая 34 непріятельскіе парохода вошли въ Азовское море.... Положеніе лицъ, занимавшихся археологическими изслѣдованіями на Таманскомъ полуостровѣ, сдѣлалось критическимъ. Опасность, угрожавшая странѣ, вынудила ихъ прекратить раскопки, оставить полуостровъ и переѣхать на другія мѣста. Я. М. Лазаревскій, еще до взятія непріятелемъ Керчи, переѣхалъ туда; чиновникъ Мазировъ отправился въ г. Ростовъ, а К. Р. Бѣгичевъ въ Ставрополь. Всѣ дѣла и казенное имущество, за исключеніемъ рабочаго инструмента и хозяйственныхъ принадлежностей, были вывезены послѣднимъ частію въ Ставрополь на перекладныхъ, частію на особыхъ обывательскихъ подводахъ—въ станицу Полтавскую. Послѣдніе отправлены были при обозѣ войсковаго старшины П. Д. Семеняки, съ

тѣмъ, чтобы въ случаѣ новой, дальнѣйшей опасности они были отправлены имъ далѣе, въ безопасное мѣсто.

При переѣздѣ въ Ставрополь, К. Р. Бѣгичевъ встрѣчалъ по дорогѣ во многихъ мѣстахъ, въ особенности по берегу Кубани, большіе и малые курганы, съ виду похожіе на керченскіе и таманскіе, между которыми есть много совершенно не тронутыхъ. Вообще курганы, лежащіе по Кубани, въ Ставропольской губерніи, никѣмъ еще не были разслѣдованы съ ученою цѣлью.

По окончаніи Крымской войны, К. Р. Бѣгичевъ возвратился въ Керчь. Въ 1856—58 годахъ на Таманскомъ полуостровѣ археологическихъ изслѣдованій не производилось. О случайныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ этотъ промежутокъ времени на этой мѣстности, намъ ничего неизвѣстно. Археологическія изслѣдованія на Таманскомъ полуостровѣ съ 1859 года описаны въ Отчетахъ Императорской Археологической Коммиссіи.

КОНЕЦЪ.

Дополненіе къ стр. 10.

Изъ дѣла Инженернаго Департамента 1817 года за № 202 видно, что въ 1817 году на Таманскомъ полуостровѣ, близь Фанагорійской крѣпости, «при рытіи каменныхъ плитъ съ косогора земли при берегѣ Воспорскаго пролива», открыты были инженеръ-подполковникомъ Парокья двѣ гробницы, одна длиною 8 футъ 1 дюймъ, шириною 3 фута 2 дюйма, глубиною 2 фута 7 дюймовъ; другая—длиною 6 футъ 3 дюйма, шириною 3 фута 2 дюйма, глубиною 2 фута 7 дюймовъ. Въ первой лежали однѣ кости, «въ натуральномъ положеніи», головою къ востоку, безъ правой ноги; ростъ покойника оказался 7 футъ 3 дюйма 9 линій. Во второй гробницѣ, «покойнаго праху только и существовало, что гдѣ была голова, найдена чаша неизвѣстнаго металла, къ коей былъ припаянъ лавровый вѣнокъ изъ кованной мѣди съ позолотою, двѣ неизвѣстныя монеты, двѣ медали мѣдныя, золотой перстень, украшенный неизвѣстнымъ металломъ, глиняная миска и такихъ же пять вазиковъ, въ коихъ находился пепелъ; гвозди съ позолоченными шляпками, золотая, пряжка отъ пояса, съ каменьями, маленькій ножикъ изъ металла, частичка перевитаго золота да поддонки глиняной посуды, съ нѣкоторыми греческими буквами и посреди съ неизвѣстнымъ значкомъ».

Вещи эти, по соизволенію Его Императорскаго Высочества тогдашняго Генералъ-инспектора по инженерной части, переданы были въ Публичную Библіотеку (см. Отчетъ Публ. Библ. за 1817 г. стр. 78).

За тѣмъ на слѣдующій 1818 годъ, для дѣланія землянаго кирпича, продолжалось рытіе означеннаго кургана, и въ центрѣ его, ниже обыкновеннаго горизонта земли на 6 футъ и 4 дюйма, открыты двѣ гробницы такого же совершенно расположенія, построенія и камня, какъ найденныя въ 1817 году: въ первой изъ нихъ лежалъ человѣческій остовъ въ длину 6 футъ и около 10 дюймовъ, съ головою къ востоку, какъ остовы, найденные въ 1817 году; коронованъ золотыми

лаврами; на лбу, въ самой коронѣ, была золотая монета; подъ головою— часть глинянаго блюда въ мелкихъ частяхъ; руки лежали прямо по длинѣ тѣла, а въ правой найденъ золотой перстень съ круглымъ подвижнымъ камнемъ; по обѣимъ сторонамъ отъ плечъ до окончанія рукъ лежали серебряные сосуды съ украшеніями, съ правой стороны три, а съ лѣвой четыре; отъ рукъ до ногъ, также по обѣимъ сторонамъ, глиняные, но почти всѣ разбитые, сосуды и одинъ мраморный; къ ногамъ на лѣвую сторону мѣдный подносикъ съ мѣдною чашкою; въ головѣ, въ склепномъ камнѣ, вырѣзана буква А, а за нею въ землѣ было много черепковъ отъ глиняной посуды. Въ другой гробницѣ настланы были уголья на 13 дюймовъ въ толщину; между ними найдены золотыя зерна и маленькая статуйка (№ 17), и сѣрый испорченный камень отъ перстня, съ частичкою въ немъ золота, коимъ камень былъ укрѣпленъ.

Вещи эти также переданы были въ Публичную Библіотеку, изъ которой впослѣдствіи, послѣ открытій, сдѣланныхъ въ Кульобскомъ курганѣ, поступили въ Императорскій Эрмитажъ *).

---

*) Вышезначущаяся записка составлена, на основаніи упомянутаго дѣла, препровожденнаго въ Арх. Коммиссію, вслѣдствіе ея отношенія отъ 25 февр. 1869 г. за № 83, изъ инженернаго департамента 22 марта 1869 г. за № 3112, членомъ Коммиссіи В. Г. Тизенгаузеномъ.

ЗНАЧЕНІЕ СОБАКИ

ВЪ МИѲОЛОГИЧЕСКИХЪ ВѢРОВАНІЯХЪ.

Д. Чл. В. Ѳ. Миллера.

Исторія человѣчества слѣдитъ съ особеннымъ интересомъ за важными открытіями и изобрѣтеніями, которыми опредѣляется быстрый прогрессъ культуры. Длинный рядъ такихъ открытій отдѣляетъ современную цивилизацію отъ древней. Прежніе историки начинали этотъ рядъ отъ періода, который принято называть патріархальнымъ,—періода, который изображаютъ священныя книги Евреевъ, гимны Ведъ у Индусовъ, миѳологическія преданія различныхъ культурныхъ народовъ земнаго шара. Но успѣхи изученія старины въ XIX-мъ вѣкѣ значительно расширили кругозоръ историковъ. Мало по малу сложилось убѣжденіе, что и тотъ періодъ, который прежде считали первобытнымъ, предполагаетъ длинный рядъ предшествовавшихъ ступеней развитія,—и эти ступени уже отчасти намѣчены современной наукой. Прежніе историки, обозрѣвая пройденную цивилизаціей дорогу, замѣчали на ней только ближайшіе верстовые столбы: телеграфъ, паровозъ, ткацкій станокъ, книгопечатню, порохъ и т. д. Современный историкъ, вооруженный новыми средствами науки, можетъ мысленно пройти далѣе назадъ пройденный путь. Минуя ближайшіе столбы, онъ читаетъ надписи на самыхъ отдаленныхъ, и эти надписи открываютъ ему яркую картину жизни предшествовавшихъ тысячелѣтій. Съ чувствомъ содроганія отвернулся бы романтикъ отъ этой картины древняго человѣчества: вмѣсто золотаго вѣка, вѣка невинности и простоты, вмѣсто патріарха, окруженнаго любящей семьей, проводящаго дни свои въ занятіяхъ земледѣліемъ и скотоводствомъ и украшающаго свой досугъ поэзіей и созерцаніемъ природы, словомъ, вмѣсто идиллической пасторали, которою представлялась романтику жизнь перво-

бытнаго человѣка,—онъ нашелъ бы въ первобытномъ человѣкѣ голоднаго дикаря, каннибала, въ постоянной борьбѣ съ своими ближними, вѣчно преслѣдующаго или преслѣдуемаго. Нѣтъ у него опредѣленнаго жилища, нѣтъ семьи, нѣтъ одежды, чтобъ защищаться отъ холода, нѣтъ огня, чтобы варить пищу, нѣтъ домашнихъ животныхъ, которыя обезпечивали бы его существованіе на завтрашній день, нѣтъ даже собаки, вѣрнаго помощника на охотѣ. Нравственный міръ его еще ужаснѣе: со всѣхъ сторонъ окружаютъ его враги—дикіе звѣри и еще болѣе опасный—человѣкъ. Для него не существуютъ красоты природы: онъ вѣчно на сторожѣ, за каждымъ деревомъ чуетъ скрытаго врага и, жадно высматривая себѣ добычу, постоянно страшится самъ стать добычей звѣря или своего ближняго.

Но не отвернется отъ такой картины не романтикъ. На иныя мысли наведетъ его она. Онъ будетъ съ любопытствомъ слѣдить за дикимъ представителемъ своей породы, войдетъ мысленно въ его интересы, будетъ слѣдить за всѣми перипетіями его борьбы за существованіе—и вынесетъ много поучительнаго для себя. Онъ увидитъ, какъ побѣдоносно выходитъ человѣкъ изъ этой борьбы съ природой одушевленной и неодушевленной, увидитъ, какъ мало по малу очищается его душевный и умственный горизонтъ, увидитъ, какъ человѣкъ примѣняетъ силы природы себѣ на пользу, какъ облегчаетъ себѣ жизнь, изобрѣтаетъ огонь, устроиваетъ жилище, приручаетъ животныхъ, откладываетъ запасы пищи, вступаетъ въ союзъ съ другими людьми, отличая между ними друзей отъ враговъ, увидитъ какъ мало по малу складывается семья, родъ, община, національность; увидитъ длинный рядъ успѣховъ, открытій, изобрѣтеній—и проникнется глубокимъ уваженіемъ къ физической выносливости и силѣ духа человѣческаго рода.

Однимъ изъ раннихъ шаговъ постепеннаго движенія культуры было прирученіе нѣкоторыхъ животныхъ. Мы такъ сжились съ мыслію, что домашнія животныя составляютъ необходимую принадлежность культуры, что съ трудомъ представляемъ себѣ время, когда теперешнія домашнія животныя еще не носили ярма, наложеннаго на нихъ человѣкомъ, съ трудомъ постигаемъ всю важность первыхъ успѣховъ прирученія. Между тѣмъ изслѣдованія человѣческаго быта въ пластахъ земли и въ пещерахъ и наблюденія надъ жизнью современныхъ дикарей доказали, что нѣкогда люди не знали ни одного домашняго животнаго. По свидѣтельству европейскихъ путешественниковъ, у дикарей Андаманскихъ острововъ нѣтъ никакихъ ручныхъ животныхъ, даже собакъ *). То же отсутствіе домашнихъ животныхъ

*) Lubbock. Prehistoric Times, 3-d edit. p. 438.

нашли европейцы у дикарей Парагвая *). У другихъ дикихъ народовъ число домашнихъ животныхъ ограничивается одною собакой, которая, по общему мнѣнію историковъ культуры, была первымъ домашнимъ животнымъ и у культурныхъ народовъ **). Объ этомъ свидѣтельствуетъ и доисторическая археологія и, какъ увидимъ ниже, языкъ. Собака стала первымъ товарищемъ человѣка на охотѣ, собака охраняла его спокойствіе, наконецъ, собака служила ему даже пищей. Собака—единственное ручное животное у дикарей Огненной земли ***). Австралійцы до сихъ поръ ѣдятъ собакъ ****); дикіе Маори держатъ собакъ исключительно для ѣды *****); жители Таити, по свидѣтельству Кука, откармливали ее на убой ******). Если мы вдумаемся въ эти и подобные факты, то поймемъ, какое значеніе имѣла собака для древняго человѣка, и насъ не удивитъ тотъ фактъ, что человѣкъ отвелъ собакѣ важное мѣсто въ кругу своихъ миѳическихъ представленій. Перенося всю нехитрую обстановку своей жизни въ миѳологію, человѣкъ не могъ не помѣстить туда и собаки, своего вѣрнаго помощника и сторожа. Мы остановимся на нѣкоторыхъ народныхъ вѣрованіяхъ, въ которыхъ играетъ роль собака,—остановимся на двухъ-трехъ чертахъ, потому что подробное изложеніе роли собаки въ миѳологіи могло бы наполнить цѣлый томъ.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о славянскомъ названіи собаки, потому что въ немъ мы находимъ лингвистическое подтвержденіе мысли, что собака была первымъ домашнимъ животнымъ. Въ первоначальномъ индоевропейскомъ языкѣ было одно названіе, отличавшее ручныхъ животныхъ отъ дикихъ, именно paku, отъ глагольнаго корня pak—связывать, укрощать (откуда санскритск. paça—связь, оковы, лат. pax—миръ т. е. союзъ, связь и др.). Въ санскритск. paçu значитъ скотъ, въ зендск. также paçu, въ латинскомъ и литовскомъ съ первоначальнымъ звукомъ k—pecu и pekus, гот. faihu, англосакс. feoh, др. верхне-нѣмец. fihu, новонѣмецк. Vieh. Обращаясь къ славянскимъ нарѣчіямъ, мы, къ удивленію, не находимъ этого общаго слова со значеніемъ скота, но со значеніемъ собаки: цсл. пьсъ, сербское пас, чешск. pes, польск. pies, наше пёсъ. Этотъ фактъ археологіи языка такъ же краснорѣчивъ, какъ многіе факты доисторической археологіи. Собака у славянъ названа тѣмъ именемъ,

*) Lubbock, o. c. p. 530.
**) François Lenormant. Les Premières civilisations, I, p. 343.
***) Lubbock, o. c. p. 241.
****) Lubbock, o. c. 439.
*****) Lubbock, o. c. p. 462.
******) Lubbock, o. c. p. 478.

которымъ другіе народы обозначали домашнее животное, скотъ вообще. Собака названа такъ, какъ скотъ по преимуществу, первый скотъ человѣка. Впрочемъ Славяне въ этомъ отношеніи не стоятъ особнякомъ отъ другихъ народовъ. У Индусовъ слово paçu имѣетъ болѣе широкое значеніе нежели нашъ *скотъ*, и обозначало также собаку,— напримѣръ, въ одномъ эпизодѣ Магабгараты *). Другое русско-польское названіе, неупотребительное у прочихъ Славянъ—собака—стоитъ въ тѣсной связи съ наиболѣе распространеннымъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Это—санскритское çvan (первонач. kvan), родит. пад. çunas, бенгальск. çvâ, мараттское çvâna, зендск. çpan (имен. çpâ, род. çûnô), ново-персид. ispah, isbah, афганск. çpai, çpû, армянск. shoun, греч. κύων, κυνός (ср. санскр. çunas), лат. canis (изъ cvanis), литов. szů, род. szunës, латышск. suns, гот. hun-ds, скандинав. hundr, и т. д. и т. д. **). Съ этими-то словами находится въ связи и наше собака, и филологія можетъ весьма близко опредѣлить эту связь. Собака—слово не славянское, а заимствованное. Съ этимъ согласны всѣ лингвисты, придающіе значеніе звуковымъ законамъ. Русскіе Славяне заимствовали его съ востока у какого-то народа, говорившаго эранскимъ нарѣчіемъ. Доказательствомъ этому служитъ звуковой видъ нашего слова. Одно изъ существенныхъ свойствъ эранской фонетики состоитъ въ томъ, что она не допускаетъ группы çv и звукъ v обращаетъ въ губной p, напр. санскр. açva—лошадь (лат. equus)—зенд. açpa, санскр. çvâ (собака) зенд. çpâ, санскр. çvanta (наше свѧтъ) зенд. çpenta и т. д. Славяне не знали этого закона, и потому изъ çva (перв. kva) не могли сдѣлать соба-ка. Что у эранскаго народа, у котораго заимствовали русскіе Славяне названіе собака, это имя могло звучать очень сходно съ нынѣшнимъ русскимъ, видимъ мы изъ свидѣтельства Геродота. Въ 110-й главѣ первой книги, упоминая о кормилицѣ Кира Κυνώ, онъ говоритъ, что это названіе греческій переводъ медійскаго Σπαχώ и прибавляетъ: ибо собаку (суку) называютъ Медійцы σπάκα ***). Въ эранскомъ происхожденіи Медійцевъ не сомнѣваются современные историки. Такимъ образомъ, нужно думать, что наиболѣе восточные изъ Славянъ заимствовали названіе собака у какого-то эранскаго народа, у котораго это имя звучало, вѣроятно, спака, и, какъ слово заимствованное, оно не пошло далѣе на востокъ и не вытѣснило общеславянскаго пса. Съ своей стороны мы увѣрены, что слово собака перешло къ Сла-

*) Lassen-Anthologia Sanscritica, p. 44, ed. Gildemeister.

**) См. A. Pictet, Les Origines Indoeuropéennes, I, 375. Justi. Handbuch der Zendsprache s. v. çpâ. Curtius-Grundzüge s. v. κύων etc.

***) Τὴν γὰρ κύνα καλέουσι σπάκα Μῆδοι.

вянамъ отъ Скиѳовъ, въ которыхъ присутствіе эранскаго элемента мы считаемъ доказаннымъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, обращаемся къ значенію собаки у древнихъ народовъ Востока. Едва ли какой нибудь народъ былъ проникнутъ такимъ уваженіемъ къ собакѣ, какъ древніе Эранцы. Священная книга ихъ, Зендавеста, содержитъ много замѣчательныхъ предписаній о томъ, какъ праведный поклонникъ Агурамазды (Ормузда) долженъ относиться къ этому животному. Въ 13-мъ фаргардѣ Вендидада богъ Агурамазда говоритъ Заратустрѣ, своему пророку, слѣдующія слова: «Собаку создалъ я, о Заратустра! съ ея собственной одеждой, съ ея собственной обувью, съ сильнымъ обоняніемъ, съ острыми зубами, привязанную къ человѣку (vîrôdraonaṅhem) *) для защиты загоновъ (106—108)... Когда она здорова, когда она находится въ загонахъ (скота), когда она бодрствуетъ голосомъ (т. е. лаетъ),—тогда не подходитъ къ веси ни воръ, ни волкъ, и не уноситъ изъ весей незамѣтно (имущество)» (111—113).

Если самъ богъ Агурамазда создалъ собаку для пользы человѣка и самъ объявилъ это пророку Заратустрѣ, то понятно предписаніе религіи о заботливости относительно ея. Въ томъ же фаргардѣ находимъ цѣлый рядъ постановленій, въ которыхъ религія Агурамазды беретъ подъ свою защиту это животное. «Кто убьетъ одну изъ этихъ собакъ—пастушью, деревенскую, охотничью и обученную (21), того душа, полная страха и болѣзни, идетъ изъ этого нашего (міра) въ міръ надземный (22).... и не можетъ другая душа его душѣ по смерти оказать помощь **), ибо страхъ и ужасъ внушаетъ она и тому міру ***) (24) и не помогаютъ ей обѣ собаки, стерегущія мостъ (Чинватъ) ****) послѣ смерти, ради страха и ужаса, наводимаго ею (25).

Такимъ образомъ, человѣкъ, убившій собаку, по религіи Заратустры, лишится всѣхъ благъ будущей жизни: его не допустятъ до жилища праведныхъ двѣ собаки, охраняющія мостъ Чинватъ, по которому душа достигаетъ этого жилища. За изувѣченіе собаки виновный подвергается на землѣ самымъ страшнымъ наказаніямъ. «Кто нанесетъ рану, говорится въ § 26 того же фаргарда, собакѣ, охраняющей скотъ, отрѣжетъ ей уши или ноги (27), а къ заго-

*) Шпигель переводитъ: anhänglich an den Menschen (Avesta, die heiligen Schriften der Parsen I 197. См. его же Commentar über das Avesta I, 310; Justi, Handbuch s. v. переводитъ: den Menschen nachlaufend. Цитаты текста приводимъ мы по изданію Шпигеля 1853.

**) Переведено по Justi—см. Wörterbuch s. v. baz.

***) См. Spiegel Commentar z. Avesta I 300.

****) Мы читаемъ çpâna peshu pâna, какъ Вестергордъ, а не pišupâna, какъ въ текстѣ Spiegel'я.

намъ подойдетъ воръ или волкъ и унесетъ, не будучи замѣченъ, имущество (28), то пусть виновный поплатится за потерю (29), пусть онъ поплатится за раны собаки наказаніемъ Baodhôvarsta *) (30). То же наказаніе полагается за изувѣченіе собаки, принадлежащей деревнѣ (31—35). За тѣмъ слѣдуетъ перечисленіе разныхъ видовъ собакъ и наказаніе человѣка, наносящаго имъ раны, сообразуется съ большею или меньшею полезностію собаки.—Человѣкъ становится грѣшникомъ, не только убивая или калѣча собакъ, но и въ томъ случаѣ, если даетъ имъ плохую пищу. Собака ставится на одну доску съ человѣкомъ: «Создатель! говоритъ Заратустра Агурамаздѣ (§ 55 слѣд.):—кто собакѣ, охраняющей скотъ, даетъ плохую пищу, какимъ грѣхомъ онъ запятнываетъ себя?—На это отвѣчалъ Агурамазда: онъ такъ пятнаетъ себя, какъ тотъ, кто предлагалъ бы плохую пищу главѣ знатнаго дома въ этомъ тѣлесномъ мірѣ». Пища собаки, стерегущей добро, говорится далѣе (§ 77 и 78), должна состоять изъ молока, жира и мясныхъ блюдъ. Если собака перестала лаять и оказываетъ признаки бѣшенства, ее слѣдуетъ привязать и сдѣлать безвредною (§§ 80—и слѣд.); если же она, по небрежности хозяина, укуситъ кого нибудь, то за рану укусившаго платится хозяинъ собаки наказаніемъ baodhôvarsta (§87). Бѣшеную собаку слѣдуетъ лѣчить такъ же тщательно, какъ всякаго праведнаго человѣка, говорится немного далѣе (§ 99), а если она не хочетъ принимать лѣкарства, ей должно давать его насильно, распяливъ ей ротъ кускомъ дерева (§ 102). Если же она сорвется и бросится въ безпамятствѣ въ цистерну, колодезь, яму или рѣку и при этомъ причинитъ себѣ вредъ, тогда хозяева ея становятся грѣшниками пэшотанусами (§ 105) **). Въ 15-мъ фаргардѣ говорится (§§ 10—15), что такъ же грѣховенъ становится человѣкъ, если даетъ собакѣ кости, которыхъ нельзя обглодать, или слишкомъ горячую пищу, и если кости повредятъ собакѣ, застрявъ между зубами или въ горлѣ, а слишкомъ горячая пища обожжетъ ей пасть или языкъ. Въ той же главѣ находимъ рядъ предписаній, какъ слѣдуетъ обращаться со щенятами и ихъ матерью. Если собака никому не принадлежащая расположится гдѣ нибудь со своимъ отродьемъ, ее долженъ содержать тотъ, кто живетъ ближе всѣхъ къ мѣсту, которое она избрала; если она расположилась въ стойлѣ верблюдовъ, ее содержитъ хозяинъ стойла, если въ конюшнѣ, хозяинъ конюшни и т. д. ***).

---

* Baodhôvarsta—наказаніе за сознательный грѣхъ, состоявшее, по позднѣйшимъ свидѣтельствамъ, въ томъ, что осужденный разрѣзался почленно на части. Таково ли было и древнее наказаніе—неизвѣстно (см. Justi s. v.)

**) Peshôtanu-sündhaften Leib habend, leiblicher Sünder. См. Justi s. v.

***) §§ 60—123.

Эти строгія религіозныя предписанія Зендавесты имѣютъ всѣ признаки глубокой старины. Они становятся понятны, если мы перенесемся мыслію въ тотъ ранній періодъ культуры, когда безопасность и благосостояніе человѣка во многомъ зависѣли отъ собаки; когда она помогала ему на охотѣ, стерегла стада отъ волковъ, охраняла жилье отъ разбойника и вора. Религія Зороастра возвела въ религіозное предписаніе уваженіе, которымъ пользовалась собака въ народѣ,— уваженіе, которое она пріобрѣла полезностью, сознаваемою всѣми. Отсюда понятно, что это, всего ранѣе прирученное, животное должно было занять и видное мѣсто въ миѳологіи. Образъ собаки является среди самыхъ первобытныхъ олицетвореній обоготворенныхъ явленій видимой природы. Древніе Индусы, въ ведійскомъ періодѣ, представляли себѣ мѣсяцъ въ видѣ небеснаго пса. Небеснымъ псомъ называется онъ прямо въ Atharva-Ведѣ *). Это олицетвореніе вполнѣ понятно. Младенческая фантазія склонна придавать жизнь явленіямъ природы и переносить на нихъ свойства людей и животныхъ. Наблюдая молодой мѣсяцъ на небѣ, человѣкъ въ воображеніи назвалъ рога его острыми зубами (клыками), а когда явились зубы, явился и песъ. Этотъ небесный песъ принадлежитъ солнечному богу, который отдыхаетъ ночью, поставивъ вѣрнаго пса караулить свое жилище: какъ собака стережетъ ночью жилище хозяина, такъ и мѣсяцъ съ высоты неба наблюдаетъ за сномъ человѣка. Между гимнами Ригъ-Веды находимъ мы одинъ (VII 55), посвященный владыкѣ жилища (vāstošpati). Этотъ владыка жилища представляется небеснымъ псомъ Sārameya (сыномъ собаки Сарамы), и авторъ гимна проситъ его благосклонности. Вотъ въ переводѣ нѣсколько стиховъ этого довольно темнаго гимна:

1. О всеблагой Вастошпати, всѣ образы мѣняющій!
   Будь благосклоннымъ другомъ намъ!
2. Когда, златой Сарамы сынъ,
   Показываешь зубы ты,
   Тогда кинжалы острые
   Въ твоихъ сверкаютъ челюстяхъ. Засни!
3. На вора лай, Сарамы сынъ!
   И на злодѣя нападай.
   Зачѣмъ на Индровыхъ пѣвцовъ,
   На насъ такъ злобно лаешь ты? Засни!
4. Терзай свинью и пусть тебя **)

---

*) VI, 80, I. Ср. Çat. Brāhmaṇa 11, 1, 5, 1. и Weber. Naxatra, II, 372.

**) Подъ свиньей (sūkara) разумѣется, вѣроятно, сила враждебная мѣсяцу, сила мрака, заставляющая его уменьшаться въ объемѣ. Во время наростанія мѣсяцъ одолѣваетъ свинью, во время ущерба одолѣвается ею.

Она терзаетъ въ свой чередъ!
Зачѣмъ на Индровыхъ пѣвцовъ
На насъ такъ злобно лаешь ты? Засни!
5. Пусть матерь спитъ, пусть спитъ отецъ,
Пусть спитъ хозяинъ, пусть спитъ песъ;
Пусть крѣпко спятъ всѣ родичи,—
Пусть спитъ весь этотъ людъ вокругъ.
6. Тотъ, кто сидитъ, и кто идетъ,
И всякъ, кто ночью видитъ насъ,—
Ихъ очи замыкаемъ мы,
Какъ запираемъ этотъ домъ!
7. Всѣхъ женъ, что на кроватяхъ спятъ,
Иль на носилкахъ, на скамьяхъ,
Всѣхъ женъ благоухающихъ
Молитвой усыпляемъ мы.

Этотъ гимнъ по характеру своему напоминаетъ народныя заклинанія Аѳарва-Веды и вѣроятно употреблялся какъ заговоръ, чтобы нагнать сонъ.

Мѣсяцъ не только представлялся домашнимъ псомъ, сторожемъ, но и охотничьимъ. Замѣняя на небѣ своего хозяина—солнечнаго бога, онъ бродитъ ночью, отыскивая похищенныхъ демономъ мрака свѣтлыхъ коровъ, въ образѣ которыхъ Индусы олицетворяли лучи разсвѣта. Раннимъ утромъ небесная собака Сарама отыскиваетъ гору, въ которую демоны мрака загнали коровъ, приноситъ извѣстіе объ этомъ богу Индрѣ и онъ поражаетъ и разгоняетъ похитителей. Этотъ миѳъ изображается въ Ригъ-Ведѣ (X 108), въ разговорѣ между Сарамой, посланницей Индры, и злыми духами Панисами.

ПАНИСЫ.

Что ищешь ты, Сарама, въ этомъ мѣстѣ?
Вѣдь путь сюда далекъ и недоступенъ.
Кто посылалъ тебя? Какимъ путемъ брела ты?
Какъ перешла ты черезъ воды Расы *)?

САРАМА.

Сюда пришла посланницей я Индры,
Желая вашихъ, Панисы, сокровищъ;
Онъ спасъ меня отъ страха переправы,
И счастливо прошла я воды Расы.

---

*) Раса (Rasā)—миѳическая рѣка, подъ которой, можетъ быть, надо разумѣть утреннюю росу, такъ какъ дѣйствіе происходитъ раннимъ утромъ.

ПАНИСЫ.

Но кто твой Индра и каковъ онъ съ виду,
Чьей вѣстницей пришла ты издалека?
Пусть онъ придетъ,—его мы примемъ другомъ,
Пусть пастыремъ коровъ онъ нашихъ будетъ.

САРАМА.

Не знаю я, чтобъ могъ онъ быть осиленъ,
Осилитъ онъ, чьей вѣстницей пришла я.
Не поглотятъ его глубокіе потоки,
И вы падете подъ ударомъ Индры.

ПАНИСЫ.

Коровъ тѣхъ, что ты ищешь, дорогая,
Предѣлы неба облетѣвъ, Сарама,—
Кто ихъ захочетъ уступить безъ боя?
Вѣдь и у насъ оружія не тупы!

САРАМА.

Не одолѣть вамъ, Панисы, словами:
Будь ваше тѣло и неуязвимо,
И пусть дорога къ вамъ и недоступна, —
Не сжалится Бригаспати *) надъ вами.

ПАНИСЫ.

Внутри горы сокровище, Сарама!
Оно полно коровъ, коней, богатства,
Его хранитъ Панисовъ зоркихъ стража;—
Напрасно ты пришла къ пустому мѣсту.

САРАМА.

Придутъ сюда пѣвцы въ наитьи Сомой **),
Аясія, Ангирасы, Навагвы,
Загонъ коровъ между собой раздѣлятъ:
Въ своихъ рѣчахъ раскаются Панисы.

---

*) Bṛhaspati—владыка молитвы—божество, являющееся иногда помощникомъ Индры, см. RV. II, 23, 18.

**) Имена древнихъ предковъ, обоготворяемыхъ Индусами.

ПАНИСЫ.

Вѣдь все же ты пришла сюда, Сарама,
Божественнымъ велѣньямъ покоряясь;
Не уходи, сестрой ты нашей будешь,
И часть коровъ дадимъ тебѣ, благая!

САРАМА.

Не вѣдаю я ни сестеръ, ни братьевъ,—
Ангирасы и Индра это знаютъ;—
Коровъ они хотѣли, какъ пошла я:
Отсюда прочь, Панисы, уходите!

ПѢВЕЦЪ.

Далеко прочь, Панисы уходите
И пусть коровы выйдутъ чередою!
Бригаспати нашелъ сокрытыхъ, Сома,
Прессъ каменный и мудрые брахманы *).

Ночь вызывала въ младенческомъ воображеніи представленіе о смерти и загробномъ мірѣ. Лунное божество часто становится въ миѳологіи божествомъ смерти, а звѣзды, окружающія его толпами, представляются душами усопшихъ людей. Поэтому и лунный песъ получаетъ загробный характеръ и становится стражемъ міра усопшихъ, какъ греческій Керберъ или эранскія собаки, охраняющія мостъ Чинватъ. Къ этой роли собаки повели нѣкоторыя наблюденія надъ ея привычками: ея вой по ночамъ наводилъ людей на мысли о смерти и считался предсказаніемъ близкой кончины хозяина, или кого нибудь изъ членовъ семьи. Въ томъ же смыслѣ объяснялась и привычка собакъ рыть ямы. Въ миѳологіи разныхъ народовъ собака является вѣстницей смерти. Германскія норны, соотвѣтствующія греческимъ паркамъ, сопровождались собаками **); у Грековъ собака была животнымъ страшной Гекаты и приносилась ей въ жертву ***); на древнихъ саркофагахъ собака изображалась какъ вѣстница смерти ****). Египетская лунная богиня Бубастисъ, родственная Изидѣ, была сопро-

*) Священный напитокъ Сома, приготовлявшійся изъ Asclepias acida, приносился въ жертву Индрѣ и возбуждалъ его къ борьбѣ съ демонами мрака; поэтому здѣсь онъ является вмѣстѣ съ каменнымъ прессомъ, выжимавшимъ его, помощникомъ Индры.

**) Wolf. Beiträge zur Deutschen Mythologie, II, 195 и Grimm. D. Myth. 381.

***) Creuzer. Symbolik. II, 256 слѣд.

****) Bachofen. Gräbersymbolik. p. 113.

вождаема собаками *), а богъ Тхотъ (Техути), соотвѣтствующій греческому Гермесу, въ роли проводника душъ въ царство тѣней, изображался съ головой кинокефала **). Представленіе объ адскомъ псѣ, извѣстное изъ миѳологіи греческой и эранской, встрѣчается и у другихъ народовъ. Гуроны (въ Америкѣ) думаютъ, что черезъ рѣку смерти перекинутъ стволъ дерева, по которому должны переходить мертвые; собака, охраняющая этотъ стволъ, бросается на души и нѣкоторыя изъ нихъ падаютъ въ воду ***). Точно также по мнѣнію многихъ народовъ собаки имѣютъ способность видѣть духовъ, невидимыхъ людямъ, и обнаруживаютъ это воемъ.

Въ скандинавской миѳологіи богиня смерти Гела (Hel), обходящая землю, высматривая себѣ жертву, видима для собакъ ****). Римляне думали, что собаки женскаго пола перваго помета способны видѣть фавновъ ночью и прогонять ихъ лаемъ *****). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи подобныя собаки также слывутъ духовидцами ******). Въ Одиссеѣ (XVI, ст. 160—163) говорится, что Телемакъ не видѣлъ Аѳины, которая стояла подлѣ него, но ее видѣли собаки:

Не всѣмъ намъ боги открыто являются, но Одиссей могъ очами
Ясно увидѣть ее и собаки увидѣли также:
Лаять не смѣя онѣ, завизжавъ, со двора побѣжали.

Евреи и мусульмане, говоритъ Тэйлоръ, услыхавъ вой собакъ, знаютъ, что онѣ увидѣли ангела смерти, вышедшаго на свое страшное дѣло *******). Въ Россіи это свойство приписывается обыкновенно двумъ породамъ собакъ: ярчуку, у которой во рту волчій зубъ, а подъ шкурой скрыты двѣ змѣи-гадюки,—она чуетъ чорта и наноситъ вѣдьмамъ неисцѣлимыя раны; во вторыхъ, двоеглазкѣ—черношерстной собакѣ, имѣющей надъ глазами два бѣлыя пятна, которыми и усматриваетъ она всякую нечистую силу ********). Любопытно то, что это простонародное русское вѣрованіе въ свойства двоеглазки восходитъ къ незапамятной старинѣ и составляетъ общее достояніе индоевропейскихъ народовъ. Полную аналогію русской двоеглазкѣ находимъ мы въ четырехглазыхъ псахъ, упоминаемыхъ въ Ригъ-Ведѣ и Зендавестѣ. Индусскій богъ смерти Яма имѣетъ двухъ четырехглазыхъ

*) Creuzer. Symbolik. II, 570.

**) Hermes Trismegistos, nach aegiptischen und orientalischen Ueberlieferungen, dargestellt von Dr. R. Pietschmann, 1875.

***) См. Тэйлоръ, Первобытная культура, II, 163 русс. перевода.

****) Grimm. Deutsche Mythol. p. 632.

*****) Hartung. Religion der Römer, II, 184.

******) Аѳанасьевъ, Поэтич. Воззрѣнія, I, 734.

*******) Тэйлоръ, Первобытная культура, II, 234.

********) Аѳанасьева, Поэтич. Воззрѣнія l. c..

псовъ, которыхъ онъ посылаетъ на землю за душами людей. Въ одномъ похоронномъ гимнѣ Ригъ-Веды *), посвященномъ богу Ямѣ, находимъ слѣдующіе стихи, которыми поэтъ напутствуетъ усопшаго въ царство мертвыхъ:

Прямымъ путемъ бѣги поспѣшно мимо
Четырехглазыхъ, пестрыхъ псовъ Сарамы,—
Ступай отсюда къ предкамъ благосклоннымъ,
Которые ликуютъ вмѣстѣ съ Ямой.
Тѣмъ псамъ твоимъ, четырехглазымъ стражамъ,
Чтó стерегутъ людей и путь, о Яма,
Имъ поручи его, о царь! и счастье,
И здравіе ему даруй ты щедро.
Съ широкой мордой, алчные до жизней,
По людямъ ходятъ Ямы два посла,—
Пусть намъ дозволятъ долго видѣть солнце
Они—и счастье на землѣ даруютъ!

Индусскій комментаторъ говоритъ, что четырехглазка (čaturakša)—такая собака, у которой надъ каждымъ глазомъ по глазовидному пятну **); слѣдовательно, четырехглазка—то же, что наша двоеглазка. Изъ приведеннаго стиха еще нельзя вывесть, какими свойствами обладаютъ четырехглазые псы Ямы, но одинъ замѣчательный заговоръ народной Аѳарва-Веды ***), на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что у Индусовъ было то же представленіе, какъ у Славянъ. Заговоръ обращенъ къ какой-то травѣ, надѣляющей способностью видѣть все сокровенное и открывать колдуновъ: три неба, говоритъ заклинатель, три земли, шесть странъ свѣта и всѣ существа да увижу я чрезъ тебя, о божественная трава! Тебя вложилъ въ мою десницу тысячеокій богъ и чрезъ тебя я вижу все—и судру и арійца. Покажи мнѣ колдуновъ и вѣдьмъ (yātudhānān и yātudhānyaḥ) и всѣхъ бѣсовъ (пишачіевъ). Ты глазъ Каçьяпы и четырехглазой собаки (çunyāççа čaturakšyāḥ) и т. д. Каçьяпа—божественная личность, по видимому, одно изъ представленій высшаго божества, Праджапати; во множ. числѣ, Каçуарās—духи, стоящіе въ связи съ круговращеніемъ солнца. И такъ, глазъ солнечнаго духа и собаки четырехглазой обладаетъ одинаковою зоркостью, а этотъ глазъ сравнивается съ травой,

---

*) Rig-Veda X, 14 гимнъ, часто разбиравшійся учеными. См. статью Рота о Джемшидѣ въ Zeit. der D. Morg. Ges. IV, 426. Haug. Essays on the sacred language etc. of the Parsees, p. 234. M. Muller, Lectures, II, 515. Muir-Original Sanskrit Texts, V, 292, и слѣд. Geldner und Kaegi—70 Lieder des Rigveda, p. 146.

**) См. Böhtlinqk und Roth. Sans. Wörterbuch s. v. çvan.

***) Ath. Veda, IV, 20 издан. текста Roth'a и Whitney'я, 1856, стр. 63.

дающей способность видѣть злыхъ духовъ. Слѣдовательно, ведійскій четырехглазый песъ и въ этомъ свойствѣ тожественъ съ русскимъ.

Поклонники Агурамазды также знали четырехглазую собаку. Въ восьмомъ фаргардѣ Вендидада, главной части Зендавесты, упоминается собака čathručašma,—четырехглазка, прогоняющая злыхъ духовъ своимъ присутствіемъ. «Творецъ! спрашиваетъ Заратустра (38):—когда на дороги выносятъ мертвыхъ собакъ и мертвыхъ людей (39), то какъ по этимъ дорогамъ ходить мелкому и крупному скоту, мужамъ и женамъ, огню, сыну Агурамаздову, или баресмѣ *), связанному съ чистотою?» (40) Тогда молвилъ Агурамазда: «да не ходятъ по этимъ дорогамъ ни мелкій, ни крупный скотъ, ни мужи ни жены, ни огонь, сынъ Агурамаздовъ, ни баресма, связанный съ чистотою (41). Собаку желтую, четырехглазую (çpanem zairitem čathručašmem), или бѣлую желтоухую (42), трижды по этимъ дорогамъ да проведутъ (43). Чрезъ провожденіе, о святой Заратустра! собаки желтой четырехглазой, или бѣлой желтоухой (44), эта друксъ Насусъ **) убѣгаетъ къ сѣвернымъ странамъ» и т. д.

И такъ, русская двоеглазка имѣетъ обширное родство въ Индіи и Эранѣ и существованіе объней повѣрья на Руси представляетъ разительный примѣръ стойкости народныхъ вѣрованій.

Стараясь выяснить мотивъ древняго представленія мѣсяца небеснымъ псомъ, мы указали на то, что въ рогахъ молодаго мѣсяца народное воображеніе видѣло зубы, и затѣмъ къ зубамъ прибавило пса. Что рога мѣсяца считаются зубами,—это не предположеніе, а фактъ, который можетъ быть засвидѣтельствованъ народными повѣрьями. Зубы мѣсяца считали, такъ сказать, образцомъ чистыхъ, крѣпкихъ зубовъ, и обладатель ихъ никогда не страдаетъ отъ зубной боли. Напротивъ, мѣсяцъ исцѣляетъ зубную боль у людей, награждая ихъ такими же крѣпкими зубами. Это вѣрованіе было у Индусовъ, какъ можно догадаться изъ одного стиха Магабгараты, приводимаго въ Петербург. Словарѣ. Индусы употребляли для чистки зубовъ кусочки дерева, которые они грызли: они думали, что грызенье дерева укрѣпляетъ зубы ***). Эти деревянныя чурки назывались dantakāšṭha,—зубная чурка. Подъ этимъ словомъ въ Петербур. Словарѣ приводится такой стихъ изъ Магабгараты (13, 6058): кто будетъ грызть зубную чур-

*) Bareçman называютъ пучекъ вѣтвей финиковаго, гранатоваго или тамаринсковаго дерева, которыя срѣзывались съ извѣстными обрядами, связывались въ вѣникъ и держались въ лѣвой рукѣ во время молитвы.

**) Друксъ Насусъ—демонъ женскаго пола, вселяющійся въ тѣло мертвецовъ.

***) Русскіе знахари совѣтуютъ страдающему зубами грызть рябину, со словами: «рябина, рябина, вылѣчи мои зубы, а не вылѣчишь—всю тебя изгрызу». Майковъ. Великорусскія заклинанія стр. 38.

ку въ новолуніе, тотъ неразуменъ *). Стихъ становится понятенъ, если мы вспомнимъ, что въ новолуніе мѣсяца нѣтъ на небѣ и, слѣдовательно, онъ не можетъ содѣйствовать укрѣпленію зубовъ, хотя бы человѣкъ и грызъ дантакашту. Ясное свидѣтельство о зубахъ мѣсяца и связи его съ зубами людей находимъ въ русскихъ заговорахъ отъ зубной боли. Въ большинствѣ изъ нихъ больной обращается къ мѣсяцу съ просьбой—избавить его отъ гнилаго зуба. Приведемъ нѣкоторые, болѣе интересные:

А когда увидишь молодой мѣсяцъ (говорится въ одномъ рукописномъ лѣчебникѣ Румянцевск. музея, № 696 листъ 104), и ты съ того мѣсяца (мѣста?) не ходи, и смотри на мѣсяцъ и говори трижды: младъ еси мѣсяцъ, болятъ ли у тебя зубы? И у млада мѣсяца зубы не болятъ: такъ бы у меня раба Божія (имярекъ) зубы не болѣли отъ молода до молода, на ветхій и ущербъ.

Что зубами мѣсяца называются его рога, видно изъ слѣдующаго малорусскаго заговора: молодикъ, молодикъ! Въ тебе роги золоты: твоимъ рогамъ не стоять, моимъ зубамъ не болѣть **). Мѣсяцъ можетъ дать человѣку крѣпкіе зубы: «пришелъ старый мѣсяцъ къ новому и говоритъ: возьми у раба Божія (имярекъ) рѣпяной зубъ, а дай ему костяной». Таковъ заговоръ произносимый въ Воронежской губерніи во время новолунія, при чемъ страдающій зубами прижимаетъ больной зубъ указательнымъ пальцемъ ***). Обыкновенно обращаются къ молодому мѣсяцу съ подобной просьбой, и это понятно, потому что у молодаго только есть зубы (рога), а не у стараго. Иногда высказывается пожеланіе, чтобы не болѣли зубы, какъ не болятъ они у мертвеца, причемъ все-таки обращаются къ мѣсяцу. Такъ въ Подольской губерніи записанъ слѣдующій заговоръ: «Місяцю новый, питайся старого, чи болятъ зубы у вмерлаго. Не болятъ. Нихай же и мене не болятъ, хрещенаго, пороженаго» ****). Масса подобныхъ заговоровъ къ мѣсяцу, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что вѣрованіе въ связь мѣсяца съ зубами восходитъ къ глубокой старинѣ и вѣроятно составляло достояніе всѣхъ индо-европейскихъ народовъ.

Въ вышеприведенныхъ народныхъ повѣрьяхъ собака приводится въ связь съ загробнымъ міромъ. Къ этой категоріи миѳическихъ собакъ относится индусская Сарама и псы бога Ямы, греч. Керберъ,

---

*) Dantakāṣṭhaṃ tu yaḥ khāded amāvāsyām abiddhuman.

**) Ефименко, Сборникъ малороссійскихъ заклинаній. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1874, отдѣльн. оттиска стр. 6.

***) Майковъ,—Великорусскія заклинанія, 1869, стр. 38.

****) Сельскіе чары и заговоры по Подольской губ. М. Б. стр. 3.

египетскій песьеголовый Тхотъ и др. Къ такимъ представленіямъ о собакѣ повело, какъ мы предположили, наблюденіе надъ ея привычками—рыть ямы и выть по ночамъ. Но собака, преслѣдующая для человѣка дичь на охотѣ, славилась своимъ быстрымъ бѣгомъ. Человѣкъ уже рано пользовался этимъ свойствомъ ея и старался его развивать. Индоевропейскія названія собаки—санскр. çvan, греч. κύων, лат. canis и т. д.—сводятся къ глагольному корню, выражающему быстроту, такъ что çvan значитъ собственно «быстрый». Отсюда естественно, что собака является въ миѳологіи олицетвореніемъ быстраго явленія природы, именно вѣтра. Эту роль она играетъ преимущественно въ германской миѳологіи. Въ норвежской загадкѣ, вѣтеръ изображается подъ видомъ собаки: «Отгадай, что́ это такое: стоитъ собака на стеклянной горѣ и лаетъ на море». Разгадка: вѣтеръ *). Нѣмецкіе миѳологи видятъ въ собакахъ Дикаго Охотника (Hackelberg'a, Wuotan'a) олицетвореніе вихрей, сопровождающихъ бурю. Подобно тому, какъ сильный вѣтръ ублажаютъ, выставляя ему мѣшокъ съ мукою, такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи приносятъ тотъ же кормъ собакамъ Дикаго Охотника **). По одному дитмарскому преданію, Дикій Охотникъ обреченъ проклятіемъ вѣчно охотиться, а его жена и дѣти обратились въ собакъ ***). Подобное же преданіе разсказывается о женскомъ типѣ Дикаго Охотника—Frau Gôde (Gauden, Berhta). У ней было 24 дочери, которыя такъ же страстно любили охоту, какъ она сама. Однажды, гоняясь за дичью, онѣ, въ восторгѣ отъ удачной охоты, промолвили: охота лучше царствія небеснаго! Вдругъ дочери обратились въ собакъ, а мать вѣчно должна носиться въ воздухѣ, преслѣдуя съ ними дичь ****). Въ Помераніи собаки Вода (Дикаго Охотника) считаются душами самоубійцъ, или людей, продавшихся чорту *****). Иногда отъ своры Дикаго Охотника отстаетъ собака, обыкновенно чернаго цвѣта, и забѣгаетъ въ крестьянскую избу. Это бываетъ на святкахъ, когда всего чаще суевѣрный народъ видитъ по ночамъ дикую охоту. Собака скучаетъ, не признаетъ людей, цѣлый день лежитъ у очага и ѣстъ одну золу; затѣмъ—вдругъ исчезаетъ съ радостнымъ лаемъ, когда случайно проносится надъ избою снова дикая охота. Въ Чехіи одинъ охотникъ случайно видѣлъ въ лѣсу, во время грозы, Дикаго Охотника съ его собакой, которая лаемъ заглушала раскаты грома ******). Тамъ же въ

*) Mannhardt-German. Mythen, 1858, стр. 217.
**) Kuhn-Nordd. Sagen, p. 70.
***) Mannhardt, o. c. p. 300.
****) Ibid. p. 300.
*****) Ibid. p. 301.
******) Grohmann—Sagenbuch von Böhmen u. Mähren 82.

селеніи Козидирекъ одна вдова, возвратившись домой съ поля, нашла на порогѣ своей хижины большую сѣрую собаку съ черными пятнами, съ блестящими глазами и высунутымъ языкомъ. Женщина гнала собаку, но та не трогалась съ мѣста и осталась до утра. Утромъ вдова бросила ей кусокъ хлѣба, но собака обнюхала его и не тронула. Случайно на полъ просыпалась зола—и собака стала подбирать ее съ жадностью. Видя это, женщина поставила собакѣ цѣлы чугунъ золы, и собака, съѣвъ все, три раза прыгнула предъ очагомъ и убѣжала. Кусокъ хлѣба, брошенный собакѣ, обратился въ чистое золото *).

Преданіе о богахъ, сопровождаемыхъ собаками, принадлежитъ къ кореннымъ индоевропейскимъ вѣрованіямъ, которыя можно прослѣдить по миѳологіи Индусовъ, Германцевъ и Славянъ. Съ принятіемъ христіанства, какъ извѣстно, на христіанскихъ святыхъ наслоились въ народѣ черты прежнихъ боговъ, а вмѣстѣ съ этими чертами явилась и спутница прежнихъ боговъ—собака. Какъ германскій Воданъ-Гакельбергъ, или Дикій Охотникъ, имѣетъ вѣщую собаку, такъ народное преданіе, сохранившееся только въ намекахъ, приписываетъ такую собаку св. Петру **). Собака сопровождаетъ также св. Роха, котораго призываютъ для изгнанія чумы. Собака придана ему потому, что имѣетъ свойство видѣть чуму издалека. Простой народъ въ Польшѣ разсказываетъ, что собака бросается на чуму, стараясь ее схватить, а чума дразнитъ ее, выставляетъ ей ногу и кричитъ: куси, куси ногу ***)! Какъ Frau Gode (Frau Harke)—одно изъ именъ богини Фрики (Frū Frick)—идетъ въ сопровожденіи собаки, такъ и за Св. Дѣвой Маріей, которой народное суевѣріе придало черты древней богини, слѣдуетъ бѣлая собачка ****). На одномъ кладбищѣ въ Баденѣ, разсказываетъ мѣстное преданіе, собака вырыла лапами колодезь, въ которомъ нашли деревянную статую Богоматери. На этомъ мѣстѣ построили часовню, въ которую помѣстили статую, и часовня съ колодцемъ была названа Mariabrunn *****). Подобнымъ же наслоеніемъ языческихъ преданій на христіанскія личности объясняется изображеніе св. мученика Христофора на древнѣйшихъ иконахъ. Какъ извѣстно, его писали съ песьей головою, по поводу чего св. Дмитрій Ростовскій въ Розыскѣ (II, 24 гл.) говоритъ: «неразсудніи иконописцы обыкоша нелѣпая писати, якоже св. мученика Христофора съ песіею главою, а свв. мученикъ Флора и Лавра съ лошадьми, яже суть не-

*) Ibid. p. 236.
**) См. объ этомъ Wolf'a Beiträge z. D. Myth. II, 414.
***) Woycicki 58.
****) Wolf—Beiträge II, 414.
*****) Ibid. 415.

былица». Древній толковой подлинникъ гр. Строгонова даетъ такое предписаніе о св. Христофорѣ: «глава песія, во бронѣхъ, крестъ въ рукѣ, а въ другой мечъ въ ножнахъ; исподъ празеленъ» *). Не входя въ подробности, замѣтимъ, что «сія нелѣпая неразсудныхъ иконописцевъ» объясняется тѣмъ, что св. Христофору придали черты древняго бога Громовника. Мы видѣли, что индусскій Индра, германскій Вуотанъ имѣютъ вѣщихъ собакъ: на св. Христофора, какъ доказали нѣмецкіе ученые **), народъ на западѣ перенесъ свойства древняго громовника Тора. Вѣроятно, подобный миѳологическій процессъ былъ и у насъ, только съ тою особенностью, что спутница бога, собака, слилась съ этимъ богомъ въ одинъ образъ песьеголовца. По крайней мѣрѣ, другаго объясненія мы не знаемъ.

Подъ вліяніемъ христіанства, воззрѣнія народныя на собаку должны были существенно измѣниться. Прежніе языческіе боги обращаются въ злыхъ духовъ, демоновъ, свѣтлый Одинъ сталъ дикимъ охотникомъ, подземный богъ Плутонъ принялъ характеръ простонароднаго чорта, граціозныя водяныя нимфы стали вѣдьмами. Собака и въ языческомъ періодѣ стояла близко къ загробному міру; понятно, что вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанскихъ идей она должна была получить еще болѣе мрачный характеръ. Въ видѣ пса, обыкновенно чернаго, является нечистая сила на соблазнъ людей; въ такомъ видѣ являлся діаволъ св. Ѳеодосію, какъ повѣствуетъ житіе, и когда святой «восхотѣ ударити его—и се невидимъ бысть». Нельзя не вспомнить при этомъ и о черномъ пуделѣ средневѣковаго Фауста.

Нашъ народъ не высоко ставитъ собаку: собака, по его мнѣнію, животное нечистое и проклятое Богомъ; свою шкуру получила она отъ діавола за измѣну. Господь Богъ, разсказывается въ народѣ, приставилъ собаку голую караулить Ноя праведнаго и не велѣлъ ей никого пускать смотрѣть Ноя праведнаго. Приходитъ діаволъ и говоритъ: пусти меня, собака, Ноя праведнаго посмотрѣть. «Мнѣ Господь не велѣлъ никого пущать». Я тебѣ дамъ шубу на руки и на ноги: придетъ зима—не надо тебѣ избы.—Далъ діаволъ собакѣ шубу и пустила она его въ Рай. Узнавъ это, Господь проклялъ собаку: «чтобъ ты церковный звонъ не слыхала, въ Божій храмъ не ходила» ***)!

Этимъ мы окончимъ очеркъ значенія собаки въ миѳологіи. Мы хотѣли только намѣтить главныя черты, потому что исчерпать всего вопроса нѣтъ возможности въ небольшой статьѣ: этотъ вопросъ го-

---

*) См. Буслаева Историч. Очерки, II, 418.
**) См. Wolf, o. c. I, 98. Zeit. f. D. Mythol., ст. Mannhardt'a, II, 320; III, 118.
***) Аѳанасьевъ, Народн. русск. легенды, стр. 49.

раздо шире, нежели кажется сначала. Не говоря уже о множествѣ народныхъ сказокъ, въ которыхъ собака играетъ не маловажную роль,—сказокъ важныхъ для миѳологіи и древней культуры,—собака получила значеніе въ астрономіи: уже въ незапамятныя времена, подобно многимъ древнимъ божествамъ, помѣщена она на звѣздное небо, въ созвѣздія Большаго и Малаго Пса, которыя занимаютъ на небѣ столь же видное мѣсто, какъ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Труднаго и темнаго вопроса объ этихъ звѣздныхъ псахъ мы вовсе не коснулись въ нашей замѣткѣ, предоставляя себѣ остановиться на немъ впослѣдствіи.

ДРЕВНЯЯ АРХИТЕКТУРА ГРУЗІИ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Д. Чл. Н. П. Кондакова.

Со временъ Дюбуа де Монперё *), впервые открывшаго ученому міру область древнихъ памятниковъ церковной архитектуры Грузіи и Арменіи, общій научный интересъ ея долженъ былъ неизмѣнно возрастать и значеніе постоянно увеличиваться, въ связи съ расширеніемъ археологическихъ свѣдѣній о византійскомъ искусствѣ вообще. Благодаря неутомимой энергіи изслѣдователей и научной предпріимчивости западныхъ правительствъ, наука византійской археологіи владѣетъ уже образцовыми съ художественной и исторической стороны изданіями древнихъ памятниковъ Константинополя, Солуни, Малой Азіи, собственной Греціи, византійскихъ храмовъ Франціи и Италіи и церквей Палестины и Сиріи. Въ обширной области разнообразнѣйшихъ памятниковъ установлена извѣстная система; отдѣльными учеными преслѣдуются научные взгляды, возможна стала и ученая полемика. Въ этой сферѣ пріобрѣли себѣ ученое имя Зальценбергъ, Тэк-

*) Dubois de Montpéreux: Voyage autour du Caucase. VI vol. in 8, 2 vol. d'atlas, 1839.

сье, Дидронъ, Вернейль, Вогюё, Унгеръ, Шульцъ, Квастъ, Фергюссонъ, Гюбшъ. Спрашивается, что же сдѣлала со времени Дюбуа наука археологіи для грузинской архитектуры? Каковы были успѣхи этого отдѣла? На всѣ эти и имъ подобные вопросы мы должны, къ сожалѣнію, отвѣчать отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, списокъ сочиненій и изданій по этому отдѣлу археологіи, послѣ многотомнаго соч. Дюбуа и его атласа, отличается крайнею бѣдностью. Г. академикъ Броссе въ своемъ археологическомъ отчетѣ *) посвятилъ этимъ памятникамъ лишь столько мѣста, сколько требовало того опредѣленіе ихъ датъ по подписямъ, разборъ которыхъ и составляетъ существенное содержаніе сочиненія, почему и требовалось бы скорѣе назвать его путешествіемъ «эпиграфическимъ», а никакъ не археологическимъ. Правда, къ этому сочиненію приложенъ богатый (хотя и скромной внѣшности) атласъ плановъ и архитектурныхъ рисунковъ сорока слишкомъ церквей, изъ которыхъ многія сняты въ первый разъ, но все это только служитъ къ иллюстраціи дневника и не имѣетъ почти ничего соотвѣтствующаго по значенію въ текстѣ. Художественное изданіе г. Гримма, архитектора **), содержа въ себѣ много снимковъ, слишкомъ бѣдно текстомъ, и потому въ результатѣ не предлагаетъ ничего новаго по части научныхъ выводовъ и опредѣленій, сравнительно съ Дюбуа, хотя и представляетъ вообще очень важное и полезное для грузинской археологіи изданіе. Историкъ Грузіи г. Іосселіани въ различныхъ журналахъ и газетахъ составилъ много описаній древнихъ церквей и монастырей Грузіи, но онъ занимался лишь легендарными и общеисторическими данными и, кромѣ краткаго описанія самыхъ построекъ, не даетъ въ своихъ статьяхъ никакихъ собственно археологическихъ свѣдѣній ***).

Въ блестящемъ по внѣшности и истинной художественности снимковъ изданіи князя Гагарина ****) есть нѣсколько превосходныхъ рисунковъ археологическаго содержанія (виды, детали и орнаменты монастыря Виѳаніи близь Тифлиса); но краткій текстъ повторяетъ безжалостно Дюбуа.

Путешествія Муравьева, статьи въ Кавказскомъ календарѣ и дру-

---

*) Voyage archéologique en Transcaucase. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie en 1847—8, 1849—1851. Avec 2 atlas de 45 pl.

**) Monuments d'architecture byzantine en Géorgie et en Arménie. St-P. 1859.

***) Вотъ перечень нѣкоторыхъ статей г. Іосселіани въ этомъ родѣ: «Икортскій монастырь въ Карталиніи», «Путевыя записки отъ Тифлиса до Ахталы», «Алевская святыня», «Шіомгвимская пустыня», «Святыня Мамеба», «Описаніе Марткопскаго монастыря», «Кавтисъ-Хевъ» и «Эрта Цминда», въ Закавказск. Вѣстникѣ и др.

****) Caucase pittoresque, déssiné par Gr. Gagarine. Texte par le comte Stackelberg. 1847, fol.

гихъ повременныхъ изданіяхъ, кромѣ свѣдѣній историческихъ и легендарныхъ, сообщаютъ настолько же мало по археологіи. Извѣстный своими многочисленными путешествіями по Востоку и неутомимою наблюдательностью историка и археолога, Тэксье, посѣтивъ Арменію, издалъ нѣкоторые ея памятники въ своемъ описаніи Арменіи, Персіи и Месопотаміи, а общія соображенія и описаніе собора въ Ани въ отдѣльной статьѣ (Revue de l'Arch. 1842). Авторъ этого описанія не былъ тогда еще и такимъ знатокомъ византійскихъ древностей, какимъ онъ былъ впослѣдствіи, а его рисунки всегда отличались нѣкоторымъ произволомъ. Этими изданіями пользуются, однакоже, и авторы общихъ сочиненій по исторіи искусства и въ частности архитектуры, въ самой постановкѣ вопроса,—и ихъ не руководитъ въ данномъ случаѣ ничто, кромѣ личныхъ соображеній общеэстетическаго и историческаго характера. Лучше и обстоятельнѣе другихъ излагаетъ характеристику грузинской архитектуры Шнаазе, писатель крайне остроумный и точный; наоборотъ, весьма жалкое изложеніе находимъ въ «Исторіи архитектуры» Куглера, удовольствовавшагося указанными соображеніями и все перепутавшаго. И такъ, за тѣмъ же самымъ Дюбуа, и притомъ единственно за нимъ, остается заслуга научнаго разсмотрѣнія грузинскихъ церковныхъ памятниковъ. Между тѣмъ, не входя въ анализъ личныхъ научныхъ силъ этого всесторонняго путешественника, который по изданіи своего сочиненія преподавалъ даже археологію, мы легко можемъ представить себѣ, какъ несовершенна была въ его время наука археологіи именно въ той части своей, которая должна была служить для него основою, — въ исторіи византійскаго искусства. Памятники этого искусства были или неизвѣстны, или неудовлетворительно изданы; слово «византійскій» широко примѣнялось ко всѣмъ средневѣковымъ памятникамъ, кромѣ готическихъ, а самъ Дюбуа открыто смѣшивалъ романское съ византійскимъ и судилъ о византійскомъ искусствѣ по церквамъ Швейцаріи. Ко всему этому прибавимъ, что Дюбуа особенно подробно и тщательно изслѣдовалъ лишь памятники кавказскаго побережья и Мингреліи, съ чего началъ и чему посвятилъ бо̀льшую часть своего времени, а на собственную Грузію, Кахетію и пр. удѣлилъ относительно мало времени, а равно и мѣста въ своихъ сочиненіяхъ.

Отсюда слѣдуетъ a priori, что постановка вопроса о грузинской архитектурѣ далеко не можетъ соотвѣтствовать требованіямъ современной науки, что̀ мы и повѣримъ на дѣлѣ. Одни роскошныя изданія памятниковъ, безъ подробной критической ихъ оцѣнки, еще не создаютъ науки археологіи. Изданіе матеріаловъ дѣло само по себѣ полезное,

но оно должно идти рука объ руку съ разработкой ихъ, иначе эти матеріалы останутся по прежнему сырьемъ *).

Между тѣмъ въ подобномъ застоѣ вопроса есть и своя опасность,— что онъ способствуетъ укорененію неправильныхъ или ненаучныхъ взглядовъ, которые съ особеннымъ усердіемъ поддерживаются диллетантизмомъ; пользуясь отсутствіемъ критики и всякихъ точныхъ свѣдѣній, онъ распложаетъ тогда особенно много суевѣрій. Спросите даже присяжнаго археолога о церквахъ Грузіи: онъ отвѣтитъ вамъ восторженными отзывами о глубокой древности ихъ, помянетъ Юстиніана, начнетъ отъ IV, V вѣка и не захочетъ идти далѣе X. Такая вѣра въ древность памятниковъ, конечно, вызываетъ (въ особыхъ, впрочемъ, случаяхъ) почтительное вниманіе къ нимъ и пытливость любознательнаго туриста; но она стѣсняетъ зачастую попытки критическаго отношенія въ наукѣ молодой, ищущей заинтересовать читателя достоинствами самаго предмета, а не изслѣдованія. Какъ часто именно въ кавказской археологіи приходится сталкиваться съ этимъ желаніемъ возвысить древностію значеніе памятника или, вообще говоря, съ суевѣрнымъ отношеніемъ къ самому предмету! Все это мы считали нужнымъ высказать напередъ, чтобы оправдать появленіе статьи, которая, хотя и задумана, сравнительно, съ скромными и бѣдными средствами, но представляетъ первую попытку обобщить археологическія данныя по столь интересному вопросу. Нашею задачею было не накопленіе новаго матеріала, но систематическій обзоръ извѣстнаго, историческій анализъ отдѣла и его отношеній къ общей исторіи христіанскаго искусства. Основою для этихъ соображеній послужили намъ прежде всего указанныя выше изданія и рисунки художника Норева, а затѣмъ и собственный осмотръ древнихъ церквей Грузіи, исполненный во время поѣздки на Кавказъ лѣтомъ 1873 года. Такъ какъ въ этотъ краткій срокъ намъ удалось осмотрѣть лишь церкви Грузіи, то мы и ограничимъ свое разсужденіе собственно этою областью церковнаго искусства на Кавказѣ, пользуясь другими церквами лишь какъ пособіемъ и примѣрами. Впрочемъ, памятники Грузіи не только составляютъ нѣчто цѣлое сами по себѣ, но и въ существѣ дѣла важнѣе всѣхъ другихъ церковныхъ памятниковъ Кавказа, за немногими исключеніями, какъ напр. Пицунда въ Абхазіи и нѣкоторыя церкви Арменіи. Правда, съ легкой руки Дюбуа **) у насъ

*) На Политехнической выставкѣ въ Москвѣ выставлены (отъ Академіи Художествъ) были архитектурные рисунки и планы грузинскихъ церквей художника Норева, числомъ до 60, сколько помнится. Если эти рисунки принадлежатъ Академіи, то почему бы не поручить кому-либо изъ учениковъ ея текстъ и изданіе?

**) Vol. I, p. 406 слѣд.

довольно прочно установилось мнѣніе о томъ, что архитектура Грузіи вполнѣ зависитъ и прямо происходитъ отъ армянской, а потому легко можетъ показаться, что во главѣ изслѣдованія должно быть поставлено разсмотрѣніе церквей Арменіи. Хотя частности этого вопроса и входятъ въ самый анализъ и потому неумѣстны въ этомъ общемъ предисловіи, но его необходимо коснуться въ главныхъ чертахъ. Вопервыхъ, самъ Дюбуа только пытается доказать это положеніе о происхожденіи грузинской архитектуры отъ армянской и часто отъ него отступаетъ. Такъ рядомъ съ этими разсужденіями онъ указываетъ, что въ Арменіи существовала самостоятельная архитектура, и притомъ древнѣйшая. Но какими жалкими доводами доказываетъ онъ самое положеніе! Что грузинская архитектура копируетъ армянскую, говоритъ онъ, видно изъ того, что 1) въ Арменіи процвѣтала архитектура издревле (стр. 407); 2) въ ней есть церкви X и XI стол.; 3) въ Арменіи находятся прототипы грузинскихъ церквей, напр. церковь Сіона, въ долинѣ Атени, есть точная копія съ армянской ц. св. Рипсимы въ Вагаршабадѣ, и тогда какъ церковь Сіона принадлежитъ X вѣку, церковь Рипсимы должна быть относима къ VI стол. и наконецъ, 4) надпись на церкви Сіона называетъ построителемъ ея армянскаго архитектора Богоса. Если бы даже всѣ эти доводы и были вѣрны, то въ виду того, что въ самой Арменіи этотъ стиль долженъ былъ создаться подъ вліяніемъ постороннимъ, естественнѣе все-таки было бы предположить въ данномъ случаѣ не заимствованіе, но общую выработку основнаго стиля и единовременное развитіе архитектуры въ странахъ родственныхъ и находившихся приблизительно въ одномъ положеніи (хотя горная мѣстность Грузіи гораздо больше способствовала развитію архитектуры, чѣмъ плоскости Арменіи) и подъ одними вліяніями. Но приведенные пункты невѣрны и ничего не доказываютъ, ибо и въ Грузіи процвѣтала издревле архитектура, и тамъ есть церкви X и XI вѣковъ (только ихъ гораздо больше), а указанные армянскіе прототипы или одновременны, или даже позднѣе грузинскихъ, такъ какъ мы вполнѣ надѣемся доказать, что ц. Рипсимы *) не можетъ принадлежать такому раннему времени, какое назначаетъ Дюбуа, если только не предположить, что архитектура Грузіи и Арменіи опередила въ общемъ своемъ развитіи другія страны, тогда какъ, наоборотъ, и тутъ дѣйствовали общіе законы художественнаго движенія. Извѣстный Шнаазе, строгій судья и тонкій аналитикъ, будучи поставленъ между двухъ огней—именно между на-

*) См. планъ и рис. у Дюбуа, série III, pl. VIII.

блюденіями Дюбуа, единственнаго авторитета, и общими знаніями— долженъ былъ прибѣгнуть къ компромиссу, выразивъ *), что въ Грузіи развитіе стиля оказалось яснѣе, чѣмъ на самой родинѣ его—Арменіи. Но общеупотребительный терминъ «грузинская архитектура» рожденъ здравымъ смысломъ, ясно сознававшимъ, что самые памятники архитектуры сосредоточены собственно въ Грузіи, а не въ Арменіи, и потому существуетъ не даромъ.

Затѣмъ считаемъ нужнымъ оговориться, что, имѣя въ виду разсуждать собственно объ архитектурѣ грузинской, какъ объ явленіи въ исторіи искусства, а не о церквахъ Грузіи, мы тѣмъ самымъ устраняемъ все то, что не относится прямо къ этому вопросу, хотя бы и играло особенно важную роль въ исторіи и между древними памятниками этой страны. Въ самомъ дѣлѣ, отдѣлъ такъ называемой грузинской архитектуры, если только этотъ терминъ имѣетъ права на существованіе, какъ готическій, романскій и др., и если онъ разумѣетъ памятники опредѣленнаго типа и стиля, долженъ сосредоточиться только въ извѣстномъ періодѣ ея исторіи, а вовсе не охватывать собою всѣ древнія церкви Грузіи. Между ними могутъ быть постройки чисто византійскія, или чисто западныя и т. п., которыя, конечно, помогутъ объяснить возникновеніе самаго стиля и типа, но въ виду спеціальной цѣли нашего разсужденія было бы вовсе неумѣстно трактовать о всѣхъ этихъ памятникахъ. Поэтому прежде всего мы исключимъ изъ нашего разсужденія ту хаотическую массу **) всѣмъ извѣстныхъ маленькихъ грузинскихъ церквей, построенныхъ и строющихся вновь по одному слѣдующему плану: нефъ крытъ коробовымъ сводомъ; алтарная ниша въ толщѣ стѣны ничѣмъ не выдается наружу; два входа, съ западной и южной стороны; крыша двускатная; стѣны сложены изъ голыша, обильно смазаннаго; грубыя украшенія и рельефные кресты видны надъ дверями и пр. Было бы излишнимъ говорить, что эти церковки, которыя Дюбуа относитъ къ глубокой древности, къ разряду первобытныхъ построекъ, собственно оригинальныхъ памятниковъ Грузіи, и которыя, дѣйствительно, интересны своимъ тождествомъ съ древнѣйшими церквами Крыма, на самомъ дѣлѣ принадлежатъ крайне разнообразнымъ эпохамъ: между ними есть и очень древнія, и выстроенныя лѣтъ за 100 назадъ, и очень недавно.

Если такова современная постановка вопроса объ отношеніи гру-

---

*) Gesch. d. bild. Künste III, p. 334.

**) Англійскій путешественникъ Ляйэлль, vol. II, p. 9, насчитываетъ (?) въ Грузіи до 3000 такихъ церквей.

зинской архитектуры къ армянской, то еще менѣе опредѣленности можно ожидать въ рѣшеніи важнѣйшаго и существеннаго вопроса—объ отношеніи этой архитектуры къ христіанской архитектурѣ вообще, и въ частности къ византійской, къ которой причисляются памятники Грузіи издавна. На этой почвѣ ничего не сдѣлано, и только повторяются общія мѣста о вліяніи Византіи на Грузію и Арменію, о возможности передачи художественныхъ вкусовъ и формъ изъ Персіи и пр.; разбираются скудныя свидѣтельства исторіи, и забываются самые памятники. Благодаря лишь изслѣдованіямъ на чуждой почвѣ, выяснено въ принципѣ первостепенное значеніе нѣкоторыхъ деталей въ устройствѣ грузинскихъ церквей, общихъ съ древнѣйшими христіанскими храмами, какъ напр. иконостасной преграды *). Далѣе, иностранными учеными указано при случаѣ сходство, или родство этихъ церквей съ разными памятниками церковнаго искусства и т. д. Вотъ и все, что положительнаго представляется въ данномъ вопросѣ. Все остальное—поле различныхъ сомнѣній, колебаній или, какъ увидимъ, прямыхъ недоумѣній передъ непонятными и странными явленіями.

Что же сказать затѣмъ о существенномъ элементѣ въ исторіи архитектуры—хронологіи памятниковъ Грузіи и Арменіи? Въ виду описанной постановки дѣла, конечно, и эта сторона не можетъ быть въ удовлетворительномъ научномъ состояніи. Правда, на многихъ грузинскихъ церквахъ есть надписи, гласящія о времени построенія, кажется,—лучшее свидѣтельство, какого можно требовать. Но если припомнить, что самое чтеніе датъ въ грузинскихъ надписяхъ часто бываетъ проблематично, и еще болѣе шатко опредѣленіе времени по указаннымъ въ надписи лицамъ, которыя построили или перестроили (что̀ бываетъ чаще) церковь,—и эти лица, сравнительно, рѣдко извѣстны въ исторіи,—то, какъ ни хорошо это средство, нельзя не пожелать ему опоры въ художественной характеристикѣ памятниковъ, какъ дѣлаетъ наука археологіи на западѣ. Анализъ этихъ надписей сдѣланъ, какъ извѣстно, г. Броссе съ большимъ тщаніемъ и при помощи замѣчательной эрудиціи; но въ сомнительныхъ случаяхъ, которыхъ много, не поможетъ никакая эрудиція. За то, при отсутствіи датъ въ надписяхъ, хронологія грузинскихъ церквей предоставлена произволу случайныхъ заключеній и по большей части руководится указаніями мѣстныхъ преданій, наименѣе, конечно, рѣшительныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, позволяя себѣ небольшое отступленіе, разсмотримъ на примѣрахъ нѣсколько случаевъ опредѣленія даты.

---

*) Филимоновъ. О первоначальной формѣ иконостасовъ.

Древнѣйшимъ христіанскимъ памятникомъ всего Кавказа считаютъ, какъ извѣстно, знаменитый храмъ Абхазіи—Бидшвинту или Пицунду (по греч.) *), нынѣ реставрированный, предпочтительно передъ всѣми, въ силу своей древности: едва ли не всѣ относятъ этотъ храмъ ко времени Юстиніана, или даже точнѣе—къ 550 г. Этотъ храмъ, такимъ образомъ, считается образцомъ или прототипомъ грузинской архитектуры, а сама Абхазія является, въ силу этого мнѣнія, родиною грузино-византійскаго стиля, откуда онъ былъ перенесенъ уже въ Грузію. Но, независимо отъ самой архитектуры храма, дѣйствительно, великолѣпной, не стиль ея послужилъ основаніемъ для опредѣленія, а историческія свидѣтельства. Прокопій говоритъ, что Юстиніанъ построилъ для Абазговъ храмъ во имя Божіей Матери и поставилъ въ немъ священниковъ. Но откуда же мы знаемъ, что Пицундскій храмъ посвященъ Божіей Матери? Въ хорѣ его (т. е. въ сводѣ алтарной ниши или абсидѣ) изображено Вознесеніе Спасителя **), а не Богородица, какъ напр. въ главной Гелатской церкви. Далѣе извѣстно, что, по мѣстному преданію ***) Абхазцевъ, эта церковь была посвящена апостолу Андрею. На средневѣковыхъ картахъ мѣсто Пицунды обозначается словами capo di giro (священный мысъ) и S. Sofia. Не это ли и настоящее имя церкви Пицундской? Дюбуа, встрѣтивъ только одну позднѣйшую надпись ****), притомъ относящуюся къ одной капеллѣ храма *****), нашелъ нужнымъ усомниться въ происхожденіи этой церкви отъ Юстиніана, хотя въ другомъ мѣстѣ ******) и утверждаетъ это мнѣніе безъ дальнихъ околичностей. Наконецъ Прокопій въ своемъ сочиненіи о постройкахъ Юстиніановыхъ вовсе не упоминаетъ Пицундскаго храма. И такъ, мы не имѣемъ никакого историческаго свидѣтельства о построеніи этой церкви Юстиніаномъ, хотя, конечно, и не имѣемъ ни одного, которое бы говорило противъ этого. Что же говоритъ намъ самый памятникъ, его архитектурный стиль? Прежде всего и вполнѣ положительно—то, что храмъ не принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, къ постройкамъ Юстиніана и не можетъ принадлежать. Такъ Дюбуа указываетъ, какъ доказательство перваго мнѣнія, въ кладкѣ стѣнъ этого храма византійскую манеру смѣшенія матеріаловъ:

---

*) Это двойное наименованіе ввело въ заблужденіе Фергюссона, который въ своемъ сочиненіи по исторіи архитектуры сдѣлалъ изъ него два храма, см. его руков. объ арх. II, 337 и 339.

**) Dub. I, p. 226.

***) Dubois, I, p. 239.

****) Ib. p. 228.

*****) Brosset, Histoire de la Géorgie I, p. 213, прим. 4; Rapports, VIII, 128 слѣд.

******) Ib. p. 405.

камня и кирпича, при чемъ кубы камня чередуются лентами съ кирпичемъ *). Но эта черта принадлежитъ спеціально византійскимъ церквамъ XI и XII стол., какъ напр. храму Богородицы въ Константинополѣ и тамошней же церкви св. Ирины **) и церкви μόνη τῆς χώρας, (заново перестроена въ XI, реставрирована въ XIV стол., нынѣ мечеть), въ Аѳинахъ—церкви Никодима и нѣкоторымъ церквамъ солунскимъ. Мы укажемъ затѣмъ одну изъ наименѣе извѣстныхъ грузинскихъ церквей, о которой скажемъ впослѣдствіи, построенную изъ кирпича и камня и нынѣ находящуюся почти въ развалинахъ,—Тимотисманъ (или св. Тимоѳея), въ 20 в. отъ Боржома, близь с. Задчеръ. По крайне типическимъ формамъ своей архитектуры, и эта церковь никакъ не можетъ быть ранѣе XII вѣка. Далѣе, авторитеты первой величины, какъ Фергюссонъ и за нимъ Шнаазе ***), отмѣтили въ Пицундѣ особенную форму купола, котораго подвышенный барабанъ указываетъ на поздне-византійскую архитектуру. Сомнѣнія возбуждаетъ самый планъ церкви, который до такой степени тождественъ со всѣми грузинскими церквами послѣдующаго времени, что выработку его придется отнести также къ гораздо позднѣйшей эпохѣ. Ибо въ храмѣ VI стол. и планъ, конечно, долженъ имѣть характеръ этой эпохи, чего ужъ никакъ нельзя сказать о планѣ Пицундскомъ. Шнаазе****), наконецъ, указываетъ на странную и небывалую въ чисто византійской архитектурѣ луковицеобразную форму четырехъ арокъ, поддерживающихъ куполъ Пицундскаго храма. Эта форма принадлежитъ, какъ извѣстно, магометанской архитектурѣ, но мы можемъ указать ее и въ памятникахъ грузинскихъ, напр. въ Метехской церкви въ Тифлисѣ *****), которая, какъ можно легко доказать, никакъ не ранѣе XIII стол. ******). По всему этому мы не затрудняемся выразить свое окончательное убѣжденіе, что, при отсутствіи документальныхъ свидѣтельствъ, мы должны принимать свидѣтельства самаго стиля, а стиль Пицунды не ранѣе X стол. Что касается до самой церкви Юстиніана, нынѣ исчезнувшей, то стоило бы разсмотрѣть, не ея ли немногіе остатки сохраняются въ престолѣ Пицундскаго храма, сложенномъ изъ разныхъ фрагментовъ колоннъ, капителей, орнаментовъ, совершенно сход-

---

*) Ib. p. 224.

**) По поводу которой Унгеръ, Griech. Kunst, въ Encycl. Ersch u. Gruber, 84 Th. p. 406, эту черту относитъ къ XI и XII в.

***) Schnaase, III, p. 326. Fergusson, History of architecture, II, p. 338,

****) Ib. p. 326.

*****) Атласъ Броссе, таб. 25.

******) Дюбуа, должно быть, плохо ее разсмотрѣлъ, потому что утверждаетъ, что она не имѣетъ украшеній, ib. p. 410, но относитъ куполъ ея къ эпохѣ послѣ XI стол.

ныхъ съ деталями херсонскихъ церквей *). Древнѣе Пицундскаго храма развалины церкви въ Наколакеви, судя по одной алтарной абсидѣ, четыремъ окнамъ въ барабанѣ купола и другимъ примѣтамъ; но и она врядъ ли относится къ VI вѣку, какъ полагаетъ Дюбуа на томъ только основаніи, что, по извѣстію Прокопія, Юстиніанъ возобновилъ древнѣйшую изъ церквей въ странѣ Лазовъ, въ которой находился городъ Наколакеви (Археополисъ). Но, вообще говоря, Дюбуа самъ видимо избѣгаетъ точныхъ хронологическихъ опредѣленій въ частныхъ случаяхъ, а руководится указанными общими соображеніями, причемъ, очевидно, съ большею охотою выдаетъ памятникамъ Грузіи патентъ на глубокую древность.

Перейдемъ теперь къ способу, основанному на чтеніи надписей,— главнѣйшему и несомнѣнно лучшему, но которымъ нужно пользоваться также съ осторожностью, какъ можно видѣть изъ многихъ примѣровъ, и который, во всякомъ случаѣ, не долженъ быть единственнымъ. Соборъ въ древней армянской столицѣ Ани имѣетъ надпись, въ которой указано, что постройка его окончена въ 1010 году. Между тѣмъ архитектурный стиль этого храма и въ деталяхъ, спеціально грузинскихъ и, главнымъ образомъ, по положительному сходству разныхъ архитектурныхъ и орнаментальныхъ формъ съ средневѣковыми постройками запада въ XIII и XIV вѣкахъ, указываетъ на время болѣе позднее. Гдѣ истина? Слѣдуетъ ли предпочесть свидѣтельство надписи и тѣмъ признать возможность болѣе ранняго появленія извѣстныхъ художественныхъ формъ въ Грузіи и Арменіи, чѣмъ на западѣ? Или же, имѣя въ виду, что эти формы уже потому самому должны были явиться ранѣе на западѣ, что они сложились тамъ въ извѣстной художественной средѣ, мы должны отрицать очевидность надписи, признавъ строго правильное историческое движеніе искусства, подчиненное неизмѣнному закону?—Объ этихъ формахъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ; но, не нарушая порядка изложенія, можемъ въ данномъ случаѣ замѣтить, что вопросъ, какъ онъ поставленъ въ настоящее время, научнымъ образомъ можетъ быть разрѣшенъ только въ смыслѣ втораго предположенія. Пусть притомъ послужитъ подкрѣпленіемъ этому мнѣнію одно знаменательное мѣсто въ «Исторіи пластическихъ искусствъ» Шнаазе **): этотъ авторъ, ища исхода въ столкновеніи противурѣчивыхъ свидѣтельствъ по вопросу объ Ани, приходитъ къ заключенію, что надпись могла быть перенесена при реставраціи съ древней церкви на новыя стѣны, въ силу привычки со-

*) Dubois, ib. p. 229. Другіе остатки должны быть въ церкви Хопи.
**) III, p. 338, прим. 1.

вмѣщать какъ можно болѣе надписей на стѣнахъ, что̀ вообще, говоритъ онъ, замѣчается въ Грузіи и Арменіи. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи скульптуръ, мозаикъ, фресковыхъ и поливныхъ украшеній и пр., чѣмъ отличаются церкви другихъ стилей, грузинская архитектура видимо дорожитъ надписью, какъ орнаментомъ. Между тѣмъ всякій, имѣвшій случай разсматривать кладку стѣнъ грузинскихъ церквей, могъ легко замѣтить, что эта мнимая кладка въ сущности есть только облицовка тонкими каменными плитами грубаго зерна. Эта облицовка разрушается крайне скоро подъ вліяніемъ температуры, и нѣтъ теперь въ Грузіи ни одного храма (развѣ кромѣ Мцхета), котораго ободранныя во многихъ мѣстахъ стѣны не показывали бы ясно этого устройства. Еще болѣе, конечно, должна была страдать эта облицовка отъ дѣйствія огня, что напр. особенно замѣтно на Кутаисскомъ соборѣ. Поэтому естественно думать, что реставрація касалась именно этой части зданія. Согласно съ этимъ, мы позволимъ себѣ въ своемъ мѣстѣ различить декоративную облицовку разныхъ эпохъ въ церквахъ, а теперь считаемъ нужнымъ лишь оговориться, что мы, несмотря на все вышесказанное, вовсе не думаемъ однакоже, чтобы когда либо стало возможнымъ отличить надпись первоначальную и заложенную впослѣдствіи. Какъ ни подозрительна неправильная, разорванная форма иныхъ надписей (напр. на томъ же Кутаисскомъ соборѣ), но мы никогда не должны пользоваться такимъ аргументомъ, который, во всякомъ случаѣ, слишкомъ субъективенъ и напоминаетъ собою тотъ первобытный археологическій пріемъ, когда о времени происхожденія древняго памятника судятъ по степени его разрушенія и изношенности. Научное убѣжденіе, строго-научный выводъ не будетъ никогда достояніемъ подобныхъ способовъ опредѣленія, и не на этой почвѣ долженъ быть веденъ споръ.

Разсмотримъ этотъ способъ опредѣленія хронологіи памятниковъ Грузіи по надписямъ въ его собственной сферѣ, пользуясь для этого главнымъ сочиненіемъ по грузинской эпиграфикѣ—указаннымъ отчетомъ г. академика Броссе. Насколько эпиграфика принесла вообще пользы для археологіи въ этомъ вопросѣ, и притомъ, до какой степени ея приговоры могутъ и должны считаться окончательными,—вотъ что̀ предстоитъ намъ разобрать въ данномъ случаѣ. Понятно, что мы можемъ разсматривать различные примѣры лишь съ общей точки зрѣнія,—отсылая затѣмъ къ дальнѣйшей части разсужденія, какъ скоро дѣло коснется частностей,—и притомъ не можемъ коснуться всѣхъ случаевъ или примѣровъ.

Надписи, какъ извѣстно находятся по большей части, если не исключительно, на церквахъ сравнительно бо̀льшаго размѣра, и вообще

на отличающихся извѣстными художественными достоинствами памятникахъ церковной архитектуры (каковы напр. капеллы при большихъ храмахъ). Такихъ памятниковъ въ предѣлахъ Грузинскаго царства насчитывается болѣе шестидесяти, изъ которыхъ главнѣйшіе мы здѣсь перечтемъ, съ общимъ указаніемъ мѣста ихъ нахожденія, какъ пособіе для будущаго. Въ Абхазіи: Пицунда или Бидшвинта, Мокви, Дранда, Лехне или Соукъ-Су, Бедія и др. Въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи: Кутаисскій соборъ, Гелатскій монастырь (нѣсколько церквей), Моцамети, Мартвили, Хони, Зугдиди, Чамокмоди, Никорцминда, Катцхъ, Наколакеви, Хопи и др. Въ собственной Грузіи: въ окрестностяхъ города Гори: Руиси, Урбниси, Атени, Эрта-Цминда, Икорта, Самтависи;—Тифлиса: Мцхетскій соборъ, ц. Св. Креста или Джвари Патіозани, Самтавринскій монастырь, Метехи (въ самомъ Тифлисѣ), Манглиси, Алаверды, Шіо-Мгвиме, Бѣлый ключъ, Виѳанія, Шуа-Мта;—Ахалциха: Ацхуръ, Кумурдо, Зеда-Тмогви, Вардзіе, съ нѣсколькими пещерными церквами, Тимотисманъ, Сафарскій монастырь съ 3 церквами, Зарзмасъ, Тсунда, Карзаметъ, далѣе—монастырь Кабенъ, ц. въ Ахтала и пр. На западномъ Кавказѣ г. Каменевъ *) указываетъ византійскія церкви на р. Кяфарѣ, Зеленчукѣ, Тебердѣ, Бѣлой и др. Въ Осетіи: Ананyръ, Степанъ-Цминда у Казбека, и др. Многія ли церкви изъ этого числа представляютъ надписи съ точными и ясными датами,—разумѣя подъ датою не числа только, но и извѣстное исторически или документально имя основателя? Не болѣе пятнадцати,—по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Кутаисъ, Катцхъ, Руиси, Атени, Хони, Джвари или Креста, близъ Мцхета, Манглиси, Никорцминда, Кумурдо, Зеда-Тмогви, Гелати и др. Многія изъ церквей особенно выдающихся, соборовъ и святынь монастырскихъ имѣютъ опредѣленную дату, занесенную у историковъ, географовъ Грузіи, какъ напр. Мокви, Бедія, Вардзіе, Урбниси, Руиси и др. Другія, не имѣя надписей, опредѣляются историческимъ содержаніемъ своихъ фресокъ, представляющихъ царей основателей; таковы церкви Гелатскія, Сафара, Вардзіе, Виѳаніи,—но ихъ немного. Всѣ остальныя предоставлены произволу мѣстныхъ преданій, въ которыхъ, конечно, чаще всего встрѣчаются имена царей: Давида Возобновителя, Багратовъ и пр., вслѣдствіе чего множество церквей безъ дальнихъ разсужденій относятъ къ XI вѣку. Но и тамъ, гдѣ надпись есть, дата, въ ней заключающаяся, нерѣдко представляетъ по своему выраженію въ цифрахъ и счетѣ много затрудненій, а слѣдовательно, и возможность ошибокъ, которыя провѣ-

*) Кубанск. Вѣд. 1869 г., № 36, 37.

рять можетъ только археологія. Укажемъ нѣсколько примѣровъ, играющихъ особенно важную роль въ исторіи архитектуры Грузіи.

Въ церкви Самтависи надпись въ углу монастырской ограды называетъ нѣкоего епископа, который вновь построилъ эту святую церковь, при чемъ дата читается г. Броссе за 1050 годъ *), и возобновитель этотъ отнесенъ ко временамъ Баграта IV. Но если самъ же г. Броссе находитъ, что, по смыслу другихъ надписей, возобновленіе совершилось въ XVII стол., то мы прибавимъ, что надпись, вдѣланная (очевидно, впослѣдствіи) въ углу ограды, какъ бы ни читалась ея дата, еще не рѣшаетъ вопроса. А этотъ вопросъ имѣетъ достаточную важность, ибо стиль церкви никакъ не ладитъ съ эпохой XI стол., тѣмъ болѣе, когда къ этому вѣку относится лишь возобновленіе церкви. Церковь Икорты г. Броссе, при неясной датѣ, на основаніи надписи, упоминающей Эристава Ксана, относитъ къ XII стол., говоря: «что касается даты, то, судя по красотѣ зданія и древности, хотя не доказанной, фамиліи Эриставовъ Ксана, я склоняюсь къ мысли, что это годъ 1172, а не 1704.» Между тѣмъ въ рукописи, изданной авторомъ, о происхожденіи Эриставовъ Ксана (см. Brosset, Additions à l' histoire de la Géorgie, p. 380), прямо замѣчено, что при Эриставѣ Іоаннѣ (въ концѣ XIV стол.) «большая церковь Архангела Михаила въ Икортѣ, пришедши въ ветхость, была возобновляема». Не естественнѣе ли думать поэтому, что дата надписи относится ко времени окончательной реставраціи и не къ XII вѣку. А если притомъ и самый архитектурный стиль церкви указываетъ на XIV и XV вѣкъ?—Церковь Мартвили г. Броссе относитъ къ 996 г., но самъ же указываетъ и на сомнительность данныхъ для окончательнаго рѣшенія. Еще болѣе сомнѣнія возбуждаютъ даты надписей на церквахъ Арменіи по указанной уже причинѣ. Не естественна ли также мысль, что когда надпись на церкви напоминаетъ о Багратѣ, прося ему молитвъ и милости отъ Бога, то весьма возможно, что надпись составлена, на основаніи преданія, во время гораздо позднѣйшее и вдѣлана, напр. надъ вратами, при реставраціи церкви, для прославленія ея легендарнаго основателя?

Въ виду всего вышесказаннаго, становится яснымъ, что данныя эпиграфическія не рѣшаютъ по существу вопроса о хронологіи грузинскихъ церквей, хотя и даютъ важную помощь. Рѣшителемъ вопроса, безъ сомнѣнія, явится со временемъ сама археологія, вооруженная выводами и наблюденіями, почерпнутыми изъ сравнительной исторіи христіанскаго искусства. До тѣхъ поръ, въ интересахъ общихъ для

*) Rapport, VI, 2 и 122—3.

исторіи христіанской архитектуры и частію для грузино-армянской, умѣстно будетъ и всякое общее разсмотрѣніе этой послѣдней въ ея явленіяхъ и въ соотношеніи съ общимъ развитіемъ архитектуры.

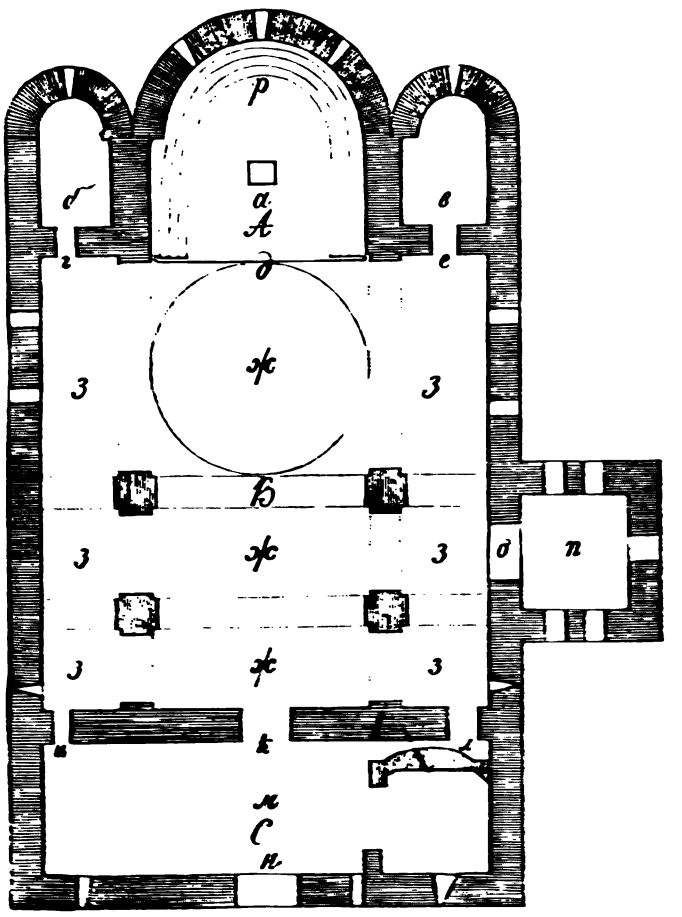
I.

Художественно-историческій анализъ архитектурнаго явленія имѣетъ первою и главною задачею показать то внутреннее его значеніе, которымъ обусловливается самый планъ зданія. А это значеніе для христіанскаго храма вообще опредѣляется цѣлями богослужебными по преимуществу, а для церквей греческой или византійской ими исключительно. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно разсмотрѣть описаніе древне-греческой церкви по Льву Аллацію, помѣщенное въ его сочиненіяхъ, и затѣмъ сравнить его съ планомъ древне-христіанской церкви вообще, въ ея богослужебномъ составѣ, по Беверингу и Гоару *): въ обоихъ случаяхъ оказывается почти полное сходство, ибо послѣдніе составители пользовались для возстановленія плана древне-христіанской церкви расположеніемъ церкви греческой. Грузинская архитектура также усвоила себѣ греческій планъ, и такимъ образомъ примыкаетъ къ древне-христіанской. Нѣтъ нужды, что иныя части зданія, обусловленныя въ древне-христіанской архитектурѣ извѣстнымъ временнымъ назначеніемъ, здѣсь утратили этотъ прямой смыслъ и играютъ роль символическихъ деталей. Строгая традиція была въ данномъ случаѣ необходима, чтобы сохранить идеальное значеніе, идею плана, взамѣнъ которой церкви западныя пріобрѣли художественное разнообразіе. Ибо во всякомъ случаѣ должно признать, что строгое сохраненіе богослужебнаго плана всегда значительно стѣсняло церкви византійскія, при чемъ, понятно, стѣсненіе это не имѣло мѣста въ первомъ періодѣ византійской архитектуры, когда каноническій планъ церкви не сдѣлался еще неподвижною схемою.

Такъ какъ этотъ богослужебный планъ, какъ явствуетъ изъ предъидущаго, тѣсно связанъ съ архитектурнымъ, то и разсмотрѣть его надлежитъ не въ отвлеченной формѣ, какъ дѣлаетъ Аллацій, Беверингъ и пр. для древне христіанскихъ церквей, но въ реальной формѣ какого либо церковнаго зданія. Избираемъ для этого планъ Пицундскаго храма.

---

*) Θεοδορίτα Πηδάλιον, 1800, съ планомъ; также: Binghami Jos. Origines sive antiquitates ecclesiasticae, lib. VIII, De antiquis ecclesiis. Leonis Allatii, De templis graecorum recentioribus, tab. I. Goar, Euchologion.

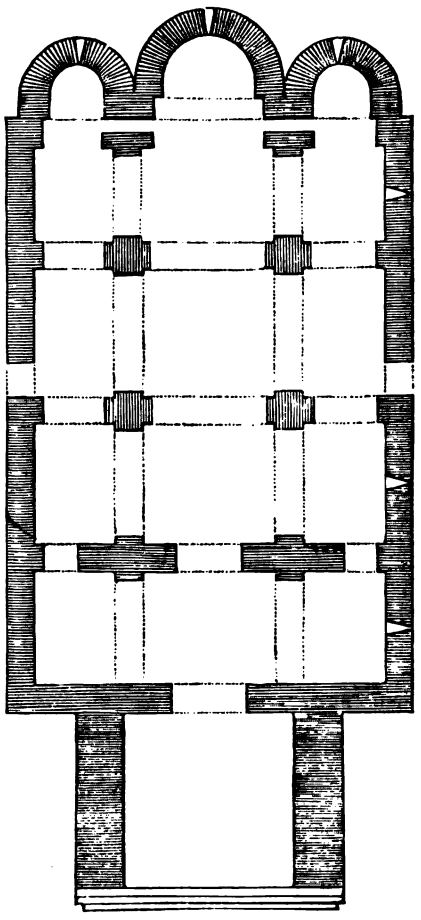


I.

Рисунокъ представляетъ планъ четыреугольнаго зданія, въ которомъ архитектурное устройство ясно дѣлитъ цѣлое на три части: *А*—алтарь, *В*—корабль или нефъ храма, *С*—притворъ или нартэксъ его. Эти три части, естественно, символизуютъ святую Троицу, идея которой воспроизводится затѣмъ въ трехъ алтарныхъ нишахъ, трехъ нефахъ, трехъ дверяхъ нартекса и пр. А эта символизація сама собою указываетъ намъ на преобладаніе идеальнаго или духовнаго начала въ грузинской архитектурѣ, которая унаслѣдовала его отъ Византіи. Въ самомъ дѣлѣ, нартэксъ грузинскихъ церквей имѣетъ только этотъ символическій смыслъ и не оправдывается ни архитектурными, ни обрядовыми причинами, тогда какъ извѣстно, что въ древне-христіанскихъ церквахъ нартэксъ игралъ весьма важную роль въ размѣщеніи непосвященныхъ, кающихся и пр. Греческія церкви, сохранивъ эту часть по преданію, также стремились дать ей какое либо назначеніе; такъ напр., въ городскихъ церквахъ здѣсь иногда помѣщались женщины, въ монастыряхъ—непосвященные еще монахи; здѣсь же помѣщалось тѣло покойника во время службы, совершались литіи и пр., что впослѣдствіи отнесено просто въ переднюю часть церкви.

Въ грузинскихъ же церквахъ нартэксъ утратилъ окончательно свое значеніе, такъ какъ не оказалось въ немъ надобности и въ этихъ немногихъ случаяхъ. Вотъ почему лишь древнѣйшія церкви сохраняютъ эту часть; позднія же довольствуются (что видно изъ придѣлыванья портиковъ къ древнимъ церквамъ) однимъ портикомъ, замѣняющимъ въ

Грузіи нашу «паперть», древнее embolon,—часть, нерѣдко входящую въ общій планъ церкви, но часто составляющую также особую пристройку къ ней. Изъ древнихъ церквей Абхазіи храмъ въ Лехне или Соукъ-Су имѣетъ нартэксъ въ первоначальной формѣ, ясно отдѣленный отъ нефа двумя стѣнами въ видѣ столбовъ или устоевъ; а къ зданію, кромѣ того, присоединенъ четыреугольный притворъ или паперть.



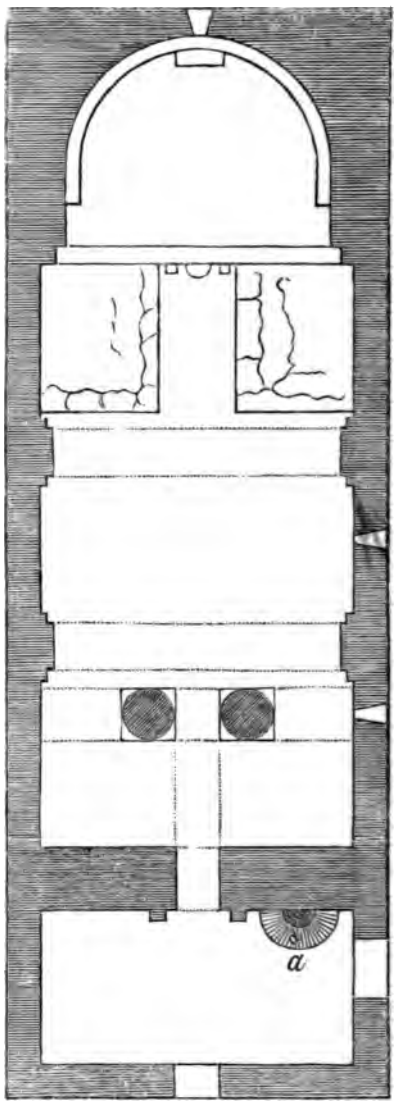
II.

Такимъ образомъ въ этой церкви повторенъ тотъ древнѣйшій планъ христіанскаго храма, который имѣлъ собственно два нартэкса: внѣшній—это паперть, портикъ, иногда открытый съ одной стороны, чаще прислоненный къ зданію, и внутренній нартэксъ, сливавшійся съ зданіемъ. Левъ Аллацій называетъ ихъ exo—и eso-narthex *). Понятно, что этотъ внутренній нартэксъ потерялъ совершенно значеніе «притвора», ибо дверей не имѣетъ, а только три отверстія или хода, изъ которыхъ средній шире и соотвѣтствуетъ «краснымъ вратамъ» или «царскимъ»,—ὡραία πύλη. Чаще же нартэксъ имѣетъ только одну дверь. Лишь въ позднѣйшую эпоху портикъ расширялся во все протяженіе фаса, образуя какъ бы внѣшній портикъ **). Собственно храмъ,—корабль, ναός,—имѣетъ три нефа, но достаточно бросить взглядъ на два, на три плана грузинскихъ церквей, чтобы видѣть, что это дѣленіе, завися, между прочимъ, отъ архитектурнаго устройства, не имѣло никакого значенія внутренняго, ибо помѣщавшійся въ боковыхъ нефахъ гинекей или мѣсто для женщинъ перенесенъ былъ на хоры, со времени св. Софіи Константинопольской, а затѣмъ и вовсе уничтожился. Затѣмъ мѣста для царей и высшаго духовенства,—конечно, тамъ, гдѣ эти лица бывали или присутствовали при служеніи,—находились традиціонно передъ алтаремъ, справа и т. д.,—что̀ уже

*) Подобнаго же рода внутренній притворъ или нартэксъ въ планѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, что въ Кіевѣ. Фундуклея Описаніе, рис. къ стр. 52; равно и въ Кіевопечерской Лаврѣ.

**) Въ церкви св. Гаяны въ Эчміадзинѣ. Атласъ Броссе таб. 19.

не имѣетъ и особой важности въ нашемъ вопросѣ *). Всѣхъ другихъ богослужебныхъ деталей корабля грузинская церковь не сохранила, равно и главной между ними—амвона, отдѣльнаго пространства, назначавшагося въ древней церкви для діаконовъ, пѣвцовъ и чтецовъ, и обыкновенно огороженнаго, какъ видно въ церкви св. Климента въ Римѣ, и вмѣсто амвона употребляя подвижный налой, самое значеніе амвона перенесла на общее возвышеніе пола алтаря, образующее посрединѣ полукруглый выступъ. Это возвышеніе вполнѣ правильно называть солеею, хотя этимъ именемъ въ древней церкви и называли мѣсто меньшаго пространства между амвономъ и алтаремъ, такъ какъ солея имѣла именно это назначеніе. Нашихъ «клиросовъ» грузинскіе храмы обыкновенно не имѣли, и мы только разъ встрѣтили обычную для нихъ баллюстраду, однако неразрывно соединенную съ иконостасною преградою, въ одной изъ церквей Сафарскаго монастыря (рис. III), украшенную барельефами, о чемъ и должны будемъ сказать особо.



III.

Переходя затѣмъ къ алтарной части, мы можемъ, не распространяясь, замѣтить, что эта часть сохранила древнѣйшую форму иконостасовъ въ видѣ низкой баллюстрады, преграждающей лишь входъ, но не закрывающей алтарь.

Эту любопытную для археологіи сторону грузинской архитектуры подробно выясняетъ извѣстное изслѣдованіе г. Филимонова объ иконостасахъ.

Алтарь грузинской церкви, безъ исключенія, имѣетъ всегда три абсиды или алтарныя ниши, и это дѣленіе болѣе, чѣмъ все другое, указываетъ на крайнюю приверженность къ древнимъ формамъ.

*) Любопытно, однако, что грузинскія церкви предлагаютъ особенно часто эту деталь, а именно, если въ большихъ церквахъ всегда есть хоры, то иногда и маленькія церковки имѣютъ родъ палатей въ передней части. Очевидно, что традиція въ данномъ случаѣ дополнялась и свѣжими вліяніями близкаго Востока.

Ибо три абсиды нельзя объяснить себѣ ничѣмъ инымъ, какъ храненіемъ преданія и привязанностью къ формамъ символическимъ, взамѣнъ художественныхъ, какое бы мы ни предполагали развитіе богослужебной помпы встарину въ Грузіи и многолюдство городовъ, на мѣстѣ которыхъ нынѣ раскинуты деревни. Первоначальный планъ имѣлъ одну абсиду, но затѣмъ понадобилось отдѣлить особое помѣщеніе для жертвенника,—стола приношенія, prothesis,—и древнюю церковь съ двумя нишами мы видимъ между греческими островными *) церквами. Третья абсида, явившаяся въ силу потребностей симметріи (b на нашемъ планѣ), получила значеніе кладовой, малой ризницы, гдѣ хранились предметы, долженствовавшіе быть подъ рукою во время службы, а потомъ и просто ризницы. Въ греческихъ церквахъ эта часть носила названіе діаконикона, которое встрѣчаются въ литургіяхъ, приписываемыхъ Іакову, Марку и Хризостому, и имѣла, по всей вѣроятности, значеніе простаго помѣщенія для діаконовъ, отдѣльно отъ пресвитеровъ сидѣвшихъ въ bema, т. е. собственномъ алтарѣ, гдѣ стоитъ престолъ **). На это обстоятельство указываетъ и названіе τὸ παραχάλυμμα, употреблявшееся вмѣсто діаконикона, какъ мѣсто, отдѣленное завѣсою. Напротивъ того, настоящая ризница,—σκευοφυλάκιον, κειμηλιαρχεῖον, γαζοφυλάκιον,—помѣщалась или на переднемъ дворѣ или даже въ pronaos'ѣ. А это значеніе кладовой рано повело за собою полное отдѣленіе обѣихъ боковыхъ нишъ отъ средней, при чемъ въ позднѣйшихъ церквахъ Грузіи эти ниши утратили даже арки, которыми онѣ открывались внутрь церкви, и представляли снаружи замурованную стѣну съ дверью, ведшею внутрь образовавшейся такимъ образомъ комнаты. Между тѣмъ арка средней ниши оставалась открытою и, вмѣстѣ съ среднимъ нефомъ, болѣе и болѣе расширялась и выигрывала въ общемъ впечатлѣніи. Примѣръ подобнаго устройства мы не предлагаемъ здѣсь въ особомъ рисункѣ, потому что оно встрѣчается очень часто въ изданныхъ планахъ.

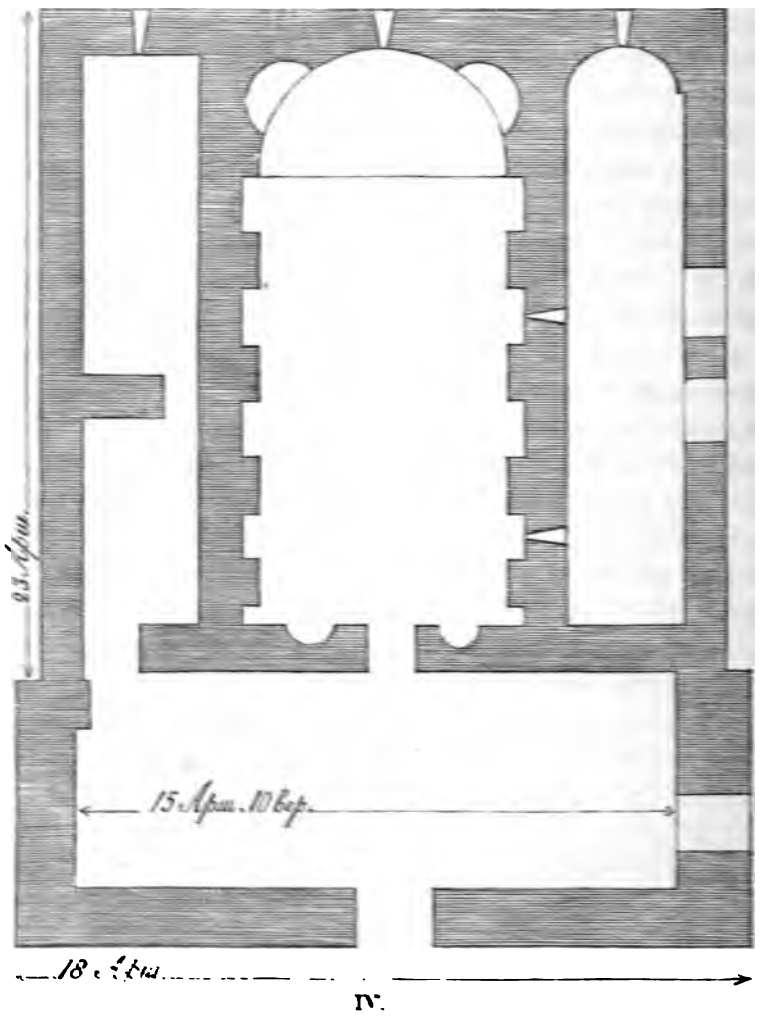
Особою характеристическою чертою древняго плана грузинскихъ церквей или, вѣрнѣе, ихъ чистаго византинизма служитъ отсутствіе колоколенъ, которыя, какъ извѣстно, представляютъ довольно позднее изобрѣтеніе запада; въ Грузіи онѣ являются очень поздно, и суть заимствованіе отъ церквей армянскихъ. Что касается до баптистерія или крещальни, то это спеціальное древне-христіанское церковное зданіе вовсе не имѣло мѣста въ Грузіи; вмѣсто него могли пользоваться нартэксомъ, какъ догадывается о греческихъ церквахъ Гоаръ, руководясь, впрочемъ, извѣстнымъ западнымъ обычаемъ помѣщать особую

*) Förster Barezeitung за 1850 годъ, листъ 371, рис. 7.

**) У Binghami, l. c., разсужденіе Дюканжа и критика вопроса, vol. III, p. 250, прим. X.

чашу съ водою—fons, piscina, κολυμβήθρα—въ притворѣ. На рис. III нартэксъ во имя Іоанна Крестителя, весь расписанный фресками изъ его жизни, имѣетъ подобную купель (a),—φιάλη. λουτήρ.—въ нишѣ или экседрѣ, и именно на правой сторонѣ, какъ слѣдовало по обычаю. Простоту плана, наконецъ, нарушали придѣлы и боковые притворы только въ церквахъ позднѣйшаго происхожденія, начиная съ XV стол. Придѣлы эти иногда образовывались изъ отдѣленной боковой абсиды или замурованнаго портика, и всегда характеромъ своихъ украшеній выдаютъ позднее время. Боковые притворы въ видѣ открытыхъ длинныхъ портиковъ или закрытыхъ галлерей встрѣчаются въ церквахъ Арменіи *) и Грузіи, какова напр. приводимая здѣсь въ планѣ церковь въ извѣстныхъ гротахъ Уплисъ-Цихе.

Эти ходы и галлереи кругомъ церкви особенно напоминаютъ намъ подобное же устройство открытыхъ ходовъ на аркадахъ въ церквахъ временъ Алексѣя Михайловича и Петра, разсыпанныхъ въ предѣлахъ Москвы. И тутъ, и тамъ въ Грузіи подобное явленіе было, конечно, не болѣе какъ модою, не имѣвшею особаго значенія.



IV.

*) Grimm, l. c., livr. 5. Уэуляръ. Атласъ Бросс. т. 3. Шуа—Мта.

Но и въ предѣлахъ даннаго плана характеристика грузинскаго храма должна, несомнѣнно, основаться главнымъ образомъ на архитектурномъ расчлененіи его пространства, иначе—на собственно архитектурномъ планѣ. Отъ него зависитъ даже символизація извѣстныхъ частей храма. Въ указанномъ планѣ напр. только куполъ, помѣщенный въ срединѣ, даетъ основную, символическую форму креста (виз. σταυρωτά); а куполъ также служитъ основою архитектурнаго устройства храма. Этотъ крестъ равноконечный, греческій,—разумѣется, если принимать за крестъ тотъ квадратъ, который образуется куполомъ въ его центрѣ алтаремъ, боковыми нефами и главнымъ нефомъ. Нартэксъ, напротивъ того, дѣлалъ бы послѣдній конецъ креста длиннѣе другихъ; слѣдовательно, образовывалъ бы крестъ латинскій,—въ томъ случаѣ, если присоединить его къ центральной части. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ крестъ есть характеристика зданія символическая, то она и можетъ быть исполняема условно. Этого обстоятельства не понялъ Шнаазе, утверждающій, что въ основу армянскихъ церквей положенъ крестъ латинскій: его смутилъ нартэксъ *). Такимъ образомъ при купольномъ зданіи получается планъ продолговатый или, употребляя извѣстное, всѣми принятое названіе,—планъ постройки базиличной. Отсюда само собою ясно становится, что подобный планъ никакъ не можетъ принадлежать тому первоначальному періоду византійской архитектуры, когда обширные храмы Константинополя крылись однимъ или нѣсколькими куполами, съ полнымъ сохраненіемъ круглой или квадратной или восьмиугольной формы зданія. Византійская архитектура знаетъ такой планъ уже во второмъ періодѣ своего развитія и подъ именемъ δρομικὸν σχῆμα—базиличная схема, въ формѣ стадія. Этотъ удлиненный планъ былъ усвоенъ затѣмъ поздне-византійскою архитектурою, что̀, можно думать, было вызвано самымъ неумѣньемъ на одной купольной основѣ создать достаточно большое помѣщеніе, и слѣдовательно, желаніемъ присоединить къ малой центральной части еще четыреугольникъ. Подобное обстоятельство, напр., наблюдается въ исторіи церкви Св. Гроба въ Іерусалимѣ, при Константинѣ. Иныя изъ восточныхъ церквей, напр. св. Маріи Златоглавой въ Трапезунтѣ 1448 г., отличаются такою длиннотою, которая встрѣчается только въ поздне-романской архитектурѣ **). Но слѣдуетъ обратить вниманіе и на соотношеніе даннаго удлиненнаго плана съ богослужебнымъ расположеніемъ храма. Такъ Ленуаръ ***) изъ поздне-византійскихъ церквей,

*) L. c. III, p. 327.

**) Нынѣ мечеть Орта Гиссаръ. Texier, Arch. Byz. pl. 67, 68.

***) Architecture monastique, 1856, vol. I, p. 258—262.

исполненныхъ въ этомъ планѣ, образуетъ «четвертое расположеніе восточной архитектуры», и находитъ въ самомъ планѣ усовершенствованіе противъ Юстиніановскаго времени: 1) въ симметріи, 2) въ распредѣленіи зданій съ примѣненіемъ къ культу и 3) въ лучшихъ пропорціяхъ, въ нормальности и регулярности архитектуры. Улучшеніе это, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, поздне-византійская, а съ нею и грузинская архитектура твердо держится типа, нами описаннаго, и въ общемъ и въ частностяхъ, и этотъ типъ имѣетъ характеръ строго расчлененнаго архитектурнаго цѣлаго. Тѣмъ страннѣе кажутся такія фразы въ «Исторіи архитектуры Куглера» *): «архитектурная форма ихъ (грузинскихъ церквей) имѣетъ во всемъ характеръ строгости, чего-то заключеннаго въ себѣ,—но это только во внѣшности: при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что расположеніе, форма цѣлаго, художественная обработка не обусловливаютъ другъ друга, а наоборотъ, все это срослось изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, указывающихъ на разные источники, и не могло развить ни внутренняго единства, ни жизни». Между тѣмъ, конечно, всякій, видавшій старинныя церкви Грузіи, согласится съ тѣмъ, что именно особая типичность, единство плана, цѣльность и даже, такъ сказать, казенный характеръ внутренняго расположенія дѣлаетъ ихъ интересными по архитектурному плану, какъ плодъ особаго художественнаго развитія. Скорѣе можно упрекнуть ихъ въ сухости, бѣдности художественной мысли, а не въ той пестротѣ или хаотичности, которая характеризуетъ собою bête-noire археологической критики нѣмецкихъ авторовъ—церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Бѣдное знаніе Востока и желаніе подогнать все подъ одну мѣрку—одни могли повести къ подобнымъ заключеніямъ.

Базиличный планъ усложняется затѣмъ, но весьма рѣдко, умноженіемъ нефовъ съ трехъ на пять, какъ напр. въ одной изъ наиболѣе видныхъ церквей Абхазіи—Мокви, которая по плану совершенно соотвѣтствуетъ Кіево—Софійскому собору. А такое усложненіе замѣчается, скажемъ кстати, особенно въ церквахъ Арменіи, потому что сюда же должны быть отнесены и церкви, окруженныя галлереями или притворами, о чемъ говорено выше. Этотъ же планъ отмѣчаетъ собою церкви XIII и XIV вѣковъ: въ Трапезунтѣ св. Софіи, въ Мирахъ Ликіи ц. Николая Чудотворца **), въ Солуни св. Софіи и свв. Апостоловъ. Безъ сомнѣнія, также и появленіе этихъ формъ въ Арменіи слѣдуетъ прямо отнести къ переносу типовъ изъ Малой Азіи, при чемъ типы эти по какимъ либо причинамъ не доходили до собственной Грузіи. И,

*) I, p. 537.
**) См. Texier, Arch. Byz. pl.

конечно, это не есть отступленіе отъ принятаго плана, а напротивъ того—стремленіе къ его развитію, ибо эти разнообразныя формы являются представителями тѣхъ индивидуальныхъ движеній, которыя скоро уступили окончательно мѣсто типу, неизмѣнному канону. Въ этомъ смыслѣ ходъ развитія архитектуры въ Грузіи вполнѣ аналогиченъ съ исторіею византійской архитектуры какъ на родной ея почвѣ, такъ затѣмъ и въ Россіи, Сербіи, Сиріи, Малой Азіи и пр. Господство описаннаго каноническаго плана начинается въ Грузіи съ X столѣтія или, по крайней мѣрѣ, съ IX, не ранѣе, а устанавливается въ XI, и всѣ зданія, предшествующія этой эпохѣ, пріобрѣтаютъ поэтому особенный интересъ. Если въ описанномъ планѣ исполнены почти всѣ главнѣйшія церкви Грузіи, какъ-то: Мцхетскій соборъ, Самтаври, Икорта, Самтависъ, церкви Сафара, Метехи, Кутаисскій соборъ, Хопи, Бедія, Пицунда, Бетани, Эрта-Цминда, Шуа-Мта и пр., а равно и Арменіи, какъ напр. Узунларъ, Гаяны въ Эчміадзинѣ и пр., то древнѣйшій слой отличается богатствомъ архитектурной мысли, свѣжимъ воспріятіемъ формъ стиля на его родинѣ и въ эпоху его совершенствованія. И этими памятниками, хотя они не IV или V вѣка, слѣдуетъ по преимуществу дорожить. Какіе же это памятники Грузіи? Такъ какъ хронологія грузинскихъ церквей, какъ доказано, вовсе не установлена, для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ источнику вопроса, насколько онъ содержится въ исторіи обще-византійской архитектуры.

Изслѣдованія Тэксье, Ленуара, Зальценберга и обобщенія Унгера давно уже утвердили въ наукѣ тотъ фактъ, что купольная архитектура въ христіанскомъ искусствѣ принадлежитъ Востоку *). Въ началѣ первоначальная купольная архитектура являлась подъ условіемъ округлаго плана. Такъ крыты куполами многочисленные баптистеріи Востока, и на Западѣ своею формою и украшеніями, какъ крещальни Равенны, Пизы, Флоренціи и Южной Италіи въ особенности, близко напоминающія свойства и детали архитектуры восточной. Сюда же относятся круглыя церкви временъ Константина въ Антіохіи, Іерусалимѣ; круглый соборъ въ Неокесаріи IV в., церкви въ Дебре, Антифеллосѣ, Гіераполисѣ и пр.

Храмъ св. Софіи Константинопольской окончательно разрѣшилъ вопросъ объ отношеніи купола къ зданію: куполъ образуетъ въ ней лишь центральную, важнѣйшую часть, онъ допускаетъ различныя формы примыкающихъ нефовъ: овальную какъ въ св. Софіи, обра-

---

*) См. критическій разборъ ихъ взглядовъ у г. Филимонова, Сборникъ Общ. древнерусскаго иск. за 1866 г., стр. 23.

зуемую двумя полукуполами, или прямоугольную, крытую коробовыми сводами; боковые нефы, въ видѣ обходящихъ центральную часть коридоровъ, переводятъ круглую внутреннюю форму въ многостороннюю, какъ въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ и въ церкви Сергія и Вакха въ Константинополѣ, которой боковые нефы превращаютъ планъ въ четыреугольный. Хотя и послѣ этого еще являются церкви въ кругломъ планѣ съ тремя выступающими абсидами и неуклюже примкнутымъ четыреугольнымъ нартэксомъ, какова напр. церковь св. Доната въ Зарѣ, IX стол., но во всякомъ случаѣ древне-христіанскій планъ круглаго купольнаго зданія окончательно уступаетъ мѣсто новымъ архитектурнымъ формамъ, интересъ которыхъ сосредоточенъ въ пополненіи купольной основы слоями, съ нею вполнѣ гармонирующими. Для характеристики этого періода въ восточной архитектурѣ (ибо на Западѣ продолжается повтореніе прежнихъ формъ, см. соборъ Брешіи, Вероны, San Tomaso in limine близь Бергамо) достаточно будетъ перечислить нѣсколько церквей отъ временъ Юстиніана до эпохи образованія описаннаго выше базиличнаго типа. Несомнѣнно, что разсадникомъ этихъ новыхъ формъ была церковь Софіи и т. наз. Малая Софія, или церковь Сергія и Вакха въ Константинополѣ. Къ Юстиніановскому же періоду относятся купольныя церкви Сиріи: въ Босрѣ 512 г. и въ Езрѣ 510 года, въ которыхъ куполъ накрываетъ четыреугольное пространство, а остающіеся углы пробиты четырьмя полукруглыми нишами; къ этому квадрату присоединены затѣмъ въ Босрѣ три абсиды, оканчивающіяся полукружіемъ и между ними двѣ четыреугольныя камеры или экседры, а въ Езрѣ только одна абсида и двѣ камеры *). Церковь Симеона Столпника, близь Алеппо, восьмиугольная, купольная и имѣетъ четыре примыкающія къ ней экседры,—расположеніе, являющееся особенно характернымъ въ церкви монастыря Дафни, близь Элевзиса **). Концентрическое зданіе обставляется затѣмъ тремя нишами, образующими въ планѣ форму трилистника, какъ напр. церковь св. Иліи въ Солуни, 1012 года ***). Или центральное зданіе въ видѣ креста обставляется кругомъ галлереями (которыя въ данномъ случаѣ неправильно называютъ притворами, тогда какъ они открыты внутрь церкви), а съ З. двумя нартэксами, что однакоже, вовсе еще не даетъ базиличной формы: таково устройство церквей Солунскихъ: св. Софіи и свв. Апостоловъ, изъ которыхъ первая вовсе не принадлежитъ времени

*) Планы у Fergusson, Histor. of arch. II, p. 307, 312. Texier, l. c., стр. 135.
**) Lenoir, I, № 171.
***) Texier, pl. 52.

Юстиніана, какъ думаютъ многіе, но VII или VIII вѣку, а вторая немного позднѣе ея *). Въ томъ же типѣ и, приблизительно, того же времени церковь Николая Чудотворца въ Мирахъ **) и Климента въ Анцирѣ. Эти обширные планы повторены и усовершенствованы въ знаменитой такъ наз. базиликѣ св. Марка въ Венеціи (базиликѣ только потому, что западный конецъ креста имѣетъ три нефа), ц. С. Фрона въ Перигё и Мольфетта въ Ю. Италіи, Панагія Никодимо въ Аѳинахъ и пр. Эта же система требуетъ и умноженія куполовъ до пяти, покрывающихъ концы и центръ креста или распредѣленныхъ по четыремъ угламъ зданія. Къ тому же развитію купольнаго зданія можно отнести и формы многихъ другихъ плановъ этого періода византійской архитектуры; но считаемъ и вышеприведеннаго достаточнымъ, чтобы подтвердить ту общую мысль, что эта архитектура въ эпоху своей силы всегда искала новыхъ формъ въ предѣлахъ той же концентрической купольной основы, и только во время упадка рѣшилась на компромиссъ, сливши ее съ базиличною формою или, вѣрнѣе, подкрѣпивши недостатки первой свободою и удобствами этой послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, для неумѣлой архитектуры было спасеніемъ прибѣгнуть къ этой формѣ, потому что гораздо легче покрыть длинное пространство сплошнымъ коробовымъ сводомъ, нежели создать для этого систему куполовъ. Сравнивая въ планѣ византійское зданіе съ длиннымъ до неуклюжести и безобразія каѳедраломъ Англіи, мы убѣждаемся въ томъ, что художественныя силы должны всегда руководиться идеею, чтобы создать въ архитектурѣ нѣчто высокое, и что если первое и по плану должно быть храмомъ, то второй, напротивъ, столь же легко можетъ служить и для какого нибудь матеріальнаго назначенія, какъ всякое длинное крытое зданіе. Такое соединеніе базилики и купольнаго зданія началось сравнительно поздно, напр. церковь св. Вардія въ Солуни, подобнаго типа базилики съ 5 куполами, относится къ 937 г.; Софія Трапезундская построена Алексѣемъ III Комненомъ, равно какъ и тамошняя же ц. Дѣвы Златоглавой; далѣе,—церкви Аѳинъ, Пелопоннеса (Мизитра), Наварина и пр., принадлежатъ приблизительно той же эпохѣ.

Представители первой и оригинальной схемы византійскаго храма въ Грузіи, безъ сомнѣнія, не могутъ быть многочисленны, въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которые были нами указаны по вопросу о хронологіи грузинскихъ церквей, но за то эти памятники, естественно, возбуждаютъ наибольшій интересъ. Планы Никорцминды и Мартвили

---

*) Ib. pl. 35, 47.
**) Ib. pl. 58.

замѣчательны какъ образцы круглыхъ грузинскихъ церквей. Первая *) переводитъ окружность купольной основы въ четыреугольникъ при помощи четырехъ полукруглыхъ нишъ; нартэксъ и абсида имѣютъ форму четыреугольныхъ экседръ. Соборъ въ Мартвили **) имѣетъ четыре ниши, расположенныя крестообразно, при чемъ одна служитъ среднею абсидою, а другая прилегаетъ къ нартэксу; по сторонамъ этой послѣдней двѣ экседры и нартэксъ, раздѣленный на двѣ камеры. Круглая церковь Катцха въ Имеретіи съ В. имѣетъ 3 абсиды, а съ трехъ остальныхъ сторонъ—полукругомъ обходящую галлерею нартэкса; внутренность представляетъ расположенныя по окружности полукруглыя ниши. Такого рода архитектура,—къ какой бы эпохѣ эти церкви ни принадлежали,—представляетъ, безъ сомнѣнія, простѣйшую форму развитія купольнаго зданія, увеличеннаго въ своемъ пространствѣ разными нишами и экседрами. Въ армянской церкви св. Рипсимы ***) и Сіонѣ, въ долинѣ Атени въ Грузіи ****), эта форма окончательно усовершенствована и представляетъ строгую систему симметрическаго соотношенія нишъ въ крестообразномъ расположеніи, далѣе, четырехъ экседръ по угламъ и четырехъ же маленькихъ куполовъ, посредствующихъ между ними и главнымъ куполомъ. Слѣдовательно, пятикупольная система является и здѣсь, служа средствомъ для перехода изъ купольной основы въ четыреугольную; различіе же съ пятикупольною формою другихъ вѣтвей византійской архитектуры, напр. русской, состоитъ въ томъ, что эти купола грузинскихъ церквей очень низки, и въ существѣ дѣла легко могутъ быть отождествлены съ крестообразнымъ сводомъ. Въ томъ же основномъ планѣ исполнена и архитектура главной церкви Эчміадзина, и планъ ея также древенъ (начала VII в.), какъ Сіона и другихъ, хотя бы самая церковь и принадлежала позднѣйшему періоду. Любопытный типъ представляетъ планъ ц. Алавердской, въ которой при трехъ полукруглыхъ нишахъ, заканчивающихъ оконечности креста, боковые нефы базилики являются въ видѣ четырехъ экседръ *****). Но изъ всѣхъ этихъ церквей замѣчательна въ особенности, и по своей древности, и по характерности плана, небольшая церковь Креста въ Мцхетѣ ******).

---

*) Dubois, atlas, III, pl. IV, 10. Ср. планъ ц. св. Екатерины на островѣ близъ Полы въ Истріи, у Seroux d' Agincourt, Denkm. Arch., Taf. 26, 8.

**) Dubois. IV, 11.

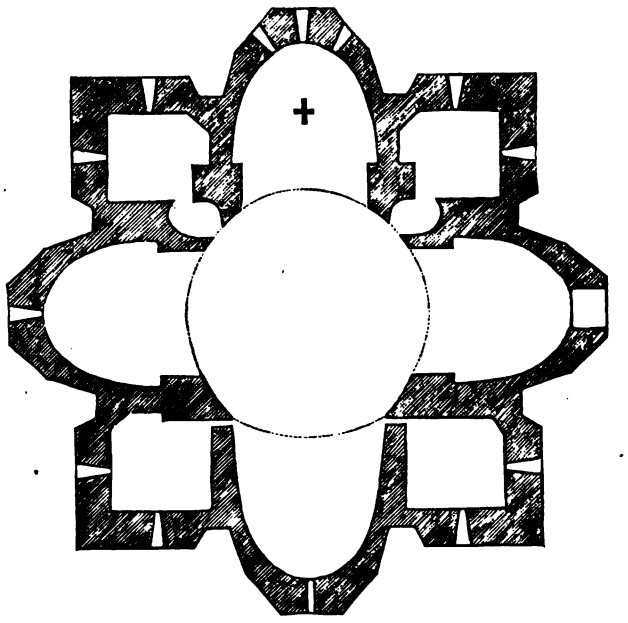
***) Ibid. pl. VIII.

****) Ib. pl. IX.

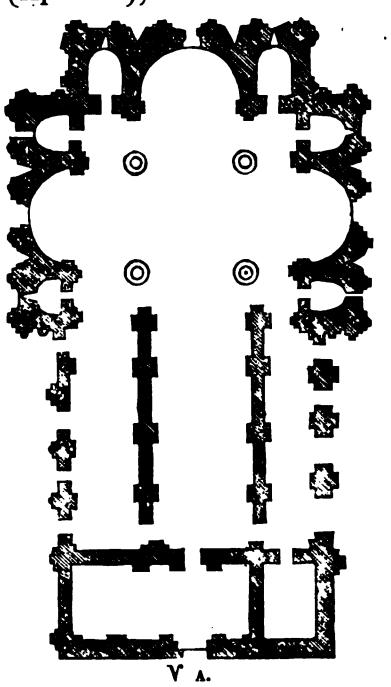
*****) См. Гримма, атласъ, livr. I, 1.

******) Планъ этой церкви у Броссе (Атласъ, т. 2.) неправиленъ, чему причина заключается въ его случайномъ происхожденіи, о чемъ разсказываетъ и самъ авторъ (Rapport, I, 47).

Разсмотрѣвъ этотъ планъ, мы найдемъ прототипъ плановъ Рипсиме и Сіона, отличающихся только удлиненіемъ по линіи З.-В. Наиболѣе усложненный планъ представляетъ церковь Кумурдо *), Дранды **) и др. Можно было бы представить много аналогій этому плану и въ русско-византійской архитектурѣ, но мы ограничимся указаніемъ на Кіевскія церкви ***). Интересный, наконецъ, образецъ соединенія базиличнаго плана съ развитымъ центральнымъ представляетъ церковь Эохванкъ въ Тортумѣ (Арменія), описанная въ Archives des missions scientifiques. 1875, 2 livr. Намъ остается только замѣтить немного о существующихъ въ Грузіи базиликахъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. церквахъ продолговатаго плана, но безъ купола и покрытыхъ коробовымъ сводомъ (у византійцевъ эти церкви, какъ кажется, назывались χαμαρωτά). Мы уже говорили о томъ, что всѣ маленькія сельскія церкви и часовни Грузіи и вообще Кавказа, носящія обыкновенно названіе капличекъ, построены именно въ этой формѣ, и какъ каплички Крыма, принадлежащія разнымъ вѣкамъ, начиная съ XIII, XV и позднѣе, относятся къ самымъ разнообразнымъ эпохамъ. Весьма возможно, что эта форма обязана своимъ



V.



V A.

*) Броссе, атласъ, табл. 14.
**) Ib. табл. 31.
***) Фундуклея, ib. рис. къ стр. 58.

появленіемъ или, по крайней мѣрѣ, своимъ распространеніемъ вліянію западному (какъ и въ Крыму), на что указываютъ и постройки Греціи этого рода, появляющіяся тамъ послѣ крестовыхъ походовъ. Между многочисленными кавказскими капличками многія описаны у Дюбуа, и иногда подробнѣе, чѣмъ они заслуживаютъ; но большая часть, особенно въ собственной Грузіи, остается неизвѣстными,— и между тѣмъ нерѣдко содержитъ богатую орнаментику, а иногда и очень древнюю конструкцію сводовъ и пр. Такова напр. церковь въ Сурамѣ или Михайловѣ, во имя св. Іоанна Крестителя, вся изъ тесаныхъ камней, объ орнаментикѣ которой мы скажемъ впослѣдствіи. Такова церковь въ селеніи Дабы близь Боржома, въ дикомъ ущельи, подъ нависшею скалою, превосходно сохранившаяся, и другія, о которыхъ можно все-таки утверждать, что онѣ болѣе или менѣе древни. Но мы предпочитаемъ остановить вниманіе особенно на большой базиликѣ въ Урбниси, большомъ селѣ, которое лежитъ на берегу Куры и было уже въ древнѣйшую эпоху Грузіи большимъ торговымъ городомъ. Эта базилика, несомнѣнно, одно изъ самыхъ красивыхъ и величественныхъ зданій Грузіи, исполненное въ простѣйшемъ планѣ чистой романской архитектуры; три нефа имѣютъ равно важное значеніе, потому что боковые нефы представляютъ достаточную ширину; церковь сложена вся изъ кирпича, не имѣетъ никакихъ фресокъ, какъ слѣдовало бы въ византійскомъ храмѣ, и отличается такими совершенными пропорціями (чего опять-таки далеко нельзя сказать о грузинскихъ церквахъ), что невольно заставляетъ думать, что она построена спеціально выписаннымъ западнымъ художникомъ и не позднѣе XIII столѣтія *). Любопытно также и то, что въ одномъ мѣстѣ для поддержанія стѣнъ употреблены двѣ оживы, т. е. столбы съ перекинутыми отъ нихъ арками.

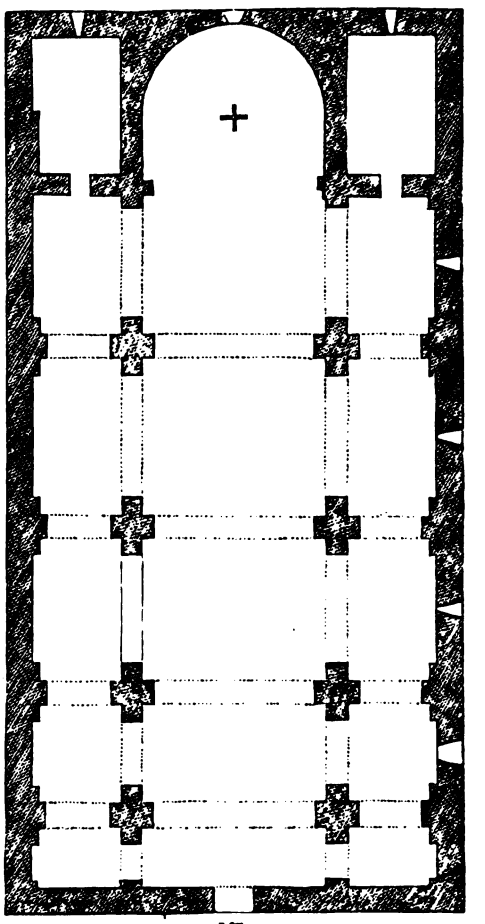
Другія коробовыя базилики: въ Вардзіе, Сафарѣ, Уплисъ-Цихе (рис. IV), Тсунда и пр., отличаясь малыми размѣрами, не представляютъ и какого либо художественнаго типа. Вообще же говоря, грузинская архитектура всегда предпочитаетъ куполъ и держится этой системы даже тамъ, гдѣ она неумѣстна и безобразна. Есть примѣры

---

*) Длина церкви . . . 14 саж. до конца абсиды.

ширина церкви	6	—	1 арш.	
— главнаго нефа . .		—	7	—
— боковыхъ нефовъ .		—	4	—
діаметръ столбовъ вдоль .		—	2	— 9 вершк.
— — поперегъ		—	2	—
вышина арокъ —	3	—	1	—
діаметръ оживъ —		—	2	— 10 —

вышеописанныхъ однонефныхъ коробовыхъ базиликъ, центръ которыхъ поднятъ куполомъ. Такъ подобная форма встрѣчается въ Арменіи, архитектура которой всегда отличалась различными крайностями *).



VI.

II.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, многоразличные виды плановъ, усвоенныхъ грузинскою архитектурою, и нашли, что они повторяютъ всѣ важнѣйшіе виды плановъ византійской архитектуры вообще, въ разныя эпохи ея развитія. Но планъ зданія есть не болѣе, какъ голая схема его композиціи въ пространствѣ,—это только костякъ человѣческаго тѣла, не одѣтый мускулами и кожею. Въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ индивидуальности; онъ представляетъ только тотъ типъ, къ которому относится зданіе, который заставляетъ насъ опредѣлить его именемъ «византійское», но еще не рисуетъ его художественной физіономіи. Однимъ словомъ, планъ выражаетъ собою ту общекультурную форму, ту общую мысль, которая пребываетъ неизмѣнною многіе вѣка. Всякій знаетъ, какое поразительное однообразіе представляютъ средневѣковыя базилики Запада, какъ скоро мы напр. ограничимся періодомъ готическаго или романскаго искусства. Городская община, собираясь начать постройку собора, которая должна была затянуться на долгое время, естественно, избирала самый общій, казенный планъ, котораго варіаціи будутъ появляться лишь подъ условіемъ какихъ либо новыхъ формъ декораціи. Искусство займется здѣсь не планомъ, но украшеніемъ и орнаментикою. Отсюда необыкновенное разнообразіе наружной декораціи готическихъ соборовъ, которая по-

*) Ц. Хохакатъ, въ Эчміадзинѣ. Броссе, атласъ, табл. 20.

давляетъ, затемняетъ самый планъ или композицію. Совершенно иное явленіе встрѣчаемъ мы на почвѣ византійской архитектуры, разумѣется, въ періодѣ историческаго ея развитія. Для архитектора представлялся здѣсь важнѣйшею задачею архитектурный планъ,—какъ бы странна ни показалась эта мысль для всѣхъ насъ, напитавшихся теоріями западныхъ писателей, привычно трактующихъ о мертвенныхъ, окаменѣлыхъ формахъ византійской архитектуры. Но мы не считаемъ нужнымъ доказывать этого положенія: достаточно сравнить разнообразіе плановъ византійской архитектуры съ планами церквей готическихъ и замѣтить, что оригинальность плану средневѣковой архитектуры и эпохи возрожденія, очевидно, даетъ куполъ. Гдѣ искусство, тамъ и жизнь,—только своего рода.

Но если византійская архитектура проявляетъ художественную жизнь въ планѣ, то прямымъ выводомъ изъ этого будетъ, что она должна давать жизнь типической схемѣ, разрабатывать типъ, а не индивидуальную физіономію; а намъ нѣтъ, конечно, нужды доказывать общія эстетическія положенія, что художественная жизнь есть жизнь ин-индивидуальная и что художественное произведеніе обусловлено опредѣленной личностью.

Напротивъ того, грузинской архитектурѣ недостаетъ именно этого начала, или вѣрнѣе, оно владѣетъ имъ лишь въ самой слабой степени. Ибо всякій, видавшій грузинскія церкви, согласится, что видъ ихъ крайне однообразенъ, что онѣ повторяютъ самымъ точнымъ образомъ обычный типъ во всѣхъ подробностяхъ, и что даже, если бы поставить рядомъ иныя церкви, то различилъ бы ихъ далеко не сразу. Эта неизмѣнная типичность наружнаго вида, физіономіи храма грузинскаго находитъ себѣ аналогію лишь въ тѣхъ развѣтвленіяхъ византійской архитектуры позднѣйшаго времени, которыя, какъ напр. теперешнія русскія сельскія церкви, въ своемъ убогомъ ремесленничествѣ довольствуются рабскимъ повтореніемъ завѣтнаго типа. Но если этотъ недостатокъ жизни, движенія, опредѣленнаго индивидуальнаго элемента и характеризуетъ собою поздне-византійское искусство вообще, то онъ вовсе не относится къ его цвѣтущей эпохѣ, какъ думаютъ и говорятъ иные западные историки. Точно также и на почвѣ Грузіи, мы найдемъ въ ея архитектурѣ извѣстное историческое движеніе, которое, какъ бы слабо, незамѣтно оно ни было, имѣетъ для насъ первостепенную важность. Наружный видъ въ купольномъ зданіи образуется, естественно, прежде всего самымъ куполомъ. При базиличномъ или удлиненномъ планѣ храмоваго зданія куполъ выдѣляется несравненно больше, чѣмъ при квадратной основѣ. Вотъ почему именно, въ связи съ этимъ измѣненіемъ плана, и внутреннее значеніе частей его опре-

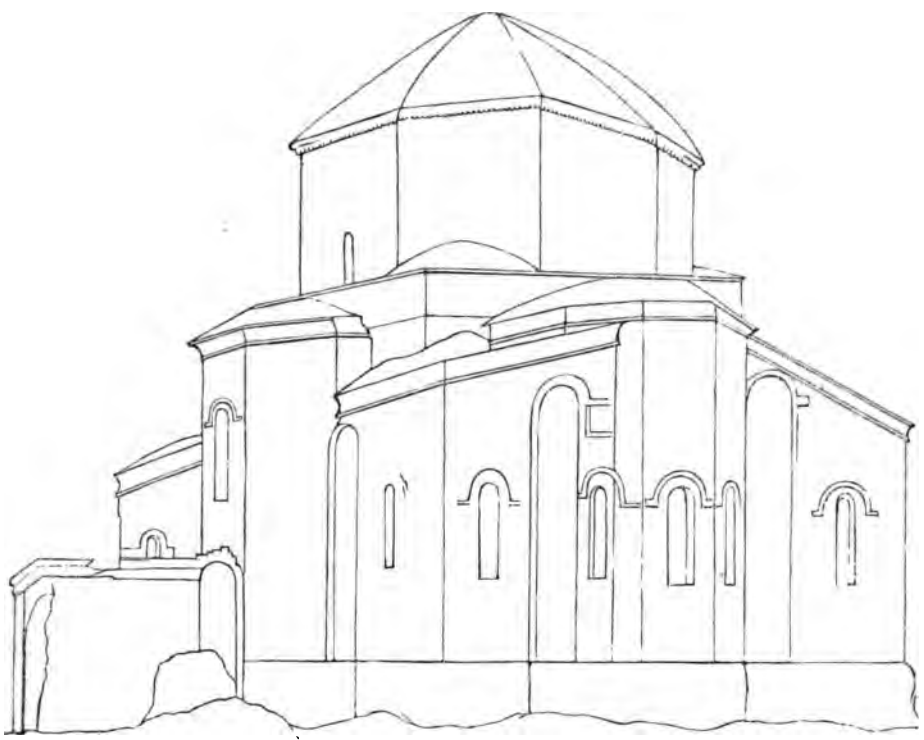
дѣлилось теперь иначе: вмѣсто тріумфальной арки и абсиды (впослѣдствіи и закрывавшейся иконостасами), теперь куполъ сталъ играть роль архитектурнаго символа идеи воскресенія, побѣды надъ смертью. Въ свою очередь, и внѣшность должна была соотвѣтствовать этой идеѣ. Во внѣшности византійскаго храма, какъ справедливо замѣчаетъ еще Ленуаръ *), куполъ имѣетъ важнѣйшее значеніе, ибо своимъ помѣщеніемъ на барабанѣ, поднятый надъ зданіемъ (а не обозначенный только, какъ въ архитектурѣ языческой и древнехристіанской), онъ является взору всецѣло обнаруженнымъ, и явно господствуетъ надъ зданіемъ. Только желаніемъ усилить впечатлѣніе легко приподнятаго высокаго свода можно объяснить и господствующую въ византійскомъ искусствѣ страсть повышать болѣе и болѣе барабанъ. Но при этомъ сферическая форма купола должна выступить наружу въ чистомъ видѣ, какъ представляютъ ее церкви Византіи, Греціи и отчасти Россіи. Грузія же, какъ извѣстно, этой формы не сохранила, рано прикрывъ куполъ конусомъ, и мы въ настоящее время не можемъ найти ни одного образца первоначальной формы. Это коническое прикрытіе, происходя, безъ сомнѣнія, отъ извѣстныхъ климатическихъ условій Грузіи и будучи, можетъ быть, въ то же время заносомъ съ запада, по своему эстетическому характеру соотвѣтствуетъ извѣстной любви средневѣковаго искусства къ высокимъ башнямъ, и зависитъ въ своей формѣ отъ самаго купола лишь въ первое время. А именно: при низкомъ барабанѣ древняго купола, образующаго полушаріе, и конусъ долженъ былъ быть низкимъ. Такъ въ церкви св. Креста, какъ видно изъ рис. VII, и Пицундской видъ купола приближается къ византійской формѣ, когда сфера купола почти открыта; но эти примѣры единственные **).

Вслѣдъ за тѣмъ конусъ пріобрѣтаетъ уже опредѣленную форму, въ которой его высота равна радіусу окружности его основанія. Въ такой формѣ конусъ является въ главныхъ церквахъ Гелатскаго и Сафарскаго монастырей и многихъ другихъ. Съ теченіемъ времени, это отношеніе высоты конуса къ діаметру основанія болѣе и болѣе увеличивается и доходитъ до равенства: такимъ является конусъ въ современной архитектурѣ Мцхетскаго собора, и при этомъ условіи высота конуса бываетъ равна высотѣ барабана. Наоборотъ, безобразно высокій барабанъ церквей Самтаври, Руиси, Шуа-Мта и другихъ нарушаетъ это гармоническое отношеніе пропорціями упадка.

---

*) L. c. I, p. 292.

**) См. также рисунокъ церкви въ Хонѣ, на верхней Кубани, Dubois, serie II, pl. VI, къ сожалѣнію, очень небрежный.



VII.

Что касается до самаго купола, то, довольствуясь возвышеніемъ барабана и измѣненіемъ наружной формы конуса, грузинская архитектура, насколько намъ удалось, по крайней мѣрѣ, наблюдать *), сохраняетъ почти одну и ту же форму, или, точнѣе говоря, уголъ, образуемый хордою купола и касательною, проведенною къ куполу въ одной изъ оконечностей хорды, приблизительно остается одинаковымъ. Исключеніе составляютъ поздніе эллиптическіе куполы, встрѣчающіеся въ Арменіи и Грузіи, какъ результатъ восточнаго вліянія. Въ этомъ смыслѣ искаженіе туземныхъ формъ представляютъ эллиптическіе, обнаженные по восточному, куполы, въ числѣ трехъ покрывающіе открытый нартэксъ ц. св. Гаяны въ Эчміадзинѣ **).

Многогранная форма барабановъ, затѣмъ, явилась въ Грузіи также рано, какъ и конусъ купола (круглый барабанъ имѣетъ Пицундскій храмъ и нѣкоторые другіе). Происхожденіе этой формы объясняли различно: климатомъ, условіями техническими и пр.; но, по нашему мнѣнію, ни одинъ изъ этихъ факторовъ здѣсь не участвовалъ. Обра-

*) Полезно было бы вычислить размѣры поднятія куполовъ по рисункамъ Норева. Изъ изданій можно положиться лишь на рисунки гг. Гримма и Броссе; рисунки Дюбуа произвольны.

**) Броссе, атласъ, таб. 19.

зованіе же формы обязано дѣйствію того общаго закона историческаго движенія искусства, по которому всякій декоративный членъ зданія прежде игралъ роль служебнаго члена, имѣвшаго свое самостоятельное назначеніе. Такъ и эта многогранность барабана, являясь въ архитектурѣ Грузіи декоративною обложкою, въ собственно-византійскомъ куполѣ представляла собою тѣ устои, которыя служили контрфорсами для купола и видны такъ ясно въ св. Софіи Цареградской. При помощи этого утолщенія нижнихъ стѣнокъ купола, явилась возможность освѣтить промежуточными окнами поверхность купола, покрывшуюся теперь мозаиками или фресками. На греческихъ церквахъ *) можно видѣть даже постепенный переходъ отъ этой основы къ нашей формѣ,—арочный вѣнецъ, окружающій въ началѣ не одинъ барабанъ, но и низъ купола, и затѣмъ превращеніе его въ арочный поясъ, обходящій барабанъ. Въ Грузіи форма эта представляетъ уже паденіе техники и художественнаго вкуса: окна становятся крайне узки; арки, ихъ окружающія, носятъ характеръ чисто орнаментальный и помѣщаются уже внутри грани, а не охватываютъ ее, какъ въ Византіи, и пр. Въ зависимости отъ этой формы барабана, и конусъ получилъ грани, еще болѣе усиливающія то выраженіе стремительности вверхъ, которое лежитъ въ характерѣ конуса.

Многогранность верхнихъ и притомъ главныхъ частей архитектурнаго организма грузинской церкви должна была вызвать и соотвѣтствующую формацію другихъ нижнихъ частей. А именно: крыша прежде всего должна была утратить кривизну сводовъ, ясно выступающую въ собственно-византійской архитектурѣ. Двускатная же форма крыши въ свою очередь вызывала типическую форму фронтона, вѣнчающаго фасъ зданія. Это фронтонное вѣнчаніе, вообще свойственное зданію, построенному въ базиличномъ планѣ, явилось въ Грузіи также какъ необходимое послѣдствіе принятыхъ условій, и было только возвращеніемъ къ давно извѣстнымъ формамъ, выработаннымъ еще древнехристіанскою архитектурою. То же самое явленіе наблюдается повсемѣстно въ архитектурѣ византійскихъ церквей Южной Италіи. Само собою разумѣется, что эта описанная схема также имѣетъ степени развитія, и на древнѣйшихъ церквахъ, напр. ц. св. Креста (рис. 7) еще можно ясно наблюдать выдающіяся линіи округлыхъ сводовъ по византійской системѣ.

Соотвѣтственно съ этимъ образованіемъ крыши и общимъ стремленіемъ архитектуры къ правильному четыреугольнику, и наружный

---

*) Одна изъ церквей Кавказа, но не Грузіи, представляетъ тотъ же типъ: ц. въ Хонѣ, на верхней Кубани. Dubois II, pl. 6.

выступъ абсиды никогда не является въ Грузіи полукруглымъ, но всегда многостороннимъ. Исключеній изъ этого общаго правила вообще немного, да и принадлежатъ они не собственной Грузіи: нѣкоторыя изъ маленькихъ каплицъ Абхазіи имѣютъ полукруглый выступъ; та же церковь на верхней Кубани, нами неоднократно упоминаемая, имѣетъ три абсиды, выступающія полукругомъ, по древнему византійскому обычаю, хотя сама церковь и не принадлежитъ особенно ранней эпохѣ. Важнѣйшій же примѣръ представляетъ пресловутый храмъ Пицунды, котораго три абсиды, выступающія полукругомъ, служатъ нагляднымъ свидѣтельствомъ собственно византійской системы постройки этого храма и того, что Абхазія держалась обще-византійской архитектуры въ своихъ церквахъ, быть можетъ, именно потому, что, не выработавъ своихъ формъ, предпочитала основной типъ производному грузинскому, а отчасти и потому, что ея памятники предшествовали нѣсколько развитію архитектуры въ собственной Грузіи. Указываемъ на это обстоятельство особенно въ тѣхъ видахъ, что среди теорій о происхожденіи грузинской архитектуры есть и такая, которая пытается производить ее изъ Абхазіи, подобно тому, какъ если бы мы, зная, что въ Керчи есть церковь древнѣе кіевскихъ соборовъ, вздумали производить архитектуру этихъ послѣднихъ изъ Крыма. Но грузинская архитектура усвоила себѣ и особый, спеціально ей принадлежащій, способъ устройства абсиды или алтарной ниши внутри восточной стѣны, не проявляя ничѣмъ ея выступъ наружи, или въ толщѣ самой стѣны, или же въ видѣ особой полукруглой целлы (cella—комната, храмовое святилище) въ церкви. Это устройство встрѣчается на Востокѣ въ древнѣйшее время, какъ видно изъ плановъ церквей сирійскихъ, напр. въ Бахозѣ и Ругейгѣ *). При этомъ, если церковь имѣетъ три абсиды, то двѣ боковыя или являются въ формѣ четыреугольной, какъ часто бываетъ въ древнихъ церквахъ Грузіи, напр. въ Сіонѣ, ц. св. Креста, или же въ круглой, при чемъ устройство нѣсколько осложняется. А именно: въ видахъ отдѣлить пространство главной ниши, обозначивъ рѣзче ея помѣщеніе, и уменьшить излишнюю толщу стѣны, архитекторы пробиваютъ снаружи восточную стѣну, въ пунктахъ соприкосновенія двухъ полукруглыхъ нишъ съ главною, двумя особыми нишами, которыя треугольникомъ входятъ въ промежуточную массивную толщу. Если западная сторона имѣетъ такія же три полукружія, то и наружная стѣна ея, слѣдуя правиламъ симметріи, имѣетъ тѣ же двѣ ниши; равно, если требуется выдѣлить полукружія четырехъ оконечностей

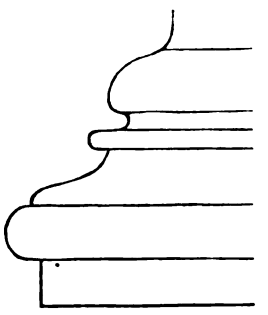
*) Fergusson, History of arch., II, p. 294, 296.

креста отъ прилегающихъ камеръ, употребляется тотъ же способъ. Чаще, конечно, встрѣчается первый случай, когда ниши устроиваются лишь на восточной сторонѣ,—такъ въ соборной ц. Кутаиса, ц. Бедіи, Кумурдо, Самтависа, Икорты, Мцхетской церкви и др. Въ церкви Рипсимы въ Вагаршабадѣ ниши сдѣланы на двухъ сторонахъ, а въ армянской капеллѣ въ Харни встрѣчается послѣдній случай. Наиболѣе оригинальности представляютъ церкви Сіона и Креста: одна сторона такой ниши здѣсь является продолженіемъ абсидной грани, и самая ниша, находясь чрезъ это въ ближайшей связи съ алтаремъ, служитъ лишь для бо̀льшаго его обнаруженія.

Изъ этого очерка видно, что типичность грузинской архитектуры, между прочимъ, заключается въ характерическихъ перемѣнахъ, которыя претерпѣла на этой почвѣ самая внѣшность византійскаго зданія. И эта черта ясно указываетъ намъ на иные принципы, чѣмъ тѣ, которые руководятъ древне-христіанскою и раннею византійскою архитектурою: это принципы средневѣковые, заявляемые показною внѣшностью готическихъ соборовъ. Послѣ описанной характерной внѣшности (получающей, однако, свое полное выраженіе въ архитектурной орнаментикѣ), внутренность грузинской церкви почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной формы купольнаго зданія. Купольный сводъ покоится всегда на четырехъ столбахъ, обрамленныхъ пилястровыми выступами, на которыхъ покоятся высокіе коробовые своды нефовъ. Эти своды изрѣдка разнообразятся древне-восточною остроконечною формою (ц. св. Креста), или поздне-восточною въ формѣ сѣдла (Метехи), или даже копытообразною (въ Арменіи). Наиболѣе интереса представляетъ, несомнѣнно, иконостасъ, устройство котораго сохранило древнюю форму преграды или баллюстрады съ легкою аркадою, накрытою карнизомъ или антаблементомъ, на низкихъ и тонкихъ колоннахъ: эта преграда помѣщается всегда между двумя алтарными столбами, раздѣляющими главную абсиду отъ боковыхъ. Но послѣ того, какъ этотъ вопросъ о грузинскихъ иконостасахъ подвергся тщательному и подробному разсмотрѣнію въ извѣстномъ сочиненіи г. Филимонова «О первоначальной формѣ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ» (стр. 45—53), нѣтъ нужды вновь говорить объ этомъ. Позволимъ только себѣ прибавить по этому поводу одно замѣчаніе. Грузинскіе иконостасы не относятся къ той глубокой древности христіанскаго искусства, о которой говорятъ Дюбуа, Муравьевъ и др., приписывая ихъ, за нѣкоторыми исключеніями, VII, VIII стол. Какъ и самыя церкви Грузіи, иконостасы эти всего чаще принадлежатъ стол. XI, XII и т. д., немногія—IX и X. Вотъ почему мы не встрѣчаемъ въ Грузіи ни одного примѣра собственно античной алтарной преграды,

и нигдѣ также античной кладки,—а вездѣ оштукатуренную стѣнку *). Къ перечисленнымъ у г. Филимонова иконостасамъ можно прибавить еще каменный иконостасъ, сохранившійся въ церкви св. Георгія въ Гелатскомъ монастырѣ, и расписанный по стѣнкѣ, на подобіе завѣсы; затѣмъ—замѣчательный иконостасъ, сложенный изъ камня, высотою болѣе двухъ сажень, украшенный живописными фресковыми иконами въ рамахъ изъ плетенія, на высокомъ цоколѣ, нынѣ заставленъ досчатымъ иконостасомъ, по русскому образцу, до потолка: эта форма, вполнѣ соотвѣтствующая древнимъ каменнымъ иконостасамъ Россіи **), составляетъ второй типъ, въ которомъ стѣна замѣнила колоннаду, и, по времени появленія своего въ Грузіи, очевидно позднѣе обычной, а именно отъ XIII—XIV столѣтія, что согласно и съ нашимъ опредѣленіемъ даты самой церкви въ Урбниси. Но, конечно, самый любопытный памятникъ древняго иконостаса сохранился намъ въ церкви Іоанна Крестителя въ Сафарѣ, планъ которой нами приведенъ въ рис. 3. Дюбуа ***), обратившій особое вниманіе на скульптуры, покрывающія балюстраду иконостаса, ничего не сказалъ объ устройствѣ ея самой, между тѣмъ какъ оно заслуживаетъ само по себѣ внима-

*) Напрасно, поэтому, Дюбуа считаетъ иконостасъ Сіонской церкви въ Атени за позднѣйшую и притомъ грубую работу: изъ всѣхъ иконостасовъ, которые знаетъ Дюбуа, этотъ самый древній. Колонки его изъ мрамора, имѣютъ базы и капители—не разные, но одинаковые, слѣдовательно, не сборныя; капитель византійская, кубовая, а рисунокъ базы въ профиль указываетъ, что колонна не можетъ происходить изъ античнаго капища, какъ думаетъ Дюбуа.



Иконостасъ Шуамты, напротивъ того, гораздо позднѣе: видъ его убѣждаетъ, что онъ не только не принадлежитъ VIII вѣку, но не ранѣе XV столѣтія. См. рис. въ сочиненіи г. Филимонова, табл. XI.

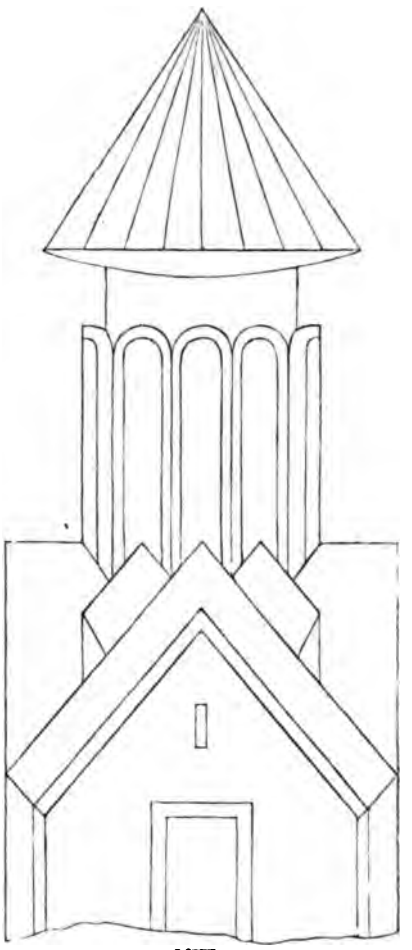
Приводимъ размѣры иконостаса въ Атени:

длина по фасу	11 арш.		
высота	4 —		
— стѣны или баллюстрады	1 —	12 вершк.	
ширина арокъ		—	14 —
— средняго входа . . .	1 —	5 —	

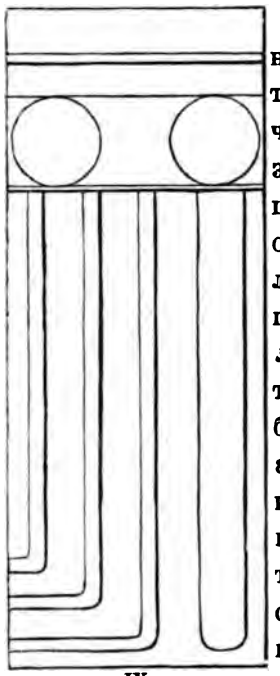
**) Г. Филимоновъ описываетъ такіе иконостасы въ Ростовѣ Великомъ, ib. стр. 56.

***) Ib., II, 297.

нія. Солея приняла здѣсь характеръ нашихъ клиросовъ, и по ихъ линіи, а равно и по обѣ стороны амвона, были разставлены устои или столбы, въ формѣ пилястровъ, а между ними уже—плиты поставленныя на ребро; тѣ и другіе вышиною 1 арш., 3 вершк. По концамъ, вѣроятно,—говоримъ: вѣроятно, потому что нынче не осталось уже камня на камнѣ, и всѣ части разметаны по церкви,—были поставлены столбы, приходившіеся также по обѣ стороны амвона, и имѣвшіе форму обыкновенной грузинской церкви съ высокимъ барабаномъ купола.


VIII.

Пилястровые столбы, напротивъ, представляютъ архитектурное расчлененіе, идущее изъ античнаго искусства, хотя крайне огрубѣлое.


IX.

Плиты, наконецъ, весьма богато и искусно расчлененныя гзымзами, полотнами, штабиками и пр., обрамлены великолѣпными каймами разныхъ рисунковъ, въ которыхъ грузинское плетеніе развилось уже въ прихотливые лиственные орнаменты на разнообразно переплетающихся вѣтвяхъ, что видно на рисункѣ у Дюбуа *) и что доказываетъ, лучше всѣхъ другихъ аргументовъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, что весь иконостасъ никакъ не можетъ быть ранѣе XI—XIII вѣка. Но мы находимъ еще болѣе любопытное и точное указаніе въ видѣ надписи на одномъ изъ этихъ столбовъ, разобранной акад. Броссе **). Такъ какъ въ ней говорится о Багратѣ и о Гавріилѣ деканозѣ и о томъ, что онъ раздѣлилъ..... (т. е. отдѣлилъ алтарь

*) Rapport, II, 127.
**) Атласъ, III, pl. XVI, fig. 10, 11.

преградою), а Гавріилъ былъ католикосомъ при Багратѣ IV, царствовавшемъ отъ 1027—1072, то ясно, что и иконостасъ этотъ по преимуществу должно отнести къ тому же времени, а не къ VII вѣку, какъ думали описатели, державшіеся исключительно легендарныхъ свидѣтельствъ. Всякій согласится притомъ, что и это время представляетъ почтенную древность, и слѣдовательно, скульптуры, украшающія эти плиты, должны имѣть достаточную важность для археологіи. Дюбуа не можетъ довольно восхвалить вкусъ, стиль и работу этихъ барельефовъ, и въ этомъ случаѣ совершенно правъ, говоря, что онъ былъ удивленъ, найдя въ такой непластичной странѣ, какъ Грузія, скульптуры подобной тонкой работы. Но очевидно, это не грузинская, а греческая работа, исполненная какимъ либо греческимъ художникомъ, какихъ много являлось въ это время въ Грузію. Техника барельефа представляетъ также нѣкоторыя особенности, а именно: фонъ вырытъ глубоко, какъ дѣлается обыкновенно для орнаментовъ, чтобы они лучше вырѣзывались на немъ, а самыя фигуры исполнены крайне тщательно, до мелочности, которая напоминаетъ собою византійскія финифти,— рисунокъ образуется чертою, проложенною на плоскости: контуромъ, а не рельефомъ, не возвышеніемъ. Эта же техника отличаетъ скульптуры и орнаментику позднѣйшихъ армянскихъ работъ. Но стиль нашихъ скульптуръ и исполненіе, дѣйствительно, отмѣчены большимъ вкусомъ и искусствомъ, хотя фигуры отличаются уже длиннотою поздне-византійскаго искусства. Особенно хорошо исполненъ Деисусъ, изображеніе Христа между Божіею Матерію и Предтечею. Далѣе слѣдуютъ четыре барельефа съ сюжетами изъ Евангелія: Рождество Іисуса Христа (фрагментъ: Анна несетъ Младенца въ купель, уголъ ложа Богоматери, богато украшеннаго рѣзьбою); Принесеніе во храмъ— четыре фигуры; три фигуры фрагментированнаго сюжета (Успеніе, по Дюбуа?) удивительной работы, Благовѣщеніе и Цѣлованіе Елисаветы.

Архитектурная орнаментація внутренности грузинской церкви отличается затѣмъ крайнею бѣдностью: эта орнаментація, какъ я говорилъ, сохраняетъ вполнѣ всѣ черты поздняго византизма. Самые простые гзымзы и карнизы отдѣляютъ пилястръ отъ подымающагося надъ нимъ свода. Только небольшія колонны на хорахъ и въ иконостасѣ напоминаютъ намъ о капителяхъ и базахъ, но ихъ художественныя формы особенно несложны и не разнообразны. Капитель непремѣнно въ бѣднѣйшей формѣ куба, отдѣленнаго отъ собственной капители, прежде подъ нимъ находившейся, іоническаго или коринѳскаго ордена; этотъ кубъ имѣетъ внизу округленіе граней, и такимъ образомъ непосредственно переходитъ въ круглую колонну, а вверху примыкаетъ къ

четыреугольному основанію арки; такая капитель особенно встрѣчается въ архитектурѣ съ X вѣка, хотя начало этой формы находится уже въ капителяхъ «Малой Софіи» Константинопольской. Въ Грузіи кубъ бываетъ лишенъ всякой орнаментаціи, и только въ Мцхетѣ, на колоннахъ хора, сохранились (по всей вѣроятности, отъ древней постройки) капители, украшенныя скульптурно-лиственнымъ орнаментомъ изъ искаженной пальметты и розетокъ.

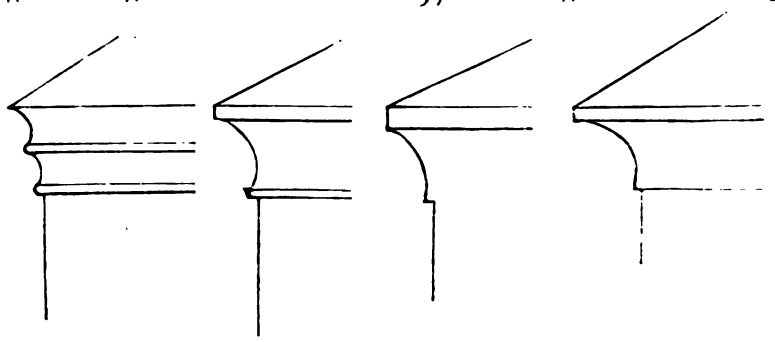
Въ старинное время грузинскія церкви имѣли, бывало, царскія двери, нерѣдко великолѣпной рѣзьбы, въ смыслѣ стиля и исполненія; но теперь все это исчезло, или развалилось, или разнесено любителями. Сохранилось нѣсколько рѣзныхъ балдахиновъ, принадлежащихъ, однакоже, позднѣйшему времени. Все остальное отличается бѣдностью украшеній и наготою, которую только отчасти, какъ увидимъ, прикрываютъ фрески. Только позднѣйшія капеллы или немногіе пристроенные съ XV вѣка придѣлы представляютъ иногда богатую орнаментацію потолка.

Тѣмъ значительнѣе выступаетъ орнаментація наружу, покрывая главнѣйшія части или члены архитектурнаго организма причудливымъ кружевомъ рѣзьбы и расчленяя стѣны смѣло задуманными и широко расходящимися арками. Этотъ принципъ особенно бросается въ глаза на церквахъ Арменіи, которыхъ фасады бываютъ покрыты рѣзьбою, надписями, отовсюду собранными скульптурами, а внутреннія стѣны поражаютъ своею наготою. Мы уже имѣли также случай замѣтить, что этотъ принципъ чуждъ византійскому искусству, что область его примѣненія—искусство средневѣковое, какъ романское, такъ и готическое. Въ самомъ дѣлѣ, византійская купольная архитектура не создала, въ собственномъ смыслѣ, даже фасада: этому препятствовали какъ формы купольнаго зданія, такъ и, главнымъ образомъ, принципъ византійской архитектуры. Если, слѣдовательно, византійская архитектура въ основномъ своемъ типѣ не разрѣшаетъ вовсе задачи органическаго фасада, то грузинская архитектура, которая прежде всего характеризуется оригинальными формами фасадовъ, представила, очевидно, въ этомъ случаѣ нѣчто новое, своеобразное. Замѣтимъ вообще, что этотъ новый элементъ и въ деталяхъ и особенно въ общемъ характерѣ своемъ сильно напоминаетъ типы такъ называемыхъ романскихъ церквей, и что фасады грузинскихъ церквей и аналогичныхъ имъ: сербскихъ, южно-италійскихъ прямо опредѣляются именемъ «романскіе». Мы разсмотримъ въ концѣ этого разсужденія вопросъ о значеніи этого термина, правахъ его примѣненія и условности его научнаго существованія, а теперь разсмотримъ, изъ чего составляется грузинскій фасадъ.

Грузинская церковь, соотвѣтственно базиличному характеру своего построенія и четыремъ оконечностямъ креста въ своемъ планѣ, имѣетъ или четыре фасада, или три: послѣднее—въ томъ случаѣ, если четвертая оконечность—абсида—выступаетъ полукружіемъ или многоугольникомъ изъ поверхности фасада на восточной сторонѣ.

Каждый грузинскій фасадъ, представляя собою стѣну, закрывающую главный нефъ и боковые, слагается изъ трехъ частей: средняго, высокаго фронтона и двухъ боковыхъ крыльевъ. Чѣмъ болѣе архитектура зданія приближается къ обычному типу грузинскихъ церквей, тѣмъ болѣе тянетъ вверхъ и куполъ, и тѣмъ болѣе подымаются эти фронтоны, и углы ихъ соединенія становятся острѣе; чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе приближаются они къ горизонтальной покрышкѣ; въ этой чертѣ, полной гармоніи и единства, и заключается первое условіе красоты грузинской архитектуры.

Крыша этихъ скатывающихся и опять подымающихся фронтоновъ, строго геометрически устроенныхъ, вѣнчаетъ стѣну крайне простымъ и вмѣстѣ характернымъ карнизомъ, неизмѣнно присутствующимъ во всякомъ грузинскомъ зданіи. Формы этого карниза (киматій или волна и одна или двѣ полочки—листели), какъ видно изъ этихъ рисун-



ковъ, весьма несложны. Но они воспроизводятъ одну изъ древнѣйшихъ формъ карниза, какая извѣстна въ исторіи искусства и которая, нося названіе дорическаго киматія (или волны) въ греческомъ искусствѣ, явилась, очевидно, еще на Востокѣ. Мы видимъ эту форму въ искусствѣ Египта, на стилобатѣ (верхняя, покрывающая плита) ассирійскихъ алтарей *), на памятникахъ Персеполиса и, главнымъ образомъ, на всѣхъ современныхъ и древнихъ постройкахъ Персіи, что́ легко можно видѣть, перелистовавши рисунки Фландэна **). Но въ Грузіи этотъ карнизъ лишенъ лиственнаго или инаго украшенія, которое ему свойственно въ принципѣ и является на этихъ памятникахъ.

*) Fergusson, ib., I, p. 168.
**) Coste et Flandin, Voyage en Perse, T. V. Perse moderne.

Три поля фасада обыкновенно раздѣлены бываютъ рамкою изъ трехъ арокъ, которыя назначены въ то же время выражать внутреннюю конструкцію нефовъ. Это арочное расчлененіе (подобное на церквахъ Солуни), слѣдовательно, не одно и то же съ обычнымъ въ романскомъ искусствѣ расчлененіемъ стѣны при помощи арочнаго фриза или пояса, которое всегда имѣло лишь характеръ внѣшней декораціи. Тѣмъ не менѣе и въ Грузіи эта форма, быть можетъ, подъ вліяніемъ западнаго искусства, непосредственнымъ—въ лицѣ пришлыхъ художниковъ и косвеннымъ—чрезъ знакомство съ его произведеніями на Востокѣ, рано получила также характеръ декоративный или орнаментальный. Подобную типическую форму представляютъ напр. церкви Икорты, Самтависа, Эрта-Цминды, Руиси, Мцхета и т. д. Иногда она усложняется тѣмъ, что вмѣсто трехъ арокъ бываетъ пять, при чемъ двѣ огибаютъ или обрамляютъ тѣ треугольныя ниши, о которыхъ мы уже говорили. Такъ видимъ мы эту форму на знаменитомъ соборѣ Кутаиса *). Арки и здѣсь уже образованы тонкими колонками, которыя тянутся отъ фундамента къ крышѣ и обыкновенно бываютъ сцѣплены группами изъ двухъ, трехъ, или даже снопами изъ шести, семи. Первая форма встрѣчается на древнѣйшихъ церквахъ: Гелатскихъ, Сафара; вторая принадлежитъ позднѣйшему періоду. Согласно съ этимъ, и самыя арки въ первомъ случаѣ обрамляютъ широкія окна и доходятъ лишь до пояса нижняго этажа, а во второмъ—до самаго фундамента, чѣмъ опять таки усиливается выраженіе стройности и стремленіе вверхъ. Но характеристика этой декораціи не останавливается на простомъ расчлененіи: въ позднѣйшихъ постройкахъ,—т. е. начиная съ XIII вѣка,—изогнутыя, перекрученныя линіи гзымзовъ, вьющихся въ видѣ тростниковыхъ стеблей по фасадамъ церквей, представляютъ такое отсутствіе архитектурнаго смысла и такой произволъ воображенія, что можетъ быть уподоблено только фантастическимъ декораціямъ древнихъ мексиканскихъ зданій, и вообще первоначальнымъ дѣтскимъ начинаніямъ этого рода, встрѣчающимся въ эпоху огрубѣнія вкуса и вторженія сѣверныхъ элементовъ въ искусство **). Колонки эти уподобляются уже прямо жердямъ, на которыхъ подвѣшены, такъ сказать, различныя архитектурныя украшенія: такъ, средняя арка поддерживаетъ на опускающейся изъ ея вершины жерди (иногда снопъ такихъ жердей) колоссальный крестъ въ рельефѣ, украшенный плетеніемъ, ниже—ромбъ, наполненный тѣми же орнаментами, а вверху иногда розетку или двѣ; на боковыхъ аркахъ, въ соотвѣт-

*) Dubois, atlas, III, pl. 13, 14.

**) Ср. фасъ церкви св. Фрона въ Перигё. Kugler, Handb. d. Arch., II, p. 174.

ствіе съ этимъ, размѣщены также розетки, ромбы и пр.; что особенно безобразно,—иногда подвѣшиваются и самыя окна въ рамкахъ съ плетеніемъ. Чѣмъ колоссальнѣе, поэтому, зданіе, тѣмъ причудливѣе кажется эта декорація, какъ напр. на восточномъ фасадѣ Мцхетскаго собора. Но эта черта, вполнѣ чуждая византійскому искусству, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ въ системѣ грузинской архитектуры. Извѣстно, что эти тонкія колонки (вѣрнѣе, полуколонки или лизены—родъ высокихъ пилястровъ), снопами подымающіяся на поверхности и составляющія существенное явленіе въ позднѣйшихъ ея произведеніяхъ, совершенно отсутствуютъ въ древнѣйшихъ, каковы церкви Креста, Атени и др.,—собственно византійскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и первые наблюдатели замѣтили соотношеніе этихъ формъ съ орнаментаціею романской и готической архитектуры, но не указали ближайшей аналогіи. Между тѣмъ для всякаго непредубѣжденнаго взгляда ясно, что эта орнаментація ничего общаго не имѣетъ съ аркадами готическихъ церквей Бургундіи и Нормандіи, такъ какъ самыя основы ихъ рѣзко разнятся. Напротивъ того, романскія церкви Италіи XI и XII в., особенно Ломбардіи, построенныя разбогатѣвшими общинами Вероны, Бергамо, Пармы, Піаченцы, Павіи, Милана, Лукки, Феррары, Модены и пр., даютъ намъ и самые характеристическіе образцы этой декораціи. Впослѣдствіи мы позволимъ себѣ войти въ болѣе подробную оцѣнку отношенія этихъ памятниковъ къ грузинскимъ церквамъ, а теперь замѣтимъ только, что эти памятники, какъ доказано замѣчательнымъ изслѣдованіемъ графа Санъ-Квинтико, принадлежатъ области византійской же архитектуры въ смыслѣ дальнѣйшаго ея развитія на почвѣ Италіи. Что касается декораціи фасадовъ и стѣнъ этими тонкими пилястровыми колонками или лизенами, то, на основаніи словъ Кассіодора (друга Теодориха и извѣстнаго писателя) *), эту форму слишкомъ рѣшительно относятъ къ традиціямъ римскимъ, вмѣстѣ съ самыми памятниками. Но для насъ въ настоящее время всего важнѣе то обстоятельство, что памятники эти, какъ теперь окончательно доказано, принадлежатъ именно указанной эпохѣ XI и XII, рѣже XIII столѣтій. Соборъ въ Новарѣ XI стол., церковь св. Михаила въ Павіи конца XI или начала XII столѣтія, св. Амвросія въ Миланѣ (перестроенъ въ XII стол.) и особенно св. Зенона въ Веронѣ XII вѣка представляютъ эту декорацію во всемъ ея цвѣтѣ и значеніи, какъ въ расчлененіи стѣнъ, такъ и преимущественно фасадовъ. Конечно,

---

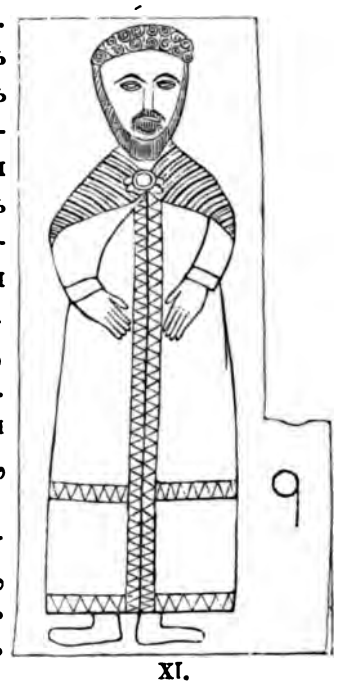
*) Quid dicamus columnarum junceam proceritatem? Moles illas sublimissimas quasi quibusdam erectis hastilibus contineri substantiae qualitate concavis canalibus excavatas vel magis ipsas aestimes esse transfusas. Lib. VII, c. 15. Fergusson, ib. II, 185, прим. 1. Видъ ц. Павіи G. Knight, Eccl. arch. of Italy, 1843, т. XV.

формы явленія здѣсь гораздо шире, богаче, изящнѣе, но и сущность, и типъ его тѣ же. Слѣдовательно, историку вовсе не приходится въ данномъ случаѣ наблюдать какую либо аномалію въ движеніи искусства, разъединяя аналогичныя формы въ искусствѣ Грузіи и Италіи, въ то время, когда можно положительно утверждать, что оба явленія одновременны. Между тѣмъ многіе изъ непосредственныхъ изслѣдователей памятниковъ Грузіи, прійдя къ сопоставленію этой формы декораціи съ готическими снопами колоннъ, подпирающихъ своды, должны были утвердить странный фактъ, что художественная форма, спеціально принадлежащая Западу, родилась или возникла прежде въ Грузіи. Заключимъ тѣмъ, что сопоставленіе здѣсь было невпопадъ, и что форма большихъ колоннъ или столбовъ въ видѣ снопа тростниковыхъ стеблей и въ Грузіи есть черта позднѣйшей архитектуры, заимствованная непосредственно съ Запада, и потому не можетъ возбуждать какихъ бы то ни было сомнѣній и недоумѣній по вопросу о ея употребленіи въ грузинской архитектурѣ: присутствіе этой формы указываетъ, что постройка исполнена не ранѣе XIII или XIV вѣка.

III.

Фасадъ грузинской церкви украшается часто скульптурами, которыя въ видѣ небольшихъ плитъ размѣщаются обыкновенно по восточному фасаду, рѣже—по западному и только исключительно по остальнымъ, какъ вообще въ церквахъ т. наз. романской архитектуры. Что касается затѣмъ самой манеры распредѣленія этихъ плитъ по фасаду, то нѣкоторая система орнаментаціи замѣчается лишь въ самыхъ древнихъ храмахъ, какъ напр. Креста, Атенскомъ, Мартвили, Кутаисскомъ и др., и также въ самыхъ позднѣйшихъ, когда архитекторы пользовались готовыми плитами отъ прежнихъ построекъ, для размѣщенія ихъ среди причудливыхъ сплетеній изъ колоннъ, крестовъ, розетокъ и пр.,—что́ составляетъ также черту позднѣйшихъ армянскихъ церквей. Участіе скульптуры въ собственной архитектурной орнаментикѣ, напр. въ капителяхъ колоннъ, ключахъ сводовъ и пр., какъ въ романскихъ храмахъ, въ Грузіи есть явленіе рѣдкое или даже исключительное, временное, какъ напр., въ архитектурѣ Кутаисскаго собора и Мартвили (и отчасти Атенской ц.); извѣстно, что въ томъ и другомъ храмѣ орнаментика представляетъ разныхъ фантастическихъ звѣрей, сиренъ, звѣрей съ птичьей головою, тигровъ, львовъ, которые нападаютъ на оленей, змѣй, голубей и пр.,—сюжеты, кото-

рые столько же принадлежатъ Востоку, сколько могли явиться подъ вліяніемъ западныхъ мастеровъ (ср. скульптуры ц. въ Мистрѣ, др. Спартѣ, Софіи въ Трапезундѣ и пр.). Въ Кутаисской церкви на зап. сторонѣ видны еще (не отмѣчены у Дюбуа) двѣ полуразрушенныя головы, обращенныя другъ къ другу, въ замкѣ двухъ арокъ; воинъ въ панцырѣ поддерживаетъ кубъ капители *). Въ сравненіи съ этими чисто средневѣковыми западными формами, рельефы, вдѣланные въ стѣну Мартвили **), съ изображеніемъ царя, возлежащаго на одрѣ и пьющаго изъ чаши, въ присутствіи слуги, и разныхъ орнаментальныхъ сюжетовъ вокругъ, какъ напр. грифоновъ, волка, терзающаго человѣка, и пр., болѣе напоминали бы античное и восточное искусство. Наоборотъ, вполнѣ самостоятельное значеніе имѣютъ древнія рельефныя иконы на церквахъ Креста и Атени, которыя и содержаніемъ, и манерою указываютъ на византійское происхожденіе: извѣстно также, что со времени собора 787 года разрѣшеніе дѣлать рельефныя иконы, при запрещеніи статуй, вызвало нѣкоторое оживленіе скульптуры. Особенное обиліе представляетъ Атенская церковь, которой скульптурныя украшенія отчасти древнѣе самой постройки, отчасти ей современны, слѣдовательно также очень древни, и доселѣ описаны только у Дюбуа, но не всѣ и весьма поверхностно. На зап. сторонѣ нѣсколько плитъ, вдѣланныхъ въ стѣну, гдѣ попало: Самсонъ раздираетъ льва; ангелъ благовѣствуетъ Захаріи, держащему кадило; всадникъ сассанидскій; фигурки агнцевъ; окрыленное морское чудище; царь отдаетъ приказаніе двумъ придворнымъ въ сассанидскомъ костюмѣ, сидя на креслѣ, ручки котораго украшены бараньими головками. Любопытнѣе ихъ фигура мужчины en face, въ длинной одеждѣ съ шитою каймою (рис. XI) и бармами; волосы на головѣ обработаны въ видѣ завитковъ, по ассирійски; очевидно, изображеніе царя.



XI.

На в. сторонѣ среди мелкихъ плитъ съ изображеніями голубя, Богоматери (безъ нимба), Святыхъ и пр., царь въ длинной одеждѣ, съ мелкими гофрированными складками, подноситъ

*) Плита отъ консоли, вдѣланная въ стѣну ц. Эрта-Цминда, представляетъ грубо фигуру человѣка, ломающаго палку (скипетръ? мечъ?) на колѣнахъ.

**) Dubois, atl., serie III, pl. 21, fig. 8.

та,—декорація и по самому производству спеціально восточная и, между прочимъ, русская.

Но, несомнѣнно, важнѣйшій родъ орнаментаціи въ грузинской архитектурѣ принадлежитъ собственному орнаменту, притомъ въ той характеристической формѣ различнымъ образомъ перевитыхъ лентъ или тесьмъ, которую, для краткости, принято называть «плетеніемъ». Также извѣстно, что эта форма плетенія до такой степени тѣсно слилась съ грузинскою архитектурою, что считается существеннымъ ея достояніемъ, и что узаконено даже названіе «грузинскаго плетенія». И дѣйствительно, какъ съ одной стороны всякая, большая и малая, древняя и новая церковь въ Грузіи всегда представляетъ эту орнаментацію, такъ, съ другой, за предѣлами Грузіи и Арменіи нигдѣ она не имѣла и приблизительно такого широкаго примѣненія. Но этимъ первымъ наблюденіемъ, понятно, вовсе не заканчивается еще вопросъ о происхожденіи, развитіи и судьбахъ этого любопытнаго орнамента. Орнаментика зданія есть жизнь его, духъ его, она даетъ ему опредѣленную физіономію: если, слѣдовательно, мы докажемъ, что плетеніе въ Грузіи есть туземный орнаментъ, самобытный, то мы должны будемъ согласиться, что византійская архитектура тутъ представила особую племенную разновидность. Это—орнаментика архитектурная, тѣсно связанная съ конструкціею зданія; она коренится въ этомъ отношеніи въ преданіяхъ античныхъ и совершенно противоположна орнаментикѣ магометанскаго востока, покрывающаго стѣны пестрыми узорами ковровъ, чтобы вознаградить богатствомъ деталей отсутствіе архитектурной мысли. Это плетеніе имѣетъ монументальный характеръ въ основаніи своемъ, ибо переплетеніе прямолинейныхъ фигуръ и окружностей, расцвѣченныхъ разными красками, составляетъ также существенную форму монументальныхъ мозаическихъ украшеній византійскаго храма. Мѣста размѣщенія этой монументальной орнаментики также соотвѣтствуютъ вполнѣ этому характеру: кубы капителей, четыреугольныя стороны пьедесталовъ, арка самаго окна и двери и арки ихъ огибающія или наружныя, пояса карнизовъ, гзымзъ и всякихъ пересѣченій, ребра сводовъ и центры ихъ пересѣченій и т. д. Только въ Арменіи эта строго опредѣленная область расширяется, подъ условіемъ отсутствія истиннаго пластическаго смысла и непосредственнымъ вліяніемъ востока: такъ въ пространствѣ большаго фронтоннаго рельефа (Христосъ женихъ въ чертогѣ, среди мудрыхъ и глупыхъ дѣвъ), фонъ весь заполненъ плетеніемъ, которое представляетъ явное воспоминаніе восточнаго ковра *). Тамъ же плетеніе перехо-

*) Гриммъ, l. c., livr. IV, 3, a.

грузинскую деталь—плетеный въ розеткѣ крестъ. Цѣлые поясà на абсидахъ наружной стороны ц. св. Апостоловъ въ Солуни *) обдѣланы зигзаговыми линіями, ромбами, меандрами, которые своею многочисленностію и чередованіемъ разныхъ фризовъ ближе всего къ Грузіи, гдѣ собственное плетеніе часто уступаетъ мѣсто сквозной рѣзьбѣ (какъ по дереву), обыкновенно въ формѣ кружечковъ и крестовъ, рядами подымающихся по штабику **),—форма обычная и въ русской строительной орнаментикѣ. Плетеніе изъ крученой тесьмы въ видѣ ковра, покрывающаго поле, и искусныхъ завитковъ, сцѣпляющихся другъ съ другомъ и образующихъ канву, видимъ мы на балюстрадѣ, замыкающей солею хора въ базиликѣ св. Климента ***): среди другихъ, несомнѣнно, византійскихъ орнаментовъ балюстрады, и это плетеніе, надо думать, также византійскаго происхожденія.

Но плетеніе есть, несомнѣнно, та форма орнаментики, которая преобладаетъ въ мелкихъ издѣліяхъ древне-византійскаго искусства и промышленности, какъ любимая, привычная, всегда понятная и древнѣйшая форма; начиная съ геометрическихъ рисунковъ мозаикъ въ древне-алжирскихъ церквахъ, всевозможныхъ кружковъ, медальоновъ, ромбовъ и пр., и въ самой Византіи находимъ этотъ типъ. Рамки миньятюръ со многими внутренними большими и малыми полями образованы часто плетеніемъ: таковъ древнѣйшій обращикъ рамки въ миньятюрѣ рукописи Діоскорида въ Вѣнѣ (около 500 г., византійская). Орнаментація древняго собора въ Аквилеѣ также исполнена плетеніемъ, внутри котораго разные звѣри, птицы и пр., символическаго и реальнаго содержанія. Притомъ орнаментика эта въ чистомъ видѣ сравнительно рѣдко появлялась на западѣ, въ средѣ такъ называемаго романскаго искусства, и потому формы перевитыхъ кружковъ и вообще геометрическихъ фигуръ въ рисункѣ окна XII стол. (1141 г.) церкви изъ окрестностей Лиможа, хотя встрѣченныя наряду съ другими лиственными орнаментами, возбудили особенное вниманіе французскихъ археологовъ ****).

Наиболѣе широкое пользованіе этой формой въ монументальной орнаментикѣ представляетъ извѣстный атріумъ базилики св. Амвросія въ Миланѣ, гдѣ порталъ изукрашенъ разнообразнымъ плетеніемъ, въ которомъ встрѣчаются тѣ же вписанные и подвѣшенные кресты. Въ той же базиликѣ находится и каѳедра XII вѣка, покрытая плетеніемъ, особенно въ фризахъ, капителяхъ и пр. *****).

---

*) Ibid. pl. 46.
**) Гримма l. c. livr. I.
***) Seroux d' Agine. Arch. tav. XVI, ll.
****) Didron, Annal. Arch. X, pl. p. 86.
*****) Knight, Eccl. arch. of Italy, т. 24.

Такимъ образомъ, эта форма появляется на западѣ, приблизительно, въ то самое время, когда она начинаетъ исчезать въ собственно византійскомъ искусствѣ, орнаментація котораго съ IX вѣка пользуется совершенно иными началами. Только мѣстности христіанскаго Востока, какъ Малая Азія, Сирія, Египетъ, сохраняютъ и разрабатываютъ эту форму: такъ въ рукописяхъ сирійскихъ мы неизмѣнно встрѣчаемъ заставки и большіе кресты изъ плетенія.

Нужно затѣмъ отдать полную справедливость грузинскому искусству, что оно съумѣло самымъ широкимъ образомъ воспользоваться этою формою и, за отсутствіемъ другихъ пластическихъ украшеній, разработать ея виды полнѣе всѣхъ другихъ мѣстностей, гдѣ только эта форма ни являлась: ни въ собственной Византіи, ни въ мѣстностяхъ, гдѣ находимъ отсадокъ ея искусства,—напр. въ сѣверной Италіи, а особенно въ Венеціи,—ни въ Сербіи *), ни въ Россіи, нигдѣ не встрѣчаемъ мы такой полной разработки. Исключеніе составляетъ Ирландія, которой архитектурная орнаментика столь походитъ на грузинскую, что извѣстный Фергюссонъ въ своей Исторіи архитектуры **), основавшись на томъ положеніи, что Грузія и Арменія представляютъ развитіе восточныхъ элементовъ въ архитектурѣ, пришелъ къ предположенію, что этотъ орнаментъ былъ перенесенъ въ Ирландію изъ Персіи, во время гоненій на христіанъ въ VI столѣтіи. Не ближе ли думать, что и Ирландія, какъ Грузія, получила его мотивы изъ своего художественнаго источника—Византійскаго Востока и, сошедшись съ Грузіей въ общемъ непониманіи пластики, разработала самостоятельно эту форму: извѣстно, что самыя формы человѣческаго тѣла здѣсь являются въ видѣ причудливыхъ, фантастическихъ плетеній.

Но формы грузинскаго плетенія, даже въ сравненіи съ ирландскими, имѣютъ первенствующее значеніе: его характеръ болѣе правиленъ, рисунокъ орнаментовъ ясенъ, назначеніе и смыслъ рисунка всегда соотвѣтствуютъ монументальнымъ цѣлямъ и никогда не подчиняются хаотическому произволу воображенія и игрѣ формами. Но, уступая общему художественному движенію, эта орнаментика, начиная съ XII стол., мало по малу проникалась новымъ, болѣе жизненнымъ началомъ. Это начало, внесшее въ орнаментъ растительныя формы, извѣстно подъ условнымъ именемъ «готическаго» и преобразовало средневѣковое искусство. Соотвѣтствующее движеніе въ Грузіи было, конечно, крайне слабо: оно отозвалось только въ незначитель-

---

*) Образцы плетенія по окнамъ, розеткамъ, карнизамъ и пр. изъ Раваницы, см. у Канитца, Serbiens byzantinische Monumente, табл 6.

**) L. c. I, p. 345, 346.

ной примѣси лиственныхъ орнаментовъ къ романскому плетенію; но историческій интересъ его не становится отъ этого меньше. Къ XV стол. растительный орнаментъ беретъ почти окончательный перевѣсъ надъ плетеніемъ, и, несмотря на продолжающееся художественное безсиліе, видимо пытается измѣнить прежнія формы. Это «процвѣтеніе жезла Ааронова», это оживленіе мертвыхъ лентъ, переплетающейся тесьмы листвою, сначала изрѣдка, мѣстами, потомъ шире и шире, очевидно, совершалось подъ вліяніемъ западнымъ и можетъ служить для насъ хронологическимъ мѣриломъ для памятниковъ. Въ Кутаисскомъ соборѣ листва мѣшается еще съ схемою плетенія, а въ Мартвили растительныя формы лишь вспоминаютъ строгіе классическіе мотивы византійскаго искусства (пальметты, перевитыя багетки и пр.) Напротивъ того, церкви XI, XIII и особенно XV вѣковъ: Самтависъ, Икорта, Эрта-Цминда и Мцхетъ пользуются шире всего листвою: волюты здѣсь оканчиваются вѣткою растенія, въ промежуткахъ помѣщены листья и цвѣтки.

Образцы же наиболѣе искуснаго или даже художественнаго развитія этой грузинской готики въ орнаментѣ, происходя изъ эпохи распаденія и разрушенія Грузіи и не принадлежа, поэтому, къ монументальнымъ памятникамъ, теперь болѣе и болѣе исчезаютъ и, кажется, скоро будутъ лишь храниться въ преданіи. Это—мелкія работы, рѣзьба по дереву, старинныя царскія двери, рѣзные балдахины и пр., чѣмъ когда-то были полны и славились грузинскія церкви и монастыри и что теперь можно встрѣтить лишь въ глуши Грузіи, если что случайно уцѣлѣло отъ любителей.

Но вся эта орнаментація наружной стороны грузинскаго храма въ древнѣйшую эпоху всегда уступала въ значеніи фресковой живописи, покрывавшей обширныя поля внутреннихъ стѣнъ. И наоборотъ, эта черта, существенно характеризующая архитектуру византійскую и древне-христіанскую, исчезаетъ въ позднѣйшія времена Грузіи, когда отсутствіе живописцевъ, постоянныя нападенія и обѣдненіе страны, вмѣстѣ съ забвеніемъ преданія, ввели въ обычай оставлять стѣны церквей бѣлыми, безъ всякихъ украшеній. Изъ перечисленныхъ нами церквей лишь очень немногія расписаны внутри, да и изъ нихъ большая часть не сохранила эту роспись въ достаточной цѣлости: бѣшеные Лезгины изуродовали ихъ мѣстами, выколовши глаза у фигуръ; а болѣе всего, запущенность церквей, сырость и вообще невѣжественное обращеніе губили и губятъ эти фрески во множествѣ. Наиболѣе интересные остатки живописи находятся въ Гелати, Мцхетѣ, Тимоти-Сманѣ, Сафарскомъ монастырѣ,—гдѣ маленькая церковь св. Марины полна фресками, а другая во имя Іоанна Крестителя съ портретами

царствующаго дома,—въ Вардзіе, съ подобными же изображеніями, Пицундѣ и пр.

Способъ расписанія церкви ничѣмъ не отличается отъ византійскаго, какъ онъ сложился окончательно въ позднѣйшемъ періодѣ. Однако намъ не случилось ни разу видѣть въ Грузіи фресокъ въ небѣ и шеѣ купола. Въ абсидѣ или Спаситель съ Евангеліемъ благословляющій, по сторонамъ его Апостолы, или же—Божія Матерь, «Ширшая небесъ», по сторонамъ архангелы, Михаилъ и Гавріилъ, въ молитвенномъ предстояніи; ниже—Іерархи и фризъ изъ штучной работы, какъ бы мозаичный наборъ. На сѣв. и южной сторонѣ главнѣйшіе сюжеты новаго завѣта: Распятіе, Сошествіе во адъ, Успеніе и входъ въ Іерусалимъ, Вознесеніе; на западной—Христосъ въ славѣ, Деисусъ, ангелы, архангелы и пр., какъ въ Тимоти-Цманьской церкви (по росписанію византійскому—въ шеѣ купола).

Особенно любопытныя, хотя поздняго происхожденія, фрески представляетъ храмъ въ Мцхетѣ. На ю. стѣнѣ нарисованъ Страшный Судъ, гдѣ Христосъ въ вѣнцѣ изъ чиновъ ангельскихъ и кругѣ Зодіака, и притомъ въ позѣ, которая крайне близка къ фигурѣ знаменитаго «Суда» въ пизанскомъ Кампо-Санто (по манерѣ рисунка и по содержанію, фреска должна относиться къ XVII или даже XVIII ст.). Далѣе, тамъ же сцены Апокалипсиса. На сѣв. стѣнѣ Іисусъ «Недреманное око», два ангела опахаютъ Его рипидами, а возлѣ Исаія, съ пророчествомъ на свиткѣ. Сцены на стѣнахъ нефовъ содержатъ внутренній параллелизмъ.

Что касается мозаикъ, то онѣ встрѣчаются лишь въ самую раннюю пору процвѣтанія грузинской архитектуры и въ такихъ знаменитыхъ святыняхъ, какъ напр. Гелатскій монастырь и др. Эти мозаики, какъ византійская работа, отличаются и гораздо бо̀льшимъ совершенствомъ въ художественномъ отношеніи; собственно же грузинская живопись представляетъ крайній упадокъ византійскаго стиля: до-нельзя преувеличенная длиннота пропорцій, мертвенная, синеватая блѣдность одеждъ и лицъ, грубость рисунка и всѣ недостатки неумѣлой копировки дѣлаютъ то, что видъ фрески въ грузинской церкви, особенно, когда она представляетъ большія или колоссальныя фигуры Христа и Апостоловъ, положительно отталкиваетъ зрителя, даже привычнаго къ сухой и суровой византійской живописи. Поэтому особенно странно мнѣніе, высказанное Шнаазе въ его заключительномъ обозрѣніи вѣтвей византійскаго искусства *), будто бы живопись Грузіи и Арменіи хотя и не отличается бо̀льшею жизненностью, но все-таки не

*) l. l. III, p. 371.

такъ мрачна и мертвенна какъ русская! Авторъ, очевидно, судилъ только по пестрымъ и чрезвычайно слабымъ по рисунку снимкамъ Дюбуа съ портретныхъ изображеній грузинскихъ царей, и пришелъ бы къ другому рѣшенію, если бы имѣлъ случай взглянуть на фрески даже въ такихъ церквахъ, какъ Мцхетская.

Если намъ удалось, хотя въ общихъ чертахъ и на первый разъ предположительно, показать, что и въ грузинской архитектурѣ есть движеніе, есть исторія, а не одно только мертвое повторяніе оцѣпенѣвшихъ формъ, какъ принято глядѣть на все восточное вообще и византійское въ частности, то само собою понятно, что чрезъ это мы получаемъ право разсуждать о разнообразныхъ отношеніяхъ этой архитектуры, какъ извѣстнаго отдѣла въ исторіи христіанскаго искусства, къ другимъ ея эпохамъ. Установить эти отношенія особенно важно въ тѣхъ видахъ, чтобы уяснить положеніе обще-византійскаго искусства въ исторіи и возвратить его отдѣламъ истинно имъ принадлежащее мѣсто, изъ котораго нынѣ они вытолкнуты насильственно, благодаря разнымъ теоріямъ. И такъ, задачею будущаго описанія грузинской архитектуры должно быть опредѣленіе того мѣста, которое она занимаетъ въ исторіи византійскаго искусства вообще, затѣмъ— тѣхъ отношеній, въ какихъ стоитъ она къ другимъ отдѣламъ его и, наконецъ, къ общехристіанскому искусству. Что касается перваго, то въ предыдущемъ разсужденіи мы старались указать вообще мѣсто нашего отдѣла въ исторіи, а именно—показать, что грузинская архитектура пользуется всѣми существенными элементами византійской: планомъ, купольною основою и пр. Но затѣмъ характеръ этихъ основныхъ элементовъ, какъ и было говорено, представляетъ извѣстную формацію позднѣйшаго времени, осложненную притомъ въ деталяхъ такими чертами, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ собственно византійскомъ искусствѣ, понимая подъ нимъ, какъ принято, только явленія искусства въ періодъ Византійской Имперіи и на византійской почвѣ. Позволимъ себѣ въ заключеніе сказать объ этомъ нѣсколько словъ. Много разъ уже была указываема близость отношеній между грузинской архитектурою и русскою древнѣйшаго періода, и притомъ не только въ планѣ, но и въ украшеніяхъ *). Планъ церкви въ Мокви тожественъ съ св. Софіей Новгородской, и для Фергюссона **) это указываетъ на связь страны. Далѣе, сравниваютъ Кіевскій соборъ съ

*) Филимоновъ, ib. p. 52.
**) l. c. II, p. 339.

искусства *); «наоборотъ, въ Азіи, подчиняясь самостоятельному движенію, онъ исполнялъ постройки, въ которыхъ оказываются элементы позднѣе развившагося византійскаго стиля». Но было бы положительною ошибкою на этомъ основаніи относить грузинскую архитектуру,—хотя въ ней есть, несомнѣнно восточные элементы,—къ области исторіи искусства на Востокѣ, разрывая, такимъ образомъ, живую связь ея съ общимъ ходомъ христіанскаго искусства.

Прежде всего, самое сходство грузинскихъ церквей съ поздне-греческими указываетъ на общность художественныхъ началъ съ западомъ, ибо эти послѣднія церкви, какъ доказано, создались подъ непосредственнымъ вліяніемъ западнаго искусства, если не были даже построены западными архитекторами. Церкви Палестины представляютъ также весьма много сходства съ грузинскими; ихъ фасады также орнаментированы тонкими колонками и пилястрами, устремляющимися вверхъ, а ребра сводовъ—шнурами и кантами. Между тѣмъ изслѣдованіе Вогюэ доказало, что изъ этихъ церквей (всегда купольныхъ) весьма многія суть собственно латинскія постройки крестоносцевъ, начиная съ 1100 г., а архитектура ихъ вообще носитъ явный отпечатокъ современнаго стиля во Франціи. А это послѣднее обстоятельство настоятельно требуетъ отъ насъ признать франкское же вліяніе въ готическихъ деталяхъ греческихъ церквей. Но нельзя согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, что фронтонная форма крыши въ этихъ церквахъ есть продуктъ армянскаго вліянія, и что вліяніе Европы на Грецію могло идти черезъ Грузію. Наоборотъ, гораздо естественнѣе принять фактъ перехода различныхъ западныхъ формъ въ Грузію черезъ посредство Греціи и Палестины съ Малой Азіей, гдѣ въ XI вѣкѣ существовало Армянское королевство. Далѣе, многіе замѣтили общность архитектурныхъ грузинскихъ формъ съ Ирландіей, и вотъ Фергюссонъ **), на всякій случай предлагая это сходство считать случайнымъ, находитъ однако же возможнымъ перенесеніе армянскихъ формъ изъ Персіи въ Ирландію, во время преслѣдованій христіанъ въ Персіи въ V и VI вв.,—т. е. тогда, когда эти формы не могли и существовать. Общій видъ грузинской церкви, ея планъ и украшенія въ значительной степени походятъ на храмы южной Италіи, которые притомъ и современны грузинскимъ, хотя, въ отличіе отъ предыдущихъ, относятся обыкновенно къ романской, а никакъ не къ византійской архитектурѣ.

Итакъ, грузинская архитектура скорѣе можетъ быть отнесена къ романской, нежели къ византійской, если только принимать обыч-

---

*) Encykl. v. Ersch u. Gruber, 84 r. Theil, p. 317.
**) l. c. II, p. 345.

ныя рубрики искусства. Но что́ такое сама романская архитектура? Настолько ли этотъ терминъ ясенъ и точенъ, чтобы простое подведеніе подъ его рубрику характеризовало предметъ, какъ напр. «готическій» и др. (мы разумѣемъ здѣсь содержаніе этого понятія, количество точныхъ признаковъ, а не его наименованіе, которое можетъ быть совершенно условно)? На самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о самомъ организмѣ романской архитектуры, ни о томъ, гдѣ она возникла, гдѣ развилась. Романскихъ элементовъ ищутъ всюду: во Франціи и Италіи столько же, какъ въ Германіи и Англіи, Сербіи и Грузіи. У Итальянскихъ историковъ архитектура романская называется ломбардской, у Англичанъ саксонской, у Нѣмцевъ— прежде византійской, теперь романской! Во всѣхъ этихъ и подобныхъ названіяхъ, не исключая самаго термина «романскій», очевидно, только то общаго, что каждая средневѣковая народность видѣла въ этомъ періодѣ архитектуры самобытное національное развитіе древняго преданія, которое въ одномъ случаѣ даже и названо прямо «византійскимъ». Затѣмъ, строго говоря, всѣ эти названія лишь относительно вѣрны, но во всякомъ случаѣ проще и ближе къ правдѣ, чѣмъ общее названіе «романскій», которое есть уже ученая попытка опредѣлить искусство и указать его родину. Дѣйствительно, собственно романскія націи сравнительно мало знали романскую архитектуру: во Франціи уже съ 1150-хъ годовъ является оживальная арка, развившая простую систему древнехристіанской базилики до блестящаго собора Парижской Богоматери; а церкви X или XI стол. или приближаются скорѣе къ древнехристіанскимъ, или прямо носятъ характеръ византійскій, какъ напр. въ Аквитаніи, с. Фрона въ Перигё и др. Въ самой Италіи «ломбардскій» стиль, хотя и выставляется обыкновенно прототипомъ романскаго, оказывается въ прямой зависимости отъ собственно византійскаго,—есть его родимое дѣтище. Что касается южной Италіи, то расцвѣтъ искусства принадлежитъ тамъ по преимуществу восточнымъ колоніямъ: Амальфи, Атрани и др., гдѣ всегда царило византійское вліяніе; нѣтъ нужды говорить о Сициліи съ ея соборомъ Монреале. Мысль, что самый «звѣриный» стиль въ орнаментикѣ скульптурной и живописной происходитъ также съ востока, въ противуположность тому мнѣнію, которое этому стилю приписываетъ сѣверное происхожденіе или даже исключительно германское, пріобрѣтаетъ въ послѣднее время болѣе и болѣе приверженцевъ и твердую почву въ сравнительной археологіи.

Если же романская архитектура есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе византійской и древнехристіанской на національной почвѣ, то легко понятно будетъ и то разнообразіе, которое открывается въ

этой области. Оставляя узкую и до нельзя избитую точку зрѣнія о зависимости одной мѣстности отъ другой и нелѣпыя мысли о возможности переноса орнаментики изъ Арменіи въ Ирландію какими нибудь бѣглецами христіанами, мы получимъ тогда широкую область общаго и народнаго движенія въ искусствѣ, охватившаго весь христіанскій міръ въ началѣ среднихъ вѣковъ, отъ Ирландіи до Греціи и далекой Грузіи. Тогда объяснится намъ и странное доселѣ сходство въ художественныхъ формахъ Ломбардіи и Грузіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкое различіе отъ памятниковъ южной Италіи и т. п. Архитектура Грузіи и Арменіи войдетъ тогда, несомнѣнно, въ систему общаго хода христіанскаго искусства и послужитъ къ уясненію родственныхъ явленій, между тѣмъ какъ теперь она даетъ только новый мертвый балластъ въ томъ безконечно большомъ складѣ, который именуется исторіею искусства.

Но въ дѣлѣ положительнаго отнесенія грузинской архитектуры къ извѣстному періоду исторіи самое необходимое—хронологическое опредѣленіе памятниковъ. Смутное состояніе, въ которомъ находится нынѣ хронологія грузинскихъ церквей, служитъ главною причиною того, что археологія въ этомъ вопросѣ держится пока на почвѣ простаго описанія, и, препятствуя критикѣ и сравненію, рождаетъ противорѣчивые толки и увлеченія, которыя напр. дѣлаютъ Арменію иногда разсадникомъ художественныхъ формъ даже для западной Европы. Мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ наиболѣе интересный и важный въ этой архитектурѣ вопросъ о той наружной декораціи, которая расчленяетъ стѣну тонкими колонками и полуколонками, устремляющимися отъ одного этажа къ другому, а иногда въ видѣ цѣлыхъ сноповъ стеблей обрамляющими углы стѣнъ и арокъ. Такая декорація стѣнъ играетъ большую роль въ Европѣ съ XIII стол., а самое раннее появленіе ея относится къ XII вѣку въ Италіи (ц. св. Михаила въ Павіи). Если, слѣдовательно, эта декоративная форма встрѣчается въ Грузіи еще въ XI стол., а именно, такимъ образомъ обильно украшенъ Кутаисскій соборъ, постройка котораго окончена въ царствованіе Баграта IV (1027—1072), то не обязываемся ли мы этимъ самымъ признать за Грузіею родину этой формы? Несомнѣнно, кромѣ того, что въ характерѣ этой формы много родственнаго съ восточною, легкою, фантастическою декораціею изъ аркадъ, колонокъ, мелкихъ гзымзовъ, которая съ такою граціею украсила зданія Венеціи. Но почему же мы не находимъ этой декораціи во всѣхъ современныхъ и даже послѣдующихъ по времени храмахъ Грузіи, и встрѣчаемъ затѣмъ только съ XIII стол.? Этого обстоятельства, конечно, нельзя объяснить только тѣмъ, что памятники промежуточной эпохи были гораздо бѣднѣе, строились на скорую

руку, такъ какъ этимъ оправдывается лишь отсутствіе такого обилія, какъ въ Кутаисѣ. Между тѣмъ эту декорацію мы находимъ болѣе всего въ византійскихъ миньятюрахъ IX—XI вѣковъ, какъ главнѣйшую архитектурную форму: колонки въ видѣ длинныхъ стеблей, съ перехватами въ формѣ мелкихъ капителей и другими деталями, напоминающими деревянныя постройки, подпираютъ тамъ расписной шатеръ и представляютъ собою зданіе; вездѣ аркады, снопы пилястровъ и полуколоннъ украшаютъ стѣну. По многимъ обстоятельствамъ судя, эта форма отличаетъ собою по преимуществу миньятюры рукописей, происходящихъ изъ самой Византіи, и, очевидно, принадлежала болѣе архитектурѣ свѣтской, нежели церковной. Если бы сохранились остатки византійскихъ дворцовъ этого времени, мы, можетъ быть, имѣли бы превосходные по изяществу образцы этой декораціи. Кстати замѣтить, что постройка Кутаисскаго собора была окончена рабочими и мастерами изъ Византіи. При такомъ предположеніи, естественно будетъ и то обстоятельство, что архитектура храма въ Бедіи, построеннаго Багратомъ III въ 1008 г., по историческому свидѣтельству, лишена этихъ украшеній, и что зданія собственно грузинскаго характера временъ Тамары и Давида Освободителя не имѣютъ этой декораціи, за исключеніемъ Гелатской главной церкви, которая опять-таки могла быть построена архитекторами византійскими. Вотъ почему затѣмъ при Александрѣ эта форма примѣняется особенно широко къ наружному украшенію новыхъ зданій и служитъ даже главною чертою паденія грузинской архитектуры, какъ мы указали выше. Въ эту же эпоху, надо думать, и другія древнѣйшія церкви при реставраціи получили подобное украшеніе вмѣстѣ съ возобновленіемъ внѣшней облицовки. Изъ Византіи форма эта легко могла перейти въ Италію и черезъ нее впослѣдствіи совершенно акклиматизироваться въ западной Европѣ вообще; малое же распространеніе въ Италіи и позднее появленіе въ Европѣ должно приписать существованію античныхъ формъ, которыя долгое время не допускали этой фальшивой декораціи.

Мы указали далѣе въ архитектурѣ грузинской тѣ пункты, которые могли бы служить для опредѣленія ея хронологіи на общихъ археологическихъ основаніяхъ, какъ-то: общую художественную форму или планъ церкви: продолговатый, круглый и пр.; форму купола и пропорціи его конуса; пропорціи оконъ въ куполѣ; декорацію стѣнъ фальшивыми аркадами и колонками; существованіе порталовъ, распредѣленіе орнаментики скульптурной и фресковой живописи внутри и т. д. Сверхъ этого и общія историческія соображенія указываютъ намъ эпохи наибольшаго благосостоянія Грузіи, какъ періоды процвѣтанія искусства. Таковы: 1) время правленія патриціанскаго рода Баграти-

довъ—Куропалатовъ Византіи,—VIII и IX вѣкъ и царствованіе Баграта II въ X стол. (соборъ въ Атени?); 2) царствованіе Баграта III и IV (1008—1072 г.) и Давида Освободителя; 3) эпоха Юрія III (1158—1184) и Тамары (1184—1206 г.) и наконецъ 4) царствованіе Александра, съ 1414 г., и позднѣйшая эпоха. Изъ этихъ четырехъ періодовъ три послѣдніе, какъ и было уже указываемо, имѣютъ особенное значеніе для выработки самостоятельной грузинской архитектуры, а къ первому относятся постройки спеціально византійскаго стиля и церкви, выстроенныя самими византійскими императорами, если онѣ гдѣ сохранились. Для отнесенія памятниковъ къ этимъ періодамъ, конечно, необходимы данныя болѣе положительныя, чѣмъ наши гаданія, какъ напр. свидѣтельства церковныхъ описей и актовъ и пр.; но ради первой попытки мы можемъ предложить слѣдующее распредѣленіе, какъ простое предположеніе:

къ первому византійскому періоду относятся: церковь въ Атени, Креста въ Мцхетѣ, Рипсиме Кехартъ, въ Арменіи и Накалакеви;

ко второму: Кутаисскій соборъ, церковь въ Бедіи, соборъ въ Мартвили, Мокви, Ани, Лехне или Соукъ-Су, Пицунда, Хопи, Никорцминда, Катцхъ, Дранда (?), Чамокмеди (позднѣе?), и др.—относятся къ началу этого періода, сохранившему еще разнообразіе плана; ко второй половинѣ періода, или третьему періоду, принадлежатъ церкви: Гелати, Самтависъ, Икорта, Кавтисъ-Хевъ, Эрта-Цминда, Мамеба, Манглисъ, Моцамети (позднѣе?), Виѳанія близъ Тифлиса, Зеда-Тмогви, Степанъ-Цминда на Казбекѣ, одна церковь Сафарскаго монастыря, Зарзмасъ, Хони въ Имеретіи (нач. XI в.), Карзаметъ, развалины Кумурдо, Ацхура и др.;

къ третьему: церкви въ Урбниси, Дабѣ, Вардзіе, Тимоти-Цманъ, многія церкви въ Грузіи, Имеретіи и пр.

и наконецъ, къ четвертому: соборная церковь Мцхета, ц. въ Самтавринскомъ монастырѣ, Метехи въ Тифлисѣ, Руиси, Ананурь, Шуа-Мта, Шіо-Мгвиме, Алаверды и пр., перестроенныя или возобновленныя, особенно въ собственной Грузіи, гдѣ сосредоточились полчища Тимура.

Въ заключеніе намъ остается лишь пожелать, чтобы наука археологіи взялась наконецъ рѣшительно за эти важнѣйшіе вопросы христіанскаго искусства, каковы вѣтви византійскаго искусства въ славянскихъ земляхъ, Россіи, Грузіи, Италіи и пр. Кромѣ высокаго общеисторическаго интереса, эти вѣтви дадутъ и обильный художественный матеріалъ, который съ пользою можетъ быть разработываемъ въ настоящее время, когда ясна стала необходимость основать развитіе будущихъ формъ на изученіи великаго прошлаго, и когда по-

пытки къ созданію оригинальныхъ произведеній въ области христіанскаго искусства все еще даютъ одинъ пустоцвѣтъ. Какіе плодотворные результаты и какое широкое примѣненіе въ художественной промышленности можетъ имѣть, напр., эта грузинская орнаментика изъ плетенія! Не даромъ великій Леонардо-да-Винчи заинтересовался этою формою и оставилъ намъ нѣсколько образцовъ этого орнамента въ рисункахъ извѣстнаго кодекса Амвросіанской Библіотеки (Codice Atlantico), гдѣ между обыкновенными рисунками плетенія есть и весьма искусные и сложные, очевидно придуманные самимъ художникомъ. Пора, наконецъ, въ частности, и археологіи Кавказа вообще выйти на научную дорогу: этого требуетъ громадный историческій интересъ, представляемый этою страною и ея памятниками.

МЕГАЛИТИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ

ВЪ РОССІИ.

Изслѣдованіе гр. А. С. Уварова.

Citius emergit veritas ex errore, quam ex confusione. Bacon.

Не смотря на развитіе археологической науки въ послѣдніе десять лѣтъ, однако встрѣчается еще много археологическихъ памятниковъ, которые остаются не разъясненными. Подобное явленіе не присуще одной только археологіи, но вообще всякой наукѣ, которая быстротою своего развитія опережаетъ разработку вновь накопляющагося матеріала. Къ разряду такихъ загадочныхъ и необъясненныхъ памятниковъ принадлежатъ первобытныя сооруженія, сложенныя изъ грубыхъ каменныхъ плитъ, или изъ дикаго камня. Одни имѣютъ видъ огромнаго каменнаго стола состоящаго изъ монолита, поддерживаемаго двумя или нѣсколькими подпорами; другіе — такіе же столы, но окружены цѣлымъ рядомъ отвѣсно поставленныхъ камней; третьи наконецъ, состоятъ изъ правильно сложенныхъ, четыреугольныхъ каменныхъ ящиковъ, у коихъ верхняя плита лежитъ на самой поверхности земли. Однимъ словомъ, такія первобытныя сооруженія попадаются во многихъ странахъ и въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ.

Впервые, сколько мнѣ помнится, эти загадочныя сооруженія изслѣдованы были французскими учеными, и окрещены названіями долменовъ, кромлеховъ, менхировъ, пельвеновъ и пр. Но всѣ

эти различныя наименованія, вмѣсто уясненія вопроса о происхожденіи самыхъ памятниковъ, способствовали только къ бо̀льшему его затемненію, какъ мы это увидимъ далѣе.

Интересъ, возбужденный на западѣ подобными памятниками, остался бы для насъ совершенно отвлеченнымъ вопросомъ, хотя и весьма любопытнымъ по научному его значенію, если бы въ предѣлахъ самой Россіи: въ Сибири, на Кавказѣ и въ Крыму не отыскались совершенно подобныя сооруженія. Такое открытіе измѣняетъ наше воззрѣніе на эти сооруженія и на отношеніе ихъ къ отечественной археологіи. Они не являются теперь какъ чуждые намъ памятники, а какъ остатки отечественной нашей старины. Мы не можемъ сомнѣваться, что народы, ихъ сооружавшіе, когда-то обитали въ предѣлахъ Россіи, а слѣдовательно, могли имѣть и свою долю вліянія на судьбы древней Руси. Такимъ образомъ насъ долженъ занимать теперь вопросъ: какимъ народомъ и въ какія времена были воздвигнуты эти памятники? Хотя вопросъ этотъ далеко еще не разъясненъ, однако любопытно прослѣдить, какіе матеріалы подготовлены археологическою наукою къ его уясненію и насколько всѣ сдѣланныя доселѣ изслѣдованія приблизили насъ къ этой цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для насъ въ особенности важно изслѣдовать, не могутъ ли памятники, открытые въ Россіи, разъяснить вопросъ, котораго не могли разъяснить памятники всей остальной Европы. По этой причинѣ я воспользовался моимъ пребываніемъ въ Крыму, и обратилъ особенное вниманіе на изслѣдованіе этихъ остатковъ первобытной старины.

I.

Всѣ такія первобытныя сооруженія поражаютъ насъ съ перваго же взгляда слѣдами глубокой старины. Они сложены безъ цемента, изъ огромныхъ плитъ или дикихъ камней. Хотя въ нихъ нѣтъ стремленія къ художественной отдѣлкѣ или къ тонкому изящному вкусу, хотя въ нихъ проявляются только слѣды непомѣрныхъ усилій, потраченныхъ на грубое сооруженіе, однако общее впечатлѣніе поражаетъ насъ какимъ-то дикимъ величіемъ. Невольно мы удивляемся тому неизвѣстному народу, который одними руками, безъ всякаго механическаго содѣйствія, былъ въ состояніи передвигать такія каменныя массы. Понятно становится, смотря на огромную величину плитъ, на колоссальные обломки дикаго камня, отчего народное воображеніе приписало всѣ эти сооруженія великанамъ. Мы сами, при видѣ ихъ, подчиняемся безсознательно такому преданію и рисуемъ себѣ строителей великанами. Столь же безсознательно въ насъ складывается

убѣжденіе, что строители такихъ памятниковъ принадлежали не къ народу кочевому, а къ народу, пользовавшемуся извѣстною степенью осѣдлости. Такое убѣжденіе, вкрадывающееся à priori въ наблюдателя, повело къ невольнымъ заблужденіямъ. Такъ во Франціи, напримѣръ, оно вкоренилось надолго и побудило первыхъ изслѣдователей отыскивать для этихъ памятниковъ особыя названія въ мѣстномъ нарѣчіи. Они полагали, что въ мѣстномъ нарѣчіи доселѣ еще сохранились названія для сооруженій воздвигнутыхъ мѣстными же аборигенами.

На основаніи такого предвзятаго мнѣнія и въ виду изобилія подобныхъ памятниковъ по преимуществу въ Бретани, ученый изслѣдователь Бодэнъ (Baudin), въ началѣ этого столѣтія, приступилъ къ составленію, изъ теперешняго бретонскаго нарѣчія, особыхъ названій, соотвѣтствующихъ внѣшнему виду самыхъ памятниковъ. Для памятниковъ въ видѣ каменныхъ столовъ онъ придумалъ слово долменъ (dolmen), отъ dol—камень и maen—столъ. Когда долменъ окруженъ поясомъ или рядомъ изъ дикихъ камней, тогда онъ называетъ его cromlech, отъ crom—очертаніе, окружность, и lech—мѣсто. Когда большіе дикіе камни поставлены отвѣсно, тогда Бодэнъ называетъ ихъ menhir, отъ maen—камень, и hir—длинный. Продолжая такимъ образомъ, Бодэнъ придавалъ каждому особому виду сооруженія свое особенное названіе. Если не всегда самъ выдумываетъ слово, то пользуется часто прозваніями, придуманными теперь самимъ народомъ, и вводитъ ихъ въ научную терминологію. Другой извѣстный ученый Миллэнъ (Millin), въ 1814 году, въ Magasin encyclopédique *), усомнился въ успѣхѣ подобныхъ нововведеній, говоря, что врядъ ли ученые когда либо согласятся на допущеніе въ науку такаго рода названій, такъ какъ ученые ничего не принимаютъ безъ основательныхъ доказательствъ. Между тѣмъ нововведенія Бодэна имѣли неожиданный успѣхъ.

Десять лѣтъ спустя, Легранъ-Досси (Le Grand d' Aussy) въ своемъ изслѣдованіи: Des sepultures nationales (Paris, 1824) воспроизводитъ тѣ же самыя наименованія—за неимѣніемъ другихъ, говоритъ онъ. За тѣмъ мы видимъ какъ, понемногу, научная терминологія привыкаетъ къ этимъ названіямъ и, въ то же время, постепенно забываетъ настоящее происхожденіе этихъ названій. Такъ что даже, нѣсколько лѣтъ спустя, бывшій нашъ членъ, извѣстный ученый Эдельстандъ-дю-Мерилъ старается уже доказывать древность этихъ названій, возводя ихъ до среднихъ вѣковъ и до эпохи Салическихъ законовъ. Вскорѣ потомъ, еще болѣе запамятовали настоящее происхожденіе этихъ названій и стали опираться на нихъ какъ на филологическія доказатель-

*) Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme, V, p. 400; VI, p. 79—87.

ства давности такихъ сооруженій. Слова: «дольменъ», «кромлехъ», «менхиръ», «пельвенъ» и пр. были приняты за остатки древняго языка мѣстныхъ жителей, которые, будто бы, вмѣстѣ съ названіемъ памятника, сохранили и память о предкахъ своихъ, какъ строителяхъ этихъ же памятниковъ.

Дошедши до такого мнѣнія, по необходимости уже надо было приписать эти памятники Кельтамъ и украсить ихъ новымъ еще наименованіемъ — памятниковъ друидическихъ (monuments druidiques). Тутъ же нашлись и другіе писатели, которые развили эту теорію и стали доказывать, что не Кельты воздвигали эти памятники, а предки Кельтовъ—такъ называемые Протокельты *).

На несообразность этой новой теоріи было указано г. Мортилье. Сверхъ того, новыя открытія подобныхъ памятниковъ въ странахъ, гдѣ никогда Кельты не бывали, окончательно сокрушили эту новую теорію. Не даромъ уже Тройонъ **) на съѣздѣ въ Нёшателѣ, въ 1866 году, протестовалъ противъ неумѣстнаго примѣненія слова «кельтическаго» къ такимъ памятникамъ, коихъ пàрники встрѣчаются весьма часто даже въ Швеціи.

Но и такія опасныя послѣдствія новодѣльныхъ прозваній не излѣчили ученыхъ отъ страсти сочинять новые термины для археологіи. Такъ какъ они вынуждены были отказаться отъ прозваній кельтійскихъ или друидическихъ памятниковъ, то сочинили новое выраженіе: мегалитическіе памятники (monuments mégalithiques). Однако и это выраженіе, объясняющее по преимуществу только качество матеріала, страдаетъ тоже неясностію и отсутствіемъ научной точности, что̀ не разъ уже было замѣчено археологами Ворсо и Шуермансъ ***). Дѣйствительно, не объясняя ясно, въ чемъ состоитъ исключительная кладка этихъ первобытныхъ сооруженій, новодѣльное названіе можетъ быть примѣнено, безъ различія, ко всякимъ постройкамъ, сложеннымъ изъ большихъ камней,—будь это могила, столбъ, или даже домъ. Но при неимѣніи другаго выраженія, не предрѣшающаго напередъ народность этихъ памятниковъ, мы должны довольствоваться и этимъ названіемъ.

Теперь, когда изъ сознанія самихъ французскихъ ученыхъ мы убѣдились, что всѣ данныя ими названія суть только произвольныя выдумки, когда мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободились и отъ всякихъ даже

---

*) Revue archéologique. 1863, VIII, p. 519.—1864, IX, p. 38.

**) Matériaux, II, p. 526.

***) Materiaux, VI, p. 86.—N. Schuermans. Congrès d'anthrop. et d'archéol. prehist., tenu à Paris 1867. Rapport adressé à M. le Ministre de l'Intérieur sur la question de l'origine des dolmens et autres monuments de pierre brute. Bruxelles. 1868. 8°. 23 pages.

намековъ на какую нибудь народность,—тогда рѣшеніе самаго вопроса о происхожденіи этихъ памятниковъ, по моему мнѣнію, сильно облегчается. Онъ освобожденъ отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, и разрѣшеніе его будетъ зависѣть отъ однихъ положительныхъ фактовъ. Между тѣмъ такіе факты могутъ быть, вѣроятно, добыты изъ сравненія кладки, изъ внѣшней формы всего сооруженія, изъ предметовъ въ нихъ открываемыхъ и, наконецъ, даже изъ химическаго анализа металлическихъ вещей, попадающихся въ этихъ памятникахъ.

Но для такого сравненія надо, мнѣ кажется, сперва опредѣлить съ точностію различныя формы мегалитическихъ памятниковъ; потомъ уже разъяснить себѣ ясно: не составляютъ ли различныя видоизмѣненія внѣшней формы этихъ сооруженій и различные способы кладки ихъ существенныхъ признаковъ того, что сами памятники эти не могутъ принадлежать одному и тому же народу, а въ особенности—одному и тому же времени.

Конечно, для насъ, изъ всего этого обилія разнообразныхъ формъ мегалитическихъ памятниковъ, по преимуществу важны тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются у насъ въ Россіи. На эти формы памятниковъ я обращу особое вниманіе.

Сколько ни запутанъ вопросъ о народности и эпохѣ мегалитическихъ памятниковъ и сколь ни мало еще онъ обработанъ, однако почти всѣ ученые дѣлаютъ болѣе или менѣе рѣзкое различіе между разнообразными формами этихъ сооруженій.

Изъ всѣхъ ученыхъ одинъ только Фергюссонъ въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи о мегалитическихъ памятникахъ (Rude stone monuments in all contries. London, 1872) считая мегалитическіе памятники остатками разныхъ народовъ, отрицаетъ давность ихъ сооруженія.

Напротивъ того, швейцарскій археологъ баронъ А. Бонштеттенъ различаетъ мегалитическіе памятники по внѣшней ихъ формѣ и по общей ихъ обстановкѣ. Избравъ предметомъ своего изслѣдованія такъ называемые дольмены, онъ озаглавилъ и самое изслѣдованіе: Essai sur les dolmens (Genève, 1865). Сперва онъ опредѣляетъ, какое сооруженіе слѣдуетъ понимать подъ названіемъ дольмена, затѣмъ выдѣляетъ изъ разряда дольменовъ всѣ тѣ мегалитическіе памятники, которые имѣютъ другую форму или другую кладку. Сюда принадлежатъ:

1) каменныя гробницы на Балеарскихъ островахъ;

2) каменныя гробницы на островѣ Сардиніи и

3) каменныя гробницы, извѣстныя подъ названіемъ stone-cists или каменныхъ ящиковъ.

Вполнѣ соглашаясь съ этими исключеніями, я только добавлю, что

Но самая, кажется, важная неточность барона Бонштеттена состоитъ въ недостаточномъ значеніи, которое онъ придаетъ отсутствію или присутствію курганныхъ насыпей. Напрасно онъ не дѣлаетъ различія между дольменомъ стоящимъ на поверхности земли и—каменною гробницею, хотя въ формѣ долмена, но находящеюся на серединѣ кургана. Считать тѣ и другія постройки одинаковыми и одной и той же народности, на томъ только основаніи, что матеріалъ (каменныя плиты), употребленный на постройку ихъ, одинъ и тотъ же, кажется мнѣ невозможнымъ. Я полагаю даже, что курганная насыпь въ этомъ случаѣ принадлежитъ къ самымъ существеннымъ и самымъ отличительнымъ признакамъ подобныхъ памятниковъ. Не даромъ же многіе ученые обратили особое вниманіе на курганныя насыпи и старались объяснить ихъ отсутствіе при дольменахъ обнаженныхъ. Вопросъ этотъ такъ важенъ, что необходимо на немъ пріостановиться. Извѣстный ученый Десоръ въ любопытномъ изслѣдованіи «Ueber die Dolmen, deren Verbreitung und Deütung» *) полагаетъ, что всѣ различныя формы мегалитическихъ построекъ принадлежатъ къ одному и тому же разряду памятниковъ, и когда они прикрыты насыпью или курганомъ, тогда только мы видимъ ихъ въ первоначальномъ и законченномъ ихъ устройствѣ. Дольменъ безъ насыпи, по его мнѣнію, есть памятникъ не полный, а поврежденный или атмосферическими условіями или рукою человѣка. Между тѣмъ, нѣсколько строкъ ниже, Десоръ сознается, что всѣ мегалитическіе памятники Алжира находятся на самой поверхности земли и безъ всякихъ курганныхъ насыпей. Такое явленіе онъ объясняетъ недостаткомъ земли на всей той мѣстности, гдѣ воздвигнуты эти дольмены.

Другіе ученые не допускаютъ предположенія, сдѣланнаго Десоромъ, на томъ основаніи, что еще не доказано: были ли дольмены прикрыты курганомъ или нѣтъ? Такъ напримѣръ, гг. Трюта и Картальякъ **) (издатели журнала Matériaux) прямо говорятъ, что на сотни дольменовъ обнаженныхъ едва можно насчитать самое ничтожное количество дольменовъ, прикрытыхъ курганами. Объяснить это существенное между ними различіе поврежденіемъ насыпей—не правдоподобно, тѣмъ болѣе, что иногда возлѣ обнаженныхъ дольменовъ находятся настоящіе курганы (tumulus), въ совершенно цѣльномъ и неповрежденномъ видѣ. Самъ Бонштеттенъ ***) не допускаетъ возможности искусствен-

---

*) Archiv. f. Anthropologie, I, p. 266.

**) Matériaux. V, p. 182—183, 323—324.

***) L. c. p. 7: «On pose généralement en fait que tous les dolmens, sans exception, étaient primitivement couverts de terre, et que ceux qui ne le sont pas, ont perdu leur forme origi-

наго снятія насыпей. Онъ думаетъ, что не всѣ дольмены были прикрыты курганами, и разъясняетъ невозможность исчезновенія подобныхъ насыпей, если онѣ когда либо существовали. Наконецъ онъ высказываетъ убѣжденіе, что обнаженные дольмены и въ первобытномъ своемъ состояніи никогда не были прикрыты курганомъ. Странно послѣ такого мнѣнія, что Бонштеттенъ не откинулъ изъ своего изслѣдованія весь второй отдѣлъ, гдѣ говоритъ только о дольменахъ, прикрытыхъ курганомъ или насыпью изъ щебня (Dolmens couverts d'un tumulus en terre ou en cailloux).

Между тѣмъ дольмены обнаженные и дольмены прикрытые курганомъ, или точнѣе—курганы съ каменною гробницею, различаются между собою не по одной внѣшности, но также и по предметамъ, которые въ нихъ находятся. Такое же различіе замѣчается даже и между дольменами первоначальной формы и дольменами съ удлиненнымъ входомъ или съ аллеею (avec allée), какъ говорятъ французы *).

И такъ, если признать существенное различіе между дольменами обнаженными и курганами съ каменными гробницами, я буду въ правѣ откинуть весь второй отдѣлъ Бонштеттена, какъ я замѣтилъ выше. Затѣмъ остается еще первый отдѣлъ или dolmens apparents, изъ котораго также можно будетъ исключить тѣ памятники, которые представляютъ или слишкомъ значительныя отступленія отъ первичной формы, или явныя пристройки, принадлежащія къ послѣдующему развитію мегалитическихъ сооруженій **). Всѣ эти исключенія, дѣлаемыя мною, вѣроятно оправдаются дальнѣйшими раскопками самихъ памятниковъ.

Если, послѣ этихъ исключеній перебрать весь списокъ мегалитическихъ памятниковъ у Бонштеттена по первому отдѣлу, то и тогда у насъ останется девять различныхъ формъ обнаженныхъ дольменовъ:

1. Дольмены съ настилкою, т. е. съ одною или нѣсколькими плитами, положенными на днѣ могилы, между отвѣсными боками.
2. — безъ настилки.
3. — окруженные поясомъ камней (кромлехи) поставленныхъ отвѣсно или менхировъ.

---

nelle. Je crois avoir déjà demontré par de simples considérations d'économie rurale l'impossibilité de cette hypothése (Sup. d'Antiquités suisses. 1860).

*) Congrès de Paris, 1867, p. 221.

**) Мы исключаемъ также дольмены, которые обозначены у Бонштеттена какъ имѣющіе «внутреннія перегородки», потому что это есть явное измѣненіе, происшедшее въ послѣдствіи времени, когда тѣ же строители, а скорѣе подражатели ихъ, стали изъ одной могилы дѣлать цѣлый новый рядъ могилъ.

4. — безъ пояса изъ менхировъ.
5. — на вершинѣ кургана.
6. — на гладкой поверхности земли.
7. — съ подставками поставленными въ длину плиты.
8. — съ подставками—въ ширину плиты.
9. — корытообразные (en forme d'auge).

Теперь намъ остается, для лучшаго уясненія формы дольменовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для уясненія различныхъ видоизмѣненій этой формы, прослѣдить и сравнить эти сооруженія по странамъ, гдѣ они были открыты. Только подобнымъ сравненіемъ можно будетъ убѣдиться въ постоянствѣ основной формы дольменовъ, а съ этою основною формою связанъ, какъ мнѣ кажется, и вопросъ о народности самихъ дольменовъ. Такъ какъ дольмены найдены были не только въ Европѣ, но также въ Азіи, въ Африкѣ и даже въ Америкѣ и на островахъ, то мы начнемъ съ Азіи, какъ съ общей колыбели всѣхъ народовъ.

Начиная нашъ обзоръ съ Индіи, мы имѣемъ о мегалитическихъ памятникахъ этой страны много уже свѣдѣній. Фергюссонъ и многіе другіе англійскіе ученые изслѣдовали весьма основательно всю Индію и сообщили положительныя свѣдѣнія о количествѣ, формѣ, расположеніи и даже о раскопкѣ мегалитическихъ памятниковъ. Фергюссонъ *) сообщаетъ рисунки главныхъ индѣйскихъ памятниковъ. Другіе рисунки встрѣчаются въ отчетѣ Норвичскаго съѣзда и въ Matériaux. Мѣстные жители въ Индіи даютъ этимъ сооруженіямъ особыя прозванія, смотря по внѣшней ихъ формѣ. Такъ топи-кули или панду-кули значитъ камень-шапка, или камень покрытый; и то и другое означаетъ гробницу плитчатую, отвѣсныя стороны которой немного наклонены во внутрь и прикрыты выступающею пятою плитою (таб. 1, рис. 1 и 2); кодей-кули или камень-зонтикъ—означаетъ подземныя гробницы, прикрытыя на поверхности земли выпуклою плитою (таб. 1, рис. 3). И тѣ и другіе попадаются въ большомъ количествѣ на Малабарскомъ прибрежьѣ. Также и въ Ашени близь Котагерри (Kotagherry) и близь Ади-Раэр-Коттай найдены были такіе же памятники. Мѣстности на Коромандельскомъ побережьѣ, въ провинціи Карнатъ, въ провинціи Сорапуръ, въ Декауѣ (Dekhau), близь деревни Раюнъ-Коллуръ изобилуютъ также подобными сооруженіями. Въ особенности въ этой послѣдней мѣстности,—Раюнъ-Коллуръ,—въ цѣлой группѣ

*) L. c. p. 455—509.—Congress of Norwich, p. 241. Elliot: on ancient sepulchral remains in southerns India, съ двумя таблицами рисунковъ.—Matériaux. VI, p. 53 (здѣсь собрана вся литература объ индѣйскихъ памятникахъ).—Congrès de Paris, 1867, p. 200, 214.

гробницъ (таб. 1, рис. 6), однѣ были закрыты только съ трехъ сторонъ, между тѣмъ какъ другія—со всѣхъ четырехъ и съ круглымъ отверстіемъ въ 6 или 9 дюймовъ въ діаметрѣ. Въ этихъ закрытыхъ гробницахъ находилась черная или сѣроватая земля съ черепками отъ сосудовъ и съ обожжеными человѣческими костями и углемъ. На другой мѣстности Хаггеритги, не вдалекѣ отъ Раюнъ-Коллуръ, находится цѣлая группа изъ 23 могилъ, еще не тронутыхъ. Объ этихъ могилахъ по всей Индіи сохранилось одно общее преданіе, будто эти дольмены служили жилищами для карликовъ, населявшихъ эти страны еще до пришествія рода человѣческаго. Отверстія въ передней плитѣ гробницы въ особенности убѣждаютъ Индѣйцевъ въ справедливости ихъ преданія.

Весьма любопытная группа такихъ же памятниковъ находится въ одной мили на западъ отъ города Вейважапетъ (Veivajapeth), въ южномъ Кургѣ (Coorg). Одиннадцать изъ нихъ были изслѣдованы и между ними находились даже двойные дольмены *). Одинъ изъ такихъ двойныхъ дольменовъ (таб. 1, рис. 5) сложенъ изъ шести большихъ плитъ, прикрытыхъ одною обширною плитою въ 30 футовъ длины и 9 футовъ съ 9 дюймами ширины, на семь или восемь доймовъ толщины. По словамъ мѣстныхъ ученыхъ, двойные дольмены встрѣчаются только на этой мѣстности, но въ нихъ ничего не найдено. Между тѣмъ въ раскопкахъ Вейважапетскихъ открыто много сосудовъ (рис. 7), весьма толстыхъ, краснаго и чернаго цвѣта. Одни имѣютъ до 4 футовъ вышины, а другіе доходятъ только до трехъ. Мелкіе куски угля попадались также въ дольменахъ, и кое-гдѣ встрѣчались обломки отъ желѣза. Самый большой желѣзный обломокъ составлялъ, какъ кажется, часть большаго копья, а другіе куски были остатки наконечниковъ отъ стрѣлъ. И въ остальныхъ дольменахъ Индіи постоянно встрѣчались сосуды и желѣзные предметы, какъ-то: стрѣлы, треножникъ, лампа и пр. **)

Изъ индѣйскихъ памятниковъ надо еще упомянуть о курганахъ обложенныхъ стоячими плитами (таб. 1, рис. 4), не потому что мы считаемъ ихъ однородными съ дольменами, а потому только, что они напоминаютъ по внѣшней формѣ курганы сибирскіе или маяки, а также и курганы Екатеринославской губерніи. Въ этихъ курганахъ обыкновенно находится каменный ящикъ съ глинянымъ сосудомъ, наполненнымъ углемъ, сожженными костями и золою, съ примѣсью какой-то красноватой земли.

---

*) Matériaux, V, p. 396, planche 27;—Fergusson, l. c. p. 473, полит. № 213.
**) Matériaux, VI, p. 57.—Revue archéol. 1864. X, p. 333.

Такое же изобиліе дольменовъ встрѣчается и на сѣверѣ Индіи. Около Хидерабада, столицы Низама, находится много группъ дольменовъ. При раскопкѣ ихъ найдены: два колокола, одинъ бронзовый, другой мѣдный, глиняные сосуды, копья и наконечники отъ стрѣлъ. Вообще, мегалитическихъ памятниковъ въ Низамѣ насчитываютъ до 2129 *). Еще одинъ любопытный памятникъ описывается Фергюссономъ **), какъ находящійся возлѣ развалинъ древняго храма въ Ивуллэ, въ Дарварѣ. Двѣ подставы (таб. 1, рис. 8) поддерживаютъ одну длинную плиту.

Въ заключеніе замѣтимъ, что дольмены встрѣчаются гораздо даже сѣвернѣе Нагпора. Г. Лежанъ нашелъ ихъ въ самомъ Кашмирѣ ***). Сверхъ того, любопытно замѣтить, какъ утверждаетъ Хукера ****), что въ Индіи находится дикое племя Казіа (Khasia), которое доселѣ еще воздвигаетъ дольмены.

Въ долинѣ Кабула Фергюссонъ описываетъ круги изъ большихъ каменныхъ плитъ, но ни слова не упоминаетъ о настоящихъ дольменахъ.

Если перейти за тѣмъ въ Персію, то увидимъ что, къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія о дольменахъ этой страны. Вильямъ Узлей (Ouseley) упоминаетъ о большомъ камнѣ въ провинціи Фарсисской, который имѣетъ отъ 10 до 11 футовъ вышины и окруженъ поясомъ изъ большихъ камней, прозванныхъ мѣстными жителями «камнями храма огня» *****). Далѣе на востокъ, у Дараба, найдены были круги изъ камней. Въ сѣверо-западной части Персіи, Шардинъ (Voyages en Perse, edit. Langlès. II, 365), между Таврисомъ и деревнею Карачиманъ, описалъ нѣсколько такихъ же круговъ изъ камней, но такой величины, что восемь человѣкъ не могли бы сдвинуть одного изъ нихъ съ мѣста ******). Но всѣ эти мегалитическіе памятники

---

*) Много любопытныхъ свѣдѣній и отчеты о раскопкахъ этихъ памятниковъ находятся въ запискахъ Археологическаго Общества основаннаго въ Нагпорѣ (Nagpore). Англійскіе ученые стараются приписать ихъ, и въ особенности курганы, Скиѳо-Арійскому племени (Matériaux. VI, p. 72).

**) Congrès de Paris, 1867. pag. 215.

***) Matériaux, IV, p. 304—306.

****) Fergusson, l. c. p. 452.

*****) Matériaux, V, p. 446.—Fergusson. l. c. p. 453.

******) Въ 11 лье (lieues) отъ Тавриса (Tauris) Шардинъ описываетъ: «On voit à gauche du chemin de grands ronds de pierre de taille. Les Persans disent que ces ronds ou cercles sont une marque que les Caous (Kâoûs), faisant la guerre en Médie, tinrent conseil en cet endroit, parceque c'etait la coutume de ces peuples, que chaque officier, qui entrait au conseil, portait une pierre avec lui, pour lui servir de siège. Les Caous sont les géans persans, ainsi nommés de Kaous, roi de Perse, fils de Cobad, fils de Cosrou. Ce qui cause le plus d' admiration, en considerant ces pierres, c'est qu'il y en a de si grosses, que huit hommes auraient

не принадлежатъ къ разряду настоящихъ дольменовъ, составляющихъ исключительно предметъ моего изслѣдованія.

Приближаясь за тѣмъ къ берегамъ Средиземнаго моря, мы уже имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о памятникахъ Палестины и Сиріи.

Въ Палестинѣ дольмены были найдены де-Сольси между горою Нѐбо и устьемъ Іордана на восточномъ его берегу, и между Назаретомъ и Бейрутомъ *). Глыбы камня, безъ всякой отдѣлки, выломлены были изъ ближайшихъ скалъ и сложены, какъ видно по плану (таб. II, рис. 2), въ видѣ продолговатаго четыреугольника. Въ этихъ глыбахъ до такой степени отсутствуетъ всякая подготовка, что даже внѣшность дольмена теряетъ отъ такой правильности всякую опредѣленность въ общей формѣ (таб. II, рис. 2). Всѣ эти дольмены были расположены неправильными группами. Въ группѣ близь Эл-Азхеміэхъ **) отличался отъ всѣхъ прочихъ одинъ по преимуществу дольменъ, окруженный кромлехомъ или кругомъ изъ правильно обтесанныхъ, четырехгранныхъ выпуклыхъ плитъ. Такова была, по мнѣнію аббата Мишона, первоначальная форма всѣхъ палестинскихъ дольменовъ. Хотя это мнѣніе остается доселѣ догадкою, но любопытно, что форма, указанная аббатомъ Мишономъ, встрѣчается и между африканскими дольменами близь Константины.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о палестинскихъ дольменахъ сообщаются г. Ларте ***), извѣстнымъ спутникомъ герцога де-Люиня. Онъ указываетъ на нѣсколько группъ дольменовъ, одну въ Ала-Сафатъ, близь Іордана, у подошвы горы Гилеадъ (таб. II, рис. 5, 6, 7), вторую—близь Манфуміэхъ, близь горы Небо, третью—на сѣверной оконечности Мертваго моря, у склона горъ Аммонитиды. Сверхъ того, кромѣ дольменовъ, упомянутыхъ у де-Сольси и лежащихъ на возвышенности Эл-Азхеміэхъ (таб. II, рис. 1 и 2), г. Ларте нашелъ на той же самой мѣстности еще другіе сильно поврежденные дольмены, у урочища Эк-Санбъ, близь Эр-Римехъ. Вездѣ вмѣстѣ съ дольменами попадаются и погребальные склепы. Группа дольменовъ близь Ала-Сафатъ въ особенности любопытна по устройству отверстія въ плитѣ, обращенной къ сѣверу. Вмѣсто простаго круглаго отверстія, какъ на индѣйскихъ дольменахъ, тутъ сдѣ-

peine à les remuer et qu'on n'aperçoit point qu' elles aient pu être tirées que des montagnes voisines, qui sont à six lieues».

*) Voyage en terre sainte. Paris, 1865. I, p. 312, съ рисункомъ и планомъ дольмена; II, p. 276.—Materiaux, II, 246—250, съ тѣми же рисунками изъ Сольси.

**) Ibidem, V, p. 134, планъ расположенія.

***) Materiaux, VIII, p. 184, съ рисунками.

ланы четыреугольныя отверстія, а вокругъ нихъ такое же углубленіе, какъ будто для привѣшиванія дверей. Внутренность дольмена до такой степени не обширна, что не можетъ вмѣстить тѣла и въ лежачемъ положеніи.

У Бонштеттена изображенъ дольменъ другой формы, верхняя плита котораго имѣетъ очертаніе отчасти правильное, въ видѣ длиннаго овала (таб. II, рис. 4). Кромѣ этого дольмена, у Фергюссона *) описана цѣлая группа, лежащая возлѣ Кафр-эр-валъ, болѣе или менѣе разоренная, но все-таки сложенная изъ плитъ, повидимому обтесанныхъ, или по крайней мѣрѣ приспособленныхъ къ такой кладкѣ. Въ этихъ дольменахъ болѣе замѣчается искусства, чѣмъ въ дольменахъ близь Эл-Азхеміэхъ.

По словамъ Фергюссона **), и на полуостровѣ Синайскомъ найдены были мегалитическіе памятники, какъ-то: каменныя сооруженія, круги и пр. Также и въ центральной Аравіи, по свѣдѣніямъ передаваемымъ Фергюссономъ, встрѣчаются памятники мегалитическіе, но большею частью они имѣютъ совершенно своеобразный характеръ.

Но самое многочисленное количество такихъ первобытныхъ памятниковъ находится въ Африкѣ, вдоль береговъ Средиземнаго моря, отъ Туниса до Марокко ***) и даже до Верхняго Египта ****). Въ одной только мѣстности близь Рокнія, въ Алжирѣ,

*) Rude stone monuments, p. 441—445.

**) L. c. p. 443.

***) Archiv. für Anthropologie. II, p. 307—320. Letourneux. Sur les monuments funéraires de l' Algérie orientale, p. 307 и 320, съ 35 политипажами (срав. Matériaux, IV, 61).—Revue archéologique. 1863. VIII, p. 519—530. A. Bertrand. Monuments dits celtiques dans la province de Constantine. Съ 6 политипажами (о раскопкахъ гг. Феро и Кристи. Recueil. 1863)—Ibidem, 1865. XI, p. 202—217. L. Feraud. Recherches sur les monuments dits celtiques de la province de Constantine.—Matériaux. I, p. 359 (о статьѣ въ Revue VIII, p. 519); p. 363 (о статьѣ въ Revue XI, p. 202).—Ibidem II, p. 524.—Ibidem, IV, p. 236. Tombeaux mégalithiques de Roknia, съ химическимъ анализомъ бронзоваго кольца, p. 303, раскопкою дольменовъ въ Бени-Мессу (см. стр. 60).—Ibidem VI, p. 90—93. Tissot. Sur les monuments préhistoriques de l' Algérie, срав. ibidem V, p. 192, раскопки въ Рокнія, съ 2 таблицами найденныхъ предметовъ; p. 222, раскопки въ Мазела; p. 410, новые дольмены близь Сигуссы; p. 427, Перечень всѣхъ мегалитическихъ памятниковъ въ Алжирѣ. ibidem VIII, p. 57, о дольменахъ въ Марокко, Тунисѣ, Танжерѣ, близь Константины—Transactions of the internat. congress of prehist. archaeology Third Session 1868 at Norwich. London. 1869, p. 194. Flower. On the prehistoric sepulchres of Algeria, съ политипажами. Recueil des notices et memoires de la Soc. Arcc. de Constantine 1863. p. 214: раскопки г. Феро въ Бу-Мерзугъ, съ 8 таблицами; ibidem. 1864. p. 108: Monuments dits celtiques par J. Feraud; ibidem 1865: раскопки въ Эл-Менгубъ, съ 3 таблицами (курганъ); ibidem, 1866: p. 126, раскопки дольменовъ; ibidem, 1868, p. 433: указанія на дольмены. Fergusson, l. c. p. 359—414;

****) Arch. I, p. 263.

ихъ насчитываютъ до трехъ тысячъ *). Вообще отъ Марокко до Туниса, и въ особенности въ провинціи Константинской, сохранились цѣлыя группы—въ двѣ и три тысячи дольменовъ каждая **). Понятно, что открытіе такого количества первобытныхъ сооруженій, сильно повліяло на теорію французскихъ ученыхъ о происхожденіи этихъ сооруженій. Они принуждены были очевидностію отказаться отъ мнѣнія, будто первоначальная родина племени, сооружившаго такіе памятники, находилась въ Европѣ, и перенесли въ Африку колыбель этого народа.

Но и между этими памятниками въ Африкѣ, хотя мы выберемъ одни только дольмены, то всетаки увидимъ, что обыкновенная форма четыреугольнаго ящика, воздвигнутаго на поверхности земли, сохранилась во всѣхъ вообще дольменахъ, не смотря на нѣкоторое разнообразіе въ кладкѣ. Нѣтъ и слѣдовъ кургановъ или насыпей надъ этими памятниками. Даже каменистая почва главныхъ мѣстностей, на которыхъ стоятъ эти обнаженные дольмены, не допускаетъ возможности собрать достаточное количество земли для обсыпки ихъ курганами. Вообще, всѣ почти дольмены въ Африкѣ, никогда еще не раскопанные, состоятъ большею частью изъ четырехъ плитъ покрытыхъ большимъ камнемъ, болѣе или менѣе плоскимъ, и никогда не были прикрыты курганомъ (таб. III, рис. 1—9). Очень часто они обнесены рядомъ дикихъ камней, иногда круглымъ, иногда четырехугольнымъ; иногда даже попадаются два (таб. III, р. 7), три и четыре ряда подобныхъ камней. Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ дольменъ, находящійся у Тарфа и отличающійся особымъ поясомъ правильно обтесанныхъ четыреугольныхъ плитъ (таб. III. рис. 4), замѣчательный по сходству съ совершенно подобными памятниками, найденными на берегу Іордана ***). Такое же сходство съ европейскими мегалитическими памятниками было уже замѣчено и относительно всѣхъ прочихъ сооруженій въ Африкѣ.

При раскопкѣ дольменовъ въ Бени-Мессу, близь Алжира ****), найдены глиняные сосуды и бронзовыя или даже мѣдныя украшенія. Кости, очень дурно сохранившіяся, лежали въ безпорядкѣ, и хотя въ одномъ и томъ же дольменѣ неоспоримо погребены были мужчины, женщины и даже новорожденныя дѣти, однако нельзя положительно сказать, находились ли они въ лежачемъ, или въ сидячемъ положеніи. Напротивъ

---

*) Matériaux, V, p. 342.
**) Matériaux, VIII, p. 475.
***) Archiv. II, pag. 310 и Matériaux. V, p. 134.
****) Matériaux, IV, p. 303—304.

того, раскопки гг. Феро и Кристи*), близь Бу-Мерзугъ, дали положительные и важные результаты. Въ дольменѣ, состоящемъ изъ пяти плитъ (подоб. рис. 1 на таб. III, но закрытый со всѣхъ сторонъ), найдены человѣческія кости, разсыпавшіяся въ пепелъ. Однако г. Феро прилагаетъ рисунокъ положенія этихъ костей (таб. III, рис. 10). Въ дольменѣ съ кромлехомъ, какъ рис. 7, человѣческія кости, совершенно почти истлѣвшія, лежали вмѣстѣ съ черепками отъ обожженныхъ и не обожженныхъ глиняныхъ сосудовъ, съ лошадиными костями и съ металлическими предметами: бронзовая пряжка (рис. 18), бронзовый перстень съ изображеніемъ человѣческой фигуры на гнѣздѣ (ангелъ? рис. 15 и 16), бронзовое кольцо и птичья кость (cubitus). Въ третьемъ дольменѣ, кромѣ человѣческихъ костей, отрыли мѣдный перстень съ вырѣзаннымъ цвѣткомъ на гнѣздѣ (рис. 13 и 14) и черепки отъ сосудовъ. Въ дольменѣ, по кладкѣ своей какъ на рис. 5 (таб. III), нашли человѣческія кости, маленькіе сосуды по угламъ и известковый камень, въ родѣ топора. Но г. Кристи не призналъ этотъ камень за топоръ, такъ какъ онъ сдѣланъ изъ мягкой породы, а не изъ кремня.

Въ полу-дольменѣ, въ которомъ плита лежала плашмя на могилѣ и приподнята была только у одного угла большимъ камнемъ, нашли оставъ, лежащій на лѣвомъ боку (рис. 12), съ колѣнами приподнятыми почти до подбородка, съ руками сложенными на-крестъ на груди. Голова лежала на камнѣ лицемъ къ югу, ноги—къ сѣверу. Два сосуда по краямъ, какъ на рисункѣ 12, и еще два человѣческіе черепа находились у самыхъ ногъ остава; тутъ же остатки отъ кедроваго дерева и черепки. Въ другомъ полу-дольменѣ, въ могилѣ сложенной изъ двухъ рядовъ камней, правильно положенныхъ въ отвѣсномъ положеніи, найденъ полный оставъ въ такомъ же положеніи, какъ и въ предыдущемъ дольменѣ, вмѣстѣ съ другимъ еще черепомъ, лежащимъ у ногъ главнаго остава. Тутъ же много сосудовъ различныхъ формъ.

Упомянувъ о раскопкѣ могилъ называемыхъ полу-дольменами (таб. III, рис. 6, 9), я долженъ сказать и о находкѣ, сдѣланной, въ той же мѣстности, въ курганѣ съ каменною гробницею. Въ продолговатой каменной гробницѣ лежалъ оставъ человѣческій, въ томъ же положеніи, какъ въ вышеописанныхъ могилахъ (рис. 10).

---

*) Recueil. 1863, p. 220.

Верхняя плита	длина	2 м. 15.
	ширина	1 м, 40.
	толщина	0 м. 35.
Отвѣсныя плиты	вышина	0 м. 80.
	длина	1 м. 90.
	толщина	0 м. 25.
Поперечныя плиты	длина	1 м. 10.
	вышина	0 м. 80.

p. 225, № 10.

Плита	длина	2 м. 25.
	ширина	1 м. 60.
	толщина	0 м. 40.
Размѣръ внутренней гробницы	длина	1 м. 60.
	ширина	0 м. 60.
	глубина	1 м. 10.

p. 222. № 4.

Въ ногахъ у него кости и зубы лошадиные; и тутъ же найдены: желѣзное кольцо, остатки отъ удила желѣзнаго и желѣзная пряжка, бронзовая бляха, бронзовая серьга (рис. 17), остатки обтесанныхъ кремней и бронзовая монета Фаустины (141 по Р. Х). Находку этой монеты нѣкоторые ученые относятъ къ вещамъ, случайно и впослѣдствіи только попавшимъ въ могилу *); подобное предположеніе доказываетъ необходимость дальнѣйшихъ раскопокъ этихъ дольменовъ. О раскопкахъ произведенныхъ генераломъ Федербъ близь Рокнія **) мы знаемъ, что въ 30 изслѣдованныхъ могилахъ онъ нашелъ много сосудовъ, грубо сдѣланныхъ и самыхъ разнообразныхъ формъ, обломки бронзовыхъ браслетовъ и бронзовое кольцо, химическій анализъ котораго далъ слѣдующій результатъ:

мѣди	86,8.
олова	10,9.
потери	2,3.
	100,0.

Оставы были со сложенными ногами и, какъ говорятъ, иногда въ сидячемъ положеніи. На той же мѣстности въ Рокнія, близь Хаммамъ-Нескутинъ, г. Бургиніа произвелъ раскопку ***) 28 дольменовъ. Найденные черепа казались долико-пентагональными въ одной сѣверо-восточной части этой мѣстности; въ другой части, черепа показались ему типа негрскаго и берберскаго (type nègre et berbère). Въ каждой могилѣ попадался одинъ или, иногда, и до четырехъ остановъ. Изъ металлическихъ вещей найдено: 13 различныхъ украшеній изъ бронзы, браслеты, витые браслеты, кольца и пр. (таб. IV, рис. 1, 2, 3, 6, 8); изъ серебра вызолоченнаго: два кольца, большое кольцо и два растянутыя кольца (рис. 4, 5, 9). Анализъ бронзы далъ:

мѣди	86,68.	— 90,74
олова	12,67.	— 8,92
желѣза	0,65.	— 0,34
	100,00.	100,00

*) Matériaux, VIII, p. 478. L' un des ecueil à éviter dans les fouilles est l' ensevelissement secondaire. Le dolmen de Ben-Merzoug dans lequel M.M. Feraud et Christy ont decouvert un mors de cheval, une sorte de boucle d' oreille et une médaille romaine de Faustine devait être dans ce cas; la table du sommet en était détruite et les fragments épars. La position du corps n'a pu être détérminée, et dans la même tombe se trouvait un squelette de cheval, ce qui est peu conforme aux usages observés dans les autres dolmens (Revue africaine. Alger, 1872).

**) Matériaux, IV, p. 236. Faidherbe, Recherches anthropologiques sur les tombeaux mégalith. de Roknia dans Bull. de l' Acad. d' Hippone. Bone, 1868. № 4, p. 1—76., planche I à XIII.

***) Materiaux, V, p. 192—195.—I. B. Bourguignat, Histoire des monuments mégalith. de Roknia près d' Hammar-Neskoutin. Paris, 1868: cartes, figures dans le texte et 9 planches.

Обыкновенно сосуды (таб. IV, рис. 10—16) стояли въ головахъ; но когда находилось два остава, то сосуды поставлены были въ противолежащемъ углу могилы. Всего найдено 45 сосудовъ.

Раскопки въ Эл-Гуарецъ *) описаны слишкомъ бѣгло г. Шабассіеромъ. Онъ нашелъ орудія, особой неизвѣстной формы (?), и круглые камни, которые также отнесены къ числу орудій для защиты. По его рисункамъ (таб. III, рис. 19) видно, что положеніе оставовъ въ дольменахъ было такое же, какое замѣтилъ г. Феро. Въ двухъ полу-дольменахъ (какъ на таб. III, рис. 6 или даже 4) оставы лежали на лѣвомъ боку, съ приподнятыми къ головѣ колѣнами; но въ двойномъ дольменѣ (какъ одиночные № 1 или 5) найдены два остава лежащіе на спинѣ, съ протянутыми ногами и руками.

Не смотря на обиліе предметовъ въ иныхъ мѣстностяхъ, въ другихъ, какъ напримѣръ близь Мазела **), въ дольменахъ не нашли ни сосудовъ, ни металлическихъ вещей, а только слѣды истлѣвшихъ оставовъ.

За тѣмъ переходя къ Португаліи ***), мы находимъ и тутъ дольмены, извѣстные въ народѣ подъ прозваніемъ «антасъ» (antas). Въ двухъ изъ нихъ, разрытыхъ г. Перейра-да-Коста, найдено было только нѣсколько каменныхъ топоровъ, довольно грубо шлифованныхъ. О дальнѣйшихъ раскопкахъ доложилъ Болонскому съѣзду г. Да-Сильва ****). Сперва онъ изслѣдовалъ дольменъ близь Лиссабона, стоящій на горахъ Цинтра и составляющій самую колоссальную постройку всей Эстрамадурской провинціи. Въ немъ кромѣ черной земли, не встрѣчающейся нигдѣ на мѣстныхъ гранитныхъ скалахъ, на которыхъ сооруженъ дольменъ, ничего другаго не найдено. За то въ двухъ дольменахъ близь города Томаръ (Thomar, въ 122 километрахъ отъ Лиссабона), хотя они повидимому были уже тронуты, найдены были три черепа поврежденные и два ножа изъ полированнаго кремня. Для образца португальскихъ дольменовъ, на таб. IV (рис. 17) представленъ дольменъ, находящійся близь Арройолосъ, по Бонштеттену.

Въ Испаніи форма дольменовъ, сколько можно судить по рисунку сообщаемому Фергюссономъ (таб. IV, рис. 18), должна быть во многихъ подробностяхъ различна отъ формы португальскихъ *****). Но мы не знаемъ, были ли изслѣдованы испанскіе дольмены или нѣтъ.

---

*) Recueil. 1866, p. 126, съ таблицею рисунковъ (pl. IX).

**) Materiaux. V, p. 222—225.

***) Ibidem IV, p. 336.—Fergusson, l. c. p. 389.—Congrès de Paris. 1867. p. 181—184.

****) Congrès international à Bologne, 1871. Paris. 1873. 8°, page 336.

*****) L. c. p. 383.—Congrès de Paris. 1867, page 211.

Что касается до Франціи, то столько уже лѣтъ, какъ стали собирать свѣдѣнія объ этихъ постройкахъ и стали изслѣдовать ихъ, что Франція кажется теперь страною, гдѣ дольмены многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Не смотря однако на всѣ эти изслѣдованія, вопросъ о времени и народности дольменовъ и тутъ не вполнѣ еще разъяснился. Даже, какъ мы замѣтили вначалѣ, французскіе ученые отчасти виновны въ неправильной постановкѣ этого вопроса.

Но мы не станемъ перечислять всѣ мѣстности Франціи, на которыхъ найдены были дольмены. Для этого существуютъ труды барона А. Бонштеттена (Essai sur les dolmens, accompagné d'une carte, de planches et de dessins sur bois. Genève. 1865, 4°), Александра Бертранъ (Les monuments primitifs de la Gaule, monuments dits celtiques, dolmens et tumulus. Paris, 1863.—De la distribution des dolmens sur la surface de la France. Paris, 1864, avec une carte) и многихъ другихъ ученыхъ.

Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, мы выберемъ только то, что относится до дольменовъ первобытной, четыреугольной формы, и до раскопки ихъ. Только такіе дольмены для насъ по преимуществу любопытны, какъ сохранившіе безъ измѣненій ту первоначальную, типичную форму, которая встрѣчается какъ въ африканскихъ, такъ и въ азіатскихъ, равно и въ нашихъ дольменахъ. Этою же мыслью мы руководствовались при выборѣ образцовъ, изображенныхъ на таблицѣ V и заимствованныхъ изъ мегалитическихъ памятниковъ департаментовъ Морбигана, Дордоны, Ѣръ, Бретаньи, Лозеры и Лота.

Конечно, не одинъ этотъ первоначальный типъ дольменовъ составляетъ существенное доказательство для опредѣленія эпохи и народности ихъ. Гораздо важнѣе для уясненія такого вопроса обратиться прямо къ раскопкѣ этихъ памятниковъ и къ изслѣдованію предметовъ, въ нихъ найденныхъ. Отсюда только можно получить общіе выводы, которые покажутъ, въ какомъ отношеніи къ формѣ и величинѣ дольменовъ находятся и самыя находки.

Въ южныхъ департаментахъ Франціи, начиная съ Пиреней и Аріежы *), мегалитическіе памятники весьма не рѣдки, но о раскопкахъ ихъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Въ департаментѣ Гаръ (Gard), г. Картельякъ **) пришелъ къ убѣжденію, что дольмены мѣстные принадлежатъ къ концу періода полированнаго камня и къ началу бронзоваго вѣка. Кромѣ каменныхъ орудій, въ

*) Matériaux, VIII, p. 397—399; IX, p. 114—115.
**) Ibidem, V, p. 587, съ рисунками каменныхъ орудій.

нихъ найдены кости, янтари и бронзовыя издѣлія, подражающія формамъ каменныхъ предметовъ.

Тотъ же неутомимый археологъ г. Картельякъ много изслѣдовалъ дольменовъ въ департ. Авейронъ (Aveyron) и говоритъ, что они весьма многочисленны *), большею частію самой простой формы, и только рѣдко попадаются дольмены круглые. Они сдѣланы изъ мѣстнаго гранита, безъ всякихъ слѣдовъ обтески. Изъ предметовъ, одна пятая только принадлежитъ къ металлическимъ издѣліямъ изъ бронзы, мѣди, или олова съ смѣсью. Но отдѣльные раскопки намъ еще яснѣе опредѣлятъ характеръ находимыхъ предметовъ, чѣмъ общія соображенія. Такъ въ дольменѣ въ Трюанъ **) находились семь оставовъ, разныхъ возрастовъ, сожженыхъ и несожженыхъ, въ томъ числѣ и одного ребенка. Изъ предметовъ найдены (таб. VI, рис. 10, 11, 12 и 13): каменныя орудія, бусы изъ аспида и изъ мрамора (?), большія бусы изъ бронзы, семь бронзовыхъ пластинокъ, съ отверстіемъ для гвоздика. Въ другихъ дольменахъ попадались: черепки грубой, черной посуды съ кое-какими узорами и даже кусокъ сильно заржавленнаго желѣза и кусочки веревки изъ конопли (рис. 13). Въ другой мѣстности ***) нашли также бронзовыя издѣлія вмѣстѣ съ кремневыми орудіями, какъ-то: бронзовыя кольца, палочки и пластинки. Въ этихъ же дольменахъ находились черепки, изукрашенные узорами въ видѣ городковъ и пересѣкающихся линій. Наконецъ, въ изслѣдованіи, сообщенномъ съѣзду въ Норвичѣ ****), г. Картельякъ описалъ послѣднія свои находки въ дольменахъ, изъ которыхъ мы выбрали самые любопытные (таб. VI, рис. 10—30). Тутъ же попадались и предметы изъ желѣза.

Въ департ. Лозеры *****) не существуетъ дольменовъ, прикрытыхъ насыпью, а смотря по положенію въ нихъ найденныхъ костей, можно заключить, что покойники хоронились въ сидячемъ положеніи. Вообще дольмены расположены на обширныхъ возвышенностяхъ состоящихъ изъ песчаника, на 800 и до 1200 метровъ надъ уровнемъ моря. Они слывутъ подъ названіемъ гробницъ великановъ, или камней великановъ (tombe de Géants, pièrre des Géants). Въ нихъ находимы были каменныя орудія, привѣски изъ зубовъ медвѣжьихъ, собачьихъ и свиныхъ, ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, раковинъ, работаннаго оленьяго рога, бронзовыя украшенія и сосуды, иногда

*) Congrès de Paris 1867, p. 185—192, (page 192).
**) Matériaux, II, p. 144—154.
***) Matériaux, III, p. 65.
****) Therd session, 1868. Norwich. p. 351—358, съ рисунками вещей и дольменовъ.
*****) Matériaux, V, p. 321 съ рисунками дольменовъ и найденныхъ вещей.

грубой отдѣлки, а иногда чернаго или бураго цвѣта съ рисунками. Въ одномъ дольменѣ, изслѣдованномъ докторомъ Прюніеръ *), онъ нашелъ ожерелье, два бронзовые браслета, два кольца, одно бронзовое, другое глиняное, бронзовыя и желѣзныя пряжки и черепки отъ глиняной тарелки и другихъ сосудовъ. Другія раскопки, произведенныя близь Мендъ **), доказали, что продолговатыя гробницы, невѣрно называемыя дольменами, принадлежатъ къ другому погребальному обычаю, такъ какъ въ нихъ оставы лежали на спинѣ, и даже по два въ одной могилѣ.

Департ. Арденсы считаютъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ, по количеству мегалитическихъ памятниковъ, но часто при раскопкѣ ихъ не встрѣчается ничего, кромѣ изломанныхъ человѣческихъ костей ***). Хотя г. Сави, занявшійся спеціально этими памятниками, (Savy. Recherches sur l'ancienneté de l'homme dans les grottes et monuments mégalithiques du Vivarais, avec carte et nombreuses planches. Paris, 1869, 8°) говоритъ, что многіе изъ дольменовъ еще закрыты со всѣхъ четырехъ сторонъ плитами. Но иногда находимы были въ дольменахъ украшенія изъ бронзы, мѣди и золота ****). Въ настоящихъ дольменахъ попадались иногда каменныя орудія, и оставы были всегда въ согнутомъ (сидячемъ?) положеніи.

О дольменахъ и раскопкахъ среднихъ департаментовъ Франціи мы имѣемъ меньше свѣдѣній. При раскопкѣ, произведенной въ департ. Коррезы, близь Лашассанье *****), въ дольменѣ стоящемъ на вершинѣ кургана, у самаго входа въ дольменъ, найдены черепки отъ грубой посуды и три или четыре такія же бусы изъ камня (jayet и calcaire), которыя попадались въ департ. Авейронъ и Лозеры вмѣстѣ съ кремневыми орудіями, а иногда съ бронзовыми издѣліями. Между тѣмъ въ дольменѣ близь Бривы ******), г. Лаландъ не нашелъ никакихъ вещей, кромѣ человѣческихъ костей и черепковъ отъ красноватыхъ сосудовъ. Подробный отчетъ о дольменахъ департаментовъ Коррезы и Канталь представленъ былъ тѣмъ же г. Ф. Лаландъ Парижскому съѣзду *******). Въ формѣ дольменовъ встрѣчаются нѣкоторыя измѣненія, но раскопки ихъ оказались весьма небогатыми: за исключеніемъ костей и черепковъ ничего не найдено.

---

*) Matériaux, V, 42—43.
**) Ibidem, VIII, p. 37.
***) Matériaux, V, p. 435.
****) Ibidem, VI, p. 265—268.
*****) Matériaux, VI, p. 403.
******) Revue archéol. 1865, XI, p. 507.
*******) Congrès de Paris. 1867, p. 169—180.

Въ департ. Верхней Віенны, въ дольменахъ близь Бернсиль *), попадались каменныя орудія, угли и черепки отъ сосудовъ. Въ департаментѣ Віенны, напротивъ того, находки болѣе любопытны **). Разсматривая хоть одну только общую форму дольменовъ, всѣхъ, болѣе приближающихся къ первоначальному типу, мы встрѣчаемъ здѣсь сооруженія въ видѣ трапеціи, въ видѣ пятиугольниковъ (Лубрессакъ), шестиугольниковъ (Артронъ и Арлэ) и даже въ видѣ круга. По видимому, строители руководились скорѣе величиною плиты, назначенной для крыши при порядкѣ размѣщенія подпоръ, чѣмъ какимъ нибудь предвзятымъ правиломъ или обычаемъ. Находки, въ дольменахъ этихъ, состояли изъ каменныхъ орудій (изъ кремня, траппа и порфира), изъ раковинъ, костей и камешковъ для ожерелій; но о самомъ способѣ погребенія нельзя было составить никакого положительнаго вывода.

Наконецъ, разсматривая свѣдѣнія о сѣверныхъ департаментахъ, мы увидимъ, что въ Морбиганѣ, находки около Киберонъ ***) были весьма скудны. Въ дольменахъ нашли только черепки отъ сосудовъ, уголь, кремневые наконечники отъ стрѣлъ и одно каменное долото. Не болѣе успѣшныя раскопки сдѣланы были въ 1865 году около той же мѣстности ****). Около головы найденъ былъ только одинъ сосудъ, изъ грубой, черной глины.

Въ департ. Финистера *****) замѣчено было три различные способа погребенія. Между прочимъ быси дольмены, имѣющіе у основанія 1 метра 20 длины на 0 метръ 90 ширины и 1 метръ 65 вышины. Изъ предметовъ, въ нихъ найденъ былъ кремневый и грубый сосудъ съ ручкою.

Въ департ. Коте-дю-Нордъ ******), близь Плёвенъ, въ дольменѣ лежалъ у головы остава діоритовый топоръ, а у ногъ—бронзовый кинжалъ. По этимъ подробностямъ судя, видно, что оставы погребены были въ лежачемъ положеніи, слѣдовательно и самый дольменъ имѣлъ не квадратную, типичную форму, а продолговатую.

Наконецъ въ департ. Эны (Aisne) всѣ дольмены, а также и полу-дольмены, принадлежатъ къ періоду полированнаго камня *******).

И такъ, изъ раскопки французскихъ дольменовъ можно вывести общее заключеніе, что они принадлежали къ концу каменнаго или къ

*) Materiaux. IX. p. 193.
**) Ibidem. II. p. 378.
***) Matériaux. V, p. 122—124.
****) Revue archéol. 1865. XI. p. 250.
*****) Ibidem. VI, p. 551.
******) Matériaux. IX, p. 437.
*******) Ibidem. V, 281.

началу бронзоваго вѣка. Даже, по найденнымъ кое-гдѣ желѣзнымъ предметамъ, слѣдуетъ ихъ скорѣе приписать къ концу бронзоваго и къ началу желѣзнаго вѣка, когда каменныя орудія находились еще въ употребленіи. Для болѣе точнаго опредѣленія отличительнаго характера предметовъ, находимыхъ въ дольменахъ Франціи, мы собрали на таб. VI нѣсколько образцовъ различныхъ издѣлій. Главный и отличительный признакъ французскихъ дольменовъ составляетъ изобиліе гончарныхъ произведеній *). Форма сосудовъ постоянно подражаетъ однимъ и тѣмъ же типамъ: широкое отверстіе, круглое или плоское дно и отсутствіе ручекъ и крышекъ (рис. 1—9). Вообще всѣ сосуды имѣютъ форму грубо сдѣланнаго тигеля, и въ одномъ и томъ же дольменѣ попадаются сосуды самые простые вмѣстѣ съ сосудами болѣе или менѣе изящными. Рисунки на сосудахъ (рис. 4, 5, 7) одинаковы, какъ на сѣверѣ Франціи, такъ и въ Англіи. Изъ другихъ издѣлій найденныхъ въ департ. Авейронѣ изображены: рис. 10—бусы изъ аспида; рис. 11—буса плоская изъ jayet; рис. 12—продолговатая буса изъ мрамора и рис. 13—продолговатая буса изъ бронзы съ остаткомъ коноплевой бичевки **); рис. 14 и 15—такія же бронзовыя бусы сдѣланныя по образцу каменныхъ; рис. 16—бронзовая пластинка свернутая въ трубочку; рис. 17, 18 и 19—бронзовыя тонкія пластинки съ дырочками, вѣроятно для пришивки къ одеждѣ; рис. 20, 21 и 22—бронзовыя колечки разныхъ величинъ; рис. 23—бронзовая проволочка свернутая спирально; рис. 24—двойное бронзовое колечко спиралью; рис. 25—бронзовый браслетъ; рис. 26—бронзовый браслетъ (кажется кованный), съ вырѣзанными вглубь узорами; рис. 27—привѣска бронзовая, вѣроятно носимая (какъ представлено на рисункѣ) вмѣстѣ съ бусами; рис. 28—другая такая же привѣска изъ бронзы, сдѣланная въ подражаніе звѣринаго зуба; рис. 29—привѣска изъ раковины; рис. 30—привѣска изъ раковины Cardium ***).

Въ Бельгіи дольмены менѣе многочисленны чѣмъ курганы; но въ Люксембургѣ всѣхъ болѣе встрѣчается мегалитическихъ памятниковъ ****). Затѣмъ переходя въ Англію, мы имѣемъ много свѣдѣній какъ о самихъ памятникахъ, такъ и о раскопкѣ ихъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ томѣ).

---

*) Revue archéol. 1865. XI, p. 257. La Céramique des dolmens dans le Morbihan, par le D-r de Closmadeuc, съ двумя таблицами.

**) Matériaux, II, p. 147—150.

***) Congress of Norwich. 1868, p. 358, pl. I, II.

****) Matériaux, IX, p. 309. Сообщеніе на Штокгольмскомъ съѣздѣ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ЗАМѢТКА О РОГВОЛОДОВОМЪ КАМНѢ 1171 ГОДА.

Гр. А. С. Уварова.

О Рогволодовомъ камнѣ 1171 г. было упомянуто еще въ вопросахъ перваго археологическаго съѣзда, а въ «Трудахъ» съѣзда (томъ I, стр. LXXI—LXXII) сообщены всѣ имѣющіяся объ немъ свѣдѣнія. Но желательно было убѣдиться, до какой степени вѣренъ рисунокъ снятый академикомъ Кеппеномъ (Ученыя Записки, III, стр. 59—70) и въ какомъ положеніи находится теперь этотъ драгоцѣнный остатокъ нашей отечественной старины.

Рогволодовъ камень находится въ 22 верстахъ за городомъ Оршею; если ѣхать по Минскому тракту, надо поворотить на 22-й верстѣ вправо, и, проѣхавъ полверсты мелкимъ березникомъ, можно увидѣть на серединѣ пашни (деревни Лѣсиновской, у самаго села Галатова, близь деревни Дятловой) деревянную часовню въ честь св. Бориса и Глѣба. Самый камень, состоящій изъ натуральнаго валуна, весьма плоскаго, занимаетъ середину пола. Края этой плиты скрыты отчасти досками пола, отчасти деревянною солеею у иконостаса. Плоская поверхность валуна не обтесана и сохранила всю натуральную свою неправильность и шероховатость. Крестъ на ступеняхъ и круговая надпись выдолблены глубиною болѣе чѣмъ на полвершокъ и сохранились почти вездѣ безъ всякихъ поврежденій. Твердость камня много тому способствовала. Онъ, какъ кажется, состоитъ изъ породы красноватыхъ плотныхъ песчаниковъ. Вся надпись слѣдующаго содержанія (буквы, поставленныя между скобами, повреждены):

въ лѣ ѕхо҃ мца маиа въ ѕ дн҃ь доспе(н)х (к)рх сні гипомозн (ра)бу сво
(верхняя часть креста) +ему василию бкіценнменемь рогволод(у) сну борн
сову

Для русской палеографіи любопытно замѣтить, что на этой надписи 1171 года встрѣчается уже вязь буквъ нн, тогда какъ + и е въ словѣ +ему совершенно отдѣлены одна отъ другой.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 104. 17 февраля 1875 года. Протоколъ годоваго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, В. Б. Антоновича, Н. А. Артлебена, Е. В. Барсова, А. В. Брыкина, А Н. Веселовскаго, К. К. Гёрца, А. А. Гатцука, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, П. С. Казанскаго, Н. В. Калачова, В. О Ключевскаго, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, А. Н. Минха, Е. И. Перетятковича, А. Н. Попова, Н. А. Попова, Д. В. Разумовскаго, А. В. Рачинскаго, Н. П. Розанова, С. М. Соловьева, Н. И. Субботина, гр. М. В. Толстаго, А. Г. Тышинскаго, М. М. Ѳомина, А. И. Хлудова и Секретаря Общества В. Е Румянцова.

1. Прочитанъ отчетъ о составѣ и дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества за истекшій годъ, съ 15 января 1874 г. по 17 февраля 1875 года.

2. Предсѣдатель заявилъ, что сегодня оканчивается первое десятилѣтіе со времени основанія Московскаго Археологическаго Общества. Въ виду подведенія общихъ итоговъ десятилѣтней ученой дѣятельности Общества, предпринято издать общее оглавленіе и указатель именъ личныхъ, географическихъ и предметовъ къ 4 томамъ «Древностей» и къ «Археологическому Вѣстнику»; но къ настоящему дню могъ быть напечатанъ только первый выпускъ этого изданія. Представивъ затѣмъ краткій обзоръ того, что сдѣлано въ истекшія 10 лѣтъ Обществомъ для успѣховъ археологической науки и чего оно не могло исполнить, Предсѣдатель особенно остановился на тѣхъ явленіяхъ, которыя даютъ уже предчувствовать, и на тѣхъ средствахъ, которыя несомнѣнно могутъ обѣщать, что въ близкомъ будущемъ разработка отечественной археологіи сильнѣе еще оживится, чѣмъ прежде. Успѣхи

нашихъ археологическихъ съѣздовъ, высказалъ Предсѣдатель, служатъ первымъ отраднымъ и многообѣщающимъ явленіемъ для всѣхъ, принимающихъ къ сердцу развитіе русской археологіи. Хотя наша отечественная археологія не проникла еще въ область тѣхъ наукъ, на которыя публика стала обращать свое вниманіе, но постоянно увеличивающееся число посѣтителей археологическихъ съѣздовъ доказываетъ сочувствіе къ ней даже тѣхъ лицъ, которыя только что начинаютъ знакомиться съ отечественными древностями. Еще недавно, на третьемъ съѣздѣ въ Кіевѣ, мы видѣли, что залы Университета св. Владиміра оказались недостаточными для желающихъ присутствовать на засѣданіяхъ съѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, научное значеніе археологическихъ съѣздовъ вполнѣ было оцѣнено всѣми учеными, русскими и иностранными, какъ гг. члены могли убѣдиться сами изъ отзывовъ ихъ въ печати. Но для полнаго развитія нашей отечественной археологіи, продолжалъ Предсѣдатель, наши съѣзды не составляютъ единственнаго рычага, которымъ слѣдуетъ пользоваться. Они конечно на короткое время, хотя и періодически, сближаютъ ученыхъ между собою. На это время археологическая наука выдвигается на первый планъ, какъ единственная цѣль съѣхавшихся ученыхъ,—она поглощаетъ всѣ прочія занятія, и остатки нашего древняго быта на это время оживляются новою жизнью, и вся наша старина воскресаетъ какъ бы въ осязаемой дѣйствительности. Но это явленіе бываетъ только на съѣздахъ, а въ промежутокъ времени между съѣздами опять воцаряется раздѣльность занятій, раздѣльность изслѣдованій. На время этихъ промежутковъ между съѣздами необходимо сплотить тѣснѣе между собою всѣ наши ученыя историко-археологическія общества. Только изданіе одного общаго органа ежемѣсячнаго, въ которомъ будутъ немедленно помѣщаться протоколы всѣхъ ученыхъ обществъ, достигнетъ этой цѣли. Подобный органъ послужилъ бы звеномъ между всѣми археологическими обществами и постоянно извѣщалъ бы всѣхъ лицъ, занимающихся наукою, о вопросахъ, стоящихъ на очереди, и о всѣхъ новыхъ открытіяхъ. Наконецъ,—заключилъ Предсѣдатель,—будущій историческій Музей имени Государя Наслѣдника, Августѣйшаго нашего Покровителя, несомнѣнно придастъ также новую жизнь археологическимъ занятіямъ. Программа Музея, обнимая древній и новый бытъ Россіи, касается всѣхъ отраслей археологической науки и представитъ намъ драгоцѣнное собраніе всѣхъ нашихъ русскихъ памятниковъ, служащихъ для разъясненія отечественной исторіи. Теперь уже многіе изъ нашихъ членовъ заняты собираніемъ свѣдѣній о тѣхъ памятникахъ, которые должны вступить въ составъ будущаго Музея. Сборникъ такихъ матеріаловъ будетъ самъ по себѣ необходимою настольною книгою и для всѣхъ археологовъ и для всѣхъ историковъ, несмотря на свое спеціальное значеніе указателя памятниковъ Историческаго Музея.

3. Секретарь прочелъ слѣдующіе поздравительные адресы, письма и телеграммы, полученные на имя Общества и г. Предсѣдателя, по случаю совершившагося нынѣ десятилѣтія со времени основанія Московскаго Археологическаго Общества.

а) Отъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ:

«Первое десятилѣтіе Московскаго Археологическаго Общества ознаменовалось столь блестящею дѣятельностію и изданіемъ столькихъ замѣчательныхъ трудовъ, что и болѣе продолжительный періодъ существованія могъ бы гордиться ими. Вотъ почему Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, при окончаніи этого десятилѣтія, вмѣняетъ себѣ въ особенное удовольствіе выразить Обществу и достойному Предсѣдателю его свое искреннее сочувствіе къ ихъ плодотворной дѣятельности и вмѣстѣ желаніе, чтобы она еще многіе и многіе годы продолжалась къ чести Россіи, на пользу науки.»

«И. Срезневскій, А. Никитенко, Я. Гротъ, А. Бычковъ, М. Сухомлиновъ».

б) Отъ Отдѣленія Русской и Славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества:

«Московское Археологическое Общество, въ теченіи 10 лѣтъ со времени своего основанія, успѣло не только обогатить науку важными трудами и замѣчательными изслѣдованіями, но и пробудить во многихъ желаніе и любовь къ изученію русскихъ древностей. Въ виду этихъ несомнѣнныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной наукѣ, Отдѣленіе Русской и Славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества считаетъ для себя пріятнымъ долгомъ принесть Московскому Археологическому Обществу искреннее поздравленіе со вступленіемъ его во второе десятилѣтіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить ему задушевное, братское желаніе дальнѣйшаго процвѣтанія и успѣховъ въ изслѣдованіи той области знанія, которая составляетъ краеугольный камень бытописанія. При этомъ случаѣ, въ справедливомъ признаніи заслугъ достоуважаемаго основателя и Предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества графа А. С. Уварова, Отдѣленіе Русской и Славянской археологіи, обязанное своимъ образованіемъ также его почину, съ особеннымъ сочувствіемъ обращаетъ къ нему привѣтственное слово и желаніе, чтобы многоплодная его дѣятельность, всецѣло посвященная разработкѣ отечественныхъ древностей, продолжала приносить блистательные плоды многіе и многіе годы, и чтобы отдаленное прошлое нашего отечества, при его просвѣщенномъ содѣйствіи, совокупными трудами обоихъ Обществъ, было раскрыто и объяснено, а русская археологія была доведена до высшей степени преуспѣянія.»

«Управляющій Отдѣленіемъ А. Бычковъ.
Секретарь Отдѣленія Ѳ. Опочининъ».

в) Отъ Филологическаго Общества Императорскаго С.-Петербургскаго Университета:

«Филологическое Общество Импер. С.-Петербургскаго Университета, глубоко уважая просвѣтительное направленіе и плодотворную, неслабѣющую дѣятельность Московскаго Археологическаго Общества, считаетъ лестнымъ для себя долгомъ привѣтствовать его съ окончаніемъ десятилѣтія со времени его основанія и выразить ему и его достойному Предсѣдателю графу А. С. Уварову свое теплое сочувствіе къ ихъ важнымъ заслугамъ на пользу науки и отечества.»

«Предсѣдатель И. Срезневскій. Товарищъ Предсѣдателя К. Коссовичъ. О. Миллеръ.» За симъ—подписи 21 члена Филологическаго Общества.

г) Отъ Предсѣдателя означеннаго Филологическаго Общества на имя Предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества:

«Милостивый Государь, графъ Алексѣй Сергѣевичъ! Важныя заслуги Вами въ дѣлѣ просвѣщенія, выразившіяся не только множествомъ Вашихъ собственныхъ научныхъ трудовъ, но и разнообразными поощреніями другихъ къ подобнымъ трудамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—починомъ, веденіемъ и довершеніемъ разныхъ научныхъ предпріятій, не могли не утвердить всюду къ Вамъ глубокое уваженіе, а въ сердцахъ русскихъ людей, любящихъ отечество, вмѣстѣ съ уваженіемъ и глубокую благодарность.

Филологическое Общество С.-Петербургскаго Университета, считая съ своей стороны долгомъ выразить полное сочувствіе и уваженіе къ Вашимъ заслугамъ, нашло приличный для этого поводъ въ окончаніи десятилѣтія со времени открытія Московскаго Археологическаго Общества, Вами основаннаго и поставленнаго на степень важнѣйшихъ археологическихъ учрежденій въ Россіи. Полногласнымъ своимъ рѣшеніемъ оно избрало Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ.

Примите, сіятельный графъ, это выраженіе нашего общаго чувства, какъ дань нелицепріятной признательности.

Предсѣдатель Филологическаго Общества И. Срезневскій».

д) Отъ Кіевскаго Историческаго Общества преп. Нестора Лѣтописца:

«Кіевское Историческое Общество Нестора Лѣтописца привѣтствуетъ Московское Археологическое Общество въ день его десятилѣтія.

Десятилѣтнее существованіе—срокъ не долгій; но если измѣрять права Общества на вниманіе и уваженіе не количествомъ прожитыхъ лѣтъ, а степенью ученыхъ заслугъ, то въ этомъ отношеніи 10-лѣтіе Московскаго Археологическаго Общества равняется доброму 50-лѣтнему юбилею.

Московскому Археологическому Обществу Кіевъ обязанъ изданіемъ «Описанія Кіева» Закревскаго,—этого почтеннаго собранія матеріаловъ для исторіи матери градовъ русскихъ, равнаго которому не имѣютъ другіе русскіе города.

Московскому Археологическому Обществу Кіевъ обязанъ прошлогоднимъ археологическимъ съѣздомъ, возбудительно подѣйствовавшимъ на Кіевское ученое общество. Первая мысль объ устройствѣ съѣздовъ возникла въ Москов. Археолог. Обществѣ; первый организаторъ и двигатель съѣздовъ былъ учредитель и Предсѣдатель Москов. Археолог. Общества графъ А. С. Уваровъ, бывшій предсѣдателемъ и главнымъ дѣятелемъ и прошлогодняго Кіевскаго съѣзда. Подъ его предсѣдательствомъ соединялись и члены Московскаго Археологическаго Общества и члены Кіевскаго Общества Нестора Лѣтописца, принимавшіе иниціативу при осуществленіи мысли объ устройствѣ съѣзда и всею корпораціею вошедшіе въ его составъ.

Память о дружескомъ ученомъ общеніи, завязавшемся на съѣздѣ между москвичами и кіевлянами, побуждаетъ Общество Нестора Лѣтописца пожелать Московскому Арх. Обществу столь же счастливаго и многоплоднаго для науки будущаго, какимъ было и прошедшее.

Избравъ единогласно въ своемъ засѣданіи, 9 февраля сего года, Предсѣдателя Москов. Археолог. Общества графа А. С. Уварова въ свои Почетные Члены, Общество Нестора Лѣтописца тѣмъ самымъ ставитъ себя въ связь съ достойнымъ Обществомъ и выражаетъ ему свое особенное сочувствіе.»

«Предсѣдатель В. Иконниковъ. Секретарь И. Хрущовъ».

е) Отъ того же Общества Нестора Лѣтописца телеграмма:

«Кіевское Историч. Общество, привѣтствуя 10-лѣтіе Московскаго Археологическаго Общества, желаетъ ему въ будущемъ такой же многоплодной ученой дѣятельности. какова была прошедшая.»

«Предсѣдатель Иконниковъ».

ж) Отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи—телеграмма:

«Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи, во вниманіе къ заслугамъ Московскаго Археологическаго Общества для русской археологической науки, привѣтствуетъ Общество съ совершившимся десятилѣтіемъ его ученой дѣятельности.»

«Предсѣдатель Общества Епископъ Филаретъ».

з) Отъ Д. чл. Общества, профессора Харьковскаго Университета Н. Я. Аристова:

«Отъ души поздравляю Московское Археологическое Общество съ десятилѣтней плодотворной дѣятельностію. За этотъ короткій срокъ оно успѣло внести въ скудную сокровищницу отечественной археологической науки много цѣнныхъ вкладовъ и сообщило ея движенію болѣе жизненное и практическое направленіе, такъ что теперь настала пора преподаванія ея съ университетскихъ каѳедръ. Искренно желаю, чтобы труды Общества еще сильнѣе размножались и возрастали, на пользу и славу отечества. Привѣтствую благородныхъ тружениковъ науки, которые такъ честно способствовали освѣщенію тайнъ жизни нашихъ могучихъ предковъ и содѣйствовали развитію народнаго самосознанія.»

и) Отъ Д. чл. А. М. Клочкова письмо на имя Предсѣдателя:

«Мучительная болѣзнь не позволяетъ мнѣ, къ великому моему прискорбію, принять участіе въ имѣющемъ быть сегодня празднованіи десятилѣтія нашего Московскаго Археологическаго Общества. Тѣмъ не менѣе, душевно участвуя въ этомъ праздникѣ, прошу Ваше Сіятельство заявить Обществу о моемъ искреннемъ пожеланіи, чтобы оно съ такимъ же славнымъ успѣхомъ подвизалось на своемъ обширномъ поприщѣ, какъ и до сего времени. Вмѣстѣ съ этимъ позвольте и Васъ, какъ главнаго и неутомимаго дѣятеля Общества, поздравить также по этому случаю».

3. Предсѣдатель гр. А. С. Уваровъ и секретарь Общества В. Е. Румянцовъ изложили устно содержаніе своихъ статей, напечатанныхъ, какъ приложеніе, въ приготовленномъ къ настоящему дню изданіи: первый—о Суздальскомъ оплечьѣ; второй—о принадлежащемъ Московскому Археологическому обществу домѣ, на Берсеневкѣ.

4. По поводу сообщенія секретаря объ означенномъ домѣ, Д. чл. Н. В. Калачовъ напомнилъ обществу о томъ участіи, какое нынѣшній

министръ юстиціи графъ К. И. Паленъ принималъ въ Высочайшемъ пожалованіи Московскому Археологическому Обществу принадлежащаго теперь ему дома, бывшаго предъ тѣмъ въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи; въ виду этого участія, Н. В. Калачовъ предложилъ обществу избрать графа Палена въ почетные свои члены.

Предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ заявилъ по поводу этого предложенія, что онъ не сомнѣвается въ общемъ единодушномъ сочувствіи всѣхъ членовъ Общества къ предложенію, сдѣланному Н. В. Калачовымъ, и сожалѣетъ только, что въ сегодняшнемъ годовомъ собраніи оно не можетъ осуществиться, потому что въ годовыхъ собраніяхъ производятся только выборы должностныхъ лицъ. Въ виду этого, онъ предложилъ отложить этотъ выборъ до ближайшаго экстреннаго собранія.

5. На основаніи § 16 Устава Общества, приступлено было къ избранію должностныхъ его лицъ на текущій годъ. По предложенію д. членовъ: П. И. Мельникова и Д. И. Иловайскаго, которое принято было единогласно всѣми членами засѣданія, весь должностной составъ оставленъ тотъ же, что̀ былъ въ истекшемъ году. Именно:

Предсѣдатель:
Графъ А. С. Уваровъ.
Товарищъ Предсѣдателя:
К. К. Гёрцъ.
Секретарь:
В. Е. Румянцовъ.
Товарищъ Секретаря:
И. Д. Мансветовъ.
Библіотекарь и хранитель Музея:
А. В. Веселовскій.
Казначей:
А. И. Хлудовъ.
Члены Редакціоннаго комитета:
К. К. Гёрцъ, Н. А. Поповъ и Архимандритъ Амфилохій.
Члены Ревизіоннаго Комитета по денежной части Общества:
А. Н. Поповъ, А. Н. Андреевъ и Д. И. Иловайскій.

Индія.

1.

2.

3

4.

5.

6.

7

8.

Синотипечать Е. Я. Рейнгардта

Дозволено цензурою 1876 г. 12 Ап

Алжиръ.

3.

2.

4.

5.

7. 8. 6.

1. 9.

10.

11.

12.

13.

14.

Португалія.

15.

16.

Испанія.

17.

18.

Свѣтопечать В. Я. Рейнгардта

Дозволено ценз. 1876 г. 12. Ап

Франція.

Свѣтопечать В. Я. Рейнгардта

Дозволено цензурою 1876 г. 12 Ап.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества.
Томъ VI, выпускъ 3-й, съ 14 политипажами.

Цѣна втораго выпуска VI тома 2 руб.

Продается въ Москвѣ, въ книжныхъ лавкахъ Соловьева и Глазунова и въ собственномъ домѣ Общества, на Берсеневкѣ, у большаго каменнаго моста.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія Общества

1. **Древности**. Томъ I, выпускъ 1-й, цѣна 3 р.
2. — ,, — ,, Томъ I, выпускъ 2-й, цѣна 3 р.
3. — ,, — ,, Томъ II, выпускъ 1-й, цѣна 2 р.
4. — ,, — ,, Томъ II, выпускъ 2-й, цѣна 2 р.
5. — ,, — ,, Томъ II, выпускъ 3-й, цѣна 2 р.
6. — ,, — ,, Томъ III, выпускъ 1-й, цѣна 2 р.
7. — ,, — ,, Томъ III, выпускъ 2-й, цѣна 2 р.
8. — ,, — ,, Томъ III, выпускъ 3-й, цѣна 2 р.
9. — ,, — ,, Томъ IV, выпускъ 1-й, цѣна 2 р.
10. — ,, — ,, Томъ IV, выпускъ 2-й, цѣна 2 р.
11. — ,, — ,, Томъ IV, выпускъ 3-й, цѣна 2 р.
12. — ,, — ,, Томъ VI, выпускъ 1-й. цѣна 2 р.
13. — ,, — ,, Томъ VI, выпускъ 2-й, цѣна 2 р.

14. **Археологическій Вѣстникъ на 1867 г.** 6 книжекъ. Цѣна 6 р.
15. **Описаніе Кіева.** Соч. Н. Закревскаго. 2 тома съ атласомъ. Цѣна 7 р.
16. **Труды перваго археологическаго съѣзда**, въ двухъ томахъ, съ атласомъ. Цѣна 25 р.

Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

Stanford University Libraries
3 6105 013 561 423

	DATE DUE	

STANFORD UNIVERSITY LIBRARI
STANFORD, CALIFORNIA
94305